

122 N 22

Р.Г.Ланда

**СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
ГЛАЗАМИ
ВОСТОКОВЕДА**

Р.Г.Ланда

**СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
ГЛАЗАМИ
ВОСТОКОВЕДА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

— Л. Н. КОТЛОВ

Ланда Р. Г.

Л 22 Средиземноморье глазами востоковеда. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1979.

192 с. с ил. (Рассказы о странах Востока).

Очерки советского историка-арабиста написаны на основе впечатлений от поездки по Средиземному морю в октябре 1977 г., во время которой автор побывал в Стамбуле, на Кипре, Крите, Мальте, Сицилии и Корсике, а также в некоторых городах Италии и Греции. Главное внимание уделяется современному облику и повседневной жизни Стамбула, Кипра и Мальты, а также историческим, культурным и демографическим связям с Востоком островов Средиземноморья. В книге освещаются особенности контактов жителей южной Европы с Востоком, роль некоторых групп средиземноморских европейцев в арабских странах, обосновывается оценка Средиземноморья как древнего района сближения народов Европы и Востока.

Средиземное море — это самое большое внутреннее море земного шара. Оно омывает берега 17 государств с населением, насчитывающим в общей сложности около 300 млн. человек. Это место рождения и встречи многих прославленных в истории человечества цивилизаций, их взаимного влияния, временами — ожесточенной борьбы, но не менее часто — плодотворного сотрудничества. Географически и исторически Средиземноморье принадлежит одновременно Европе, Азии и Африке. При этом самое примечательное состоит в том, что его воды никогда не разъединяли народы, а соединяли их, к сожалению, не всегда для дружественного сближения. Но так или иначе, в битвах и столкновениях, в торговых и культурных контактах, в чередовании взаимоотталкивания и взаимоподражания это сближение неизбежно происходило, иногда помимо воли его участников, и даже при длительной вражде приводило к большему взаимному узнаванию, изучению и обмену опытом (военным, политическим, хозяйственным и др.). Древние египтяне, критяне, финикийцы, ассирийцы, античные греки и римляне, византийцы, арабы, венецианцы, генуэзцы и турки многое узнали, бороздя волны Средиземного моря, и многому научили другие средиземноморские народы.

Объективный характер этого процесса наиболее четко выступает, когда события рассматриваются сквозь призму истекших столетий и тысячелетий. Однако, становясь менее заметным по мере приближения к нашему времени и нередко оспариваемым (крайние националисты в самых разных странах, в том числе средиземноморских, с удивительным единодушием однообразно отрицают значение взаимовлияния народов и культур, подчеркивая лишь оригинальность и неповторимость своей собственной самобытности), этот процесс продолжается, вполне сохраняя объективный характер. В Сре-

диземноморье, как и всюду на земном шаре, со времен глубокой древности происходили смешения и слияния культур, языков и традиций различных племен и народов, а также неоднократные смены культурного, политического и хозяйственного лидерства.

Древний Восток, породивший первые человеческие цивилизации, в дальнейшем передал эстафету античной Греции и Риму, достижения которых, в свою очередь, были в значительной степени усвоены в раннее средневековье культурой Арабского Востока, давшей сильный импульс после эпохи крестовых походов европейскому Возрождению. Колониализм раннебуржуазной и империалистической Европы одним из первых объектов своей экспансии избрал Ближний Восток и Северную Африку. И отсюда же в середине нашего века началось его отступление, распространившееся затем на всю Африку. Характерно и, очевидно, не случайно, что все эти имеющие всемирное значение исторические сдвиги, последовательные крупномасштабные позитивные результаты инородных влияний, взаимное обогащение и взаимообмен совершенно непохожих цивилизаций происходили именно в регионе Средиземноморья.

Средиземноморский бассейн в истории человечества имел не только военное, политическое и культурное, но и громадное экономическое значение, подтверждаемое источниками и археологическими находками, относящимися еще ко II и III тысячелетиям до н. э. В наши дни экономическое значение его, как района интенсивнейшего морского судоходства, как уникального водного ареала (ибо нигде на нашей планете нет такого множества стран, связанных столь короткими расстояниями по морю), еще более возросло. Можно лишь упомянуть, что по Средиземному морю доставляется с Ближнего Востока основная часть (60%) нефти, необходимой для экономики Западной Европы.

Сказанного выше вполне достаточно для объяснения давнего интереса автора к Средиземному морю, вернее, к самой постановке проблемы Средиземноморья как древнего (а также современного) пути, связывающего Восток и Запад. Автору приходилось в разные годы наблюдать жизнь средиземноморцев на тунисском, алжирском, ливийском, египетском, ливанском побережьях, смотреть на далекую полосу средиземномор-

ской воды с башни старинного замка крестоносцев в Сирии, говорить с уроженцами северных берегов Средиземного моря, по той или иной причине оказавшимися на его южных и восточных берегах. Однако наиболее яркое и полное представление о связующей и объединяющей роли Средиземноморья удалось получить лишь после поездки в октябре 1977 г. по маршруту Стамбул — Кипр — Крит — Мальта — Сицилия — Корсика — Италия — Греция.

Предлагаемые очерки написаны главным образом на основе непосредственных впечатлений об этой последней поездке с привлечением, для сравнений и дополнений, материала более ранних наблюдений, сделанных в арабских странах Средиземноморья. Естественно, прежде всего основное внимание в работе уделено Стамбулу, Кипру и Мальте, имеющим непосредственное отношение к Востоку. Вместе с тем, по мнению автора, Крит, Сицилия и Корсика представляют не меньший интерес с точки зрения их историко-культурных и прочих связей с Востоком. Они, как, впрочем, Кипр и Мальта, убедительно свидетельствуют об исторически многослойном, комплексно-синтетическом характере культуры, обычаев и даже образа жизни (иногда мелочей быта и местного колорита) средиземноморских островов.

Сама идея написать подобные очерки родилась после чтения книги известного советского историка античности С. Л. Утченко, 12 лет назад обобщившего материалы дневников своих путешествий по многим странам мира, в том числе по средиземноморским. Но если С. Л. Утченко наблюдал жизнь главным образом стран Европы и в меньшей степени Востока (Египта, Ливана, Турции), хотел «взглянуть на некоторые общественные явления как прошлого, так и настоящего глазами историка»*, то автор настоящих очерков хотел бы ограничить свою задачу только взглядом на страны и проблемы Средиземноморья с точки зрения их роли и важности для жизни Востока и его изучения. Данные очерки — не исследование, а свидетельство очевидца, заинтересованного и пришедшего к определенным выводам относительно того, что он видел и слышал. Это — взгляд на Средиземноморье глазами востоковеда.

* С. Л. Утченко. Глазами историка. М., 1966, с. 3.

Стамбульские впечатления

Наше путешествие морем на теплоходе «Армения», начавшись в Одессе почти от знаменитой лестницы, спускающейся к порту, уже через сутки привело нас в Стамбул. Этот великий город, тысячелетиями стоящий на берегах Босфора и Мраморного моря, строго географически не относится к Средиземноморью. Однако для всех жителей черноморских берегов, в том числе и для русских, он всегда был воротами в Средиземное море, и не только потому, что его нельзя миновать, проплывая через Босфор и Дарданеллы. Стамбул, город четырех культур (древнегреческой, римской, византийской и турецкой) и трех религий (язычества, христианства и ислама), множества национальностей и языков, за две с половиной тысячи лет своего существования всегда был теснейшим образом связан со Средиземноморьем, его народами и традициями, с происходившими в этом регионе событиями. В этом отношении он — как бы наиболее близкий к нам форпост Средиземноморья. Вместе с тем это самый знаменитый и ныне, пожалуй, единственный город Востока, оставшийся на Европейском континенте.

Стамбул фактически «виден» с Черного моря, выдвинувшись навстречу черноморским кораблям маяком Румелифенери у входа в Босфор. Город возникает постепенно, по мере того как солнце, поднимающееся из-за левого, азиатского берега, освещает более обжитой правый, европейский берег. Среди предместий европейской части Стамбула величественно вздымаются мощные башни и зубчатые стены старинной крепости Румелихисары. Она выстроена 500 лет назад в том месте, где Босфор достигает всего 450 м ширины и где чаще всего переправлялись бесчисленные армии завоевате-

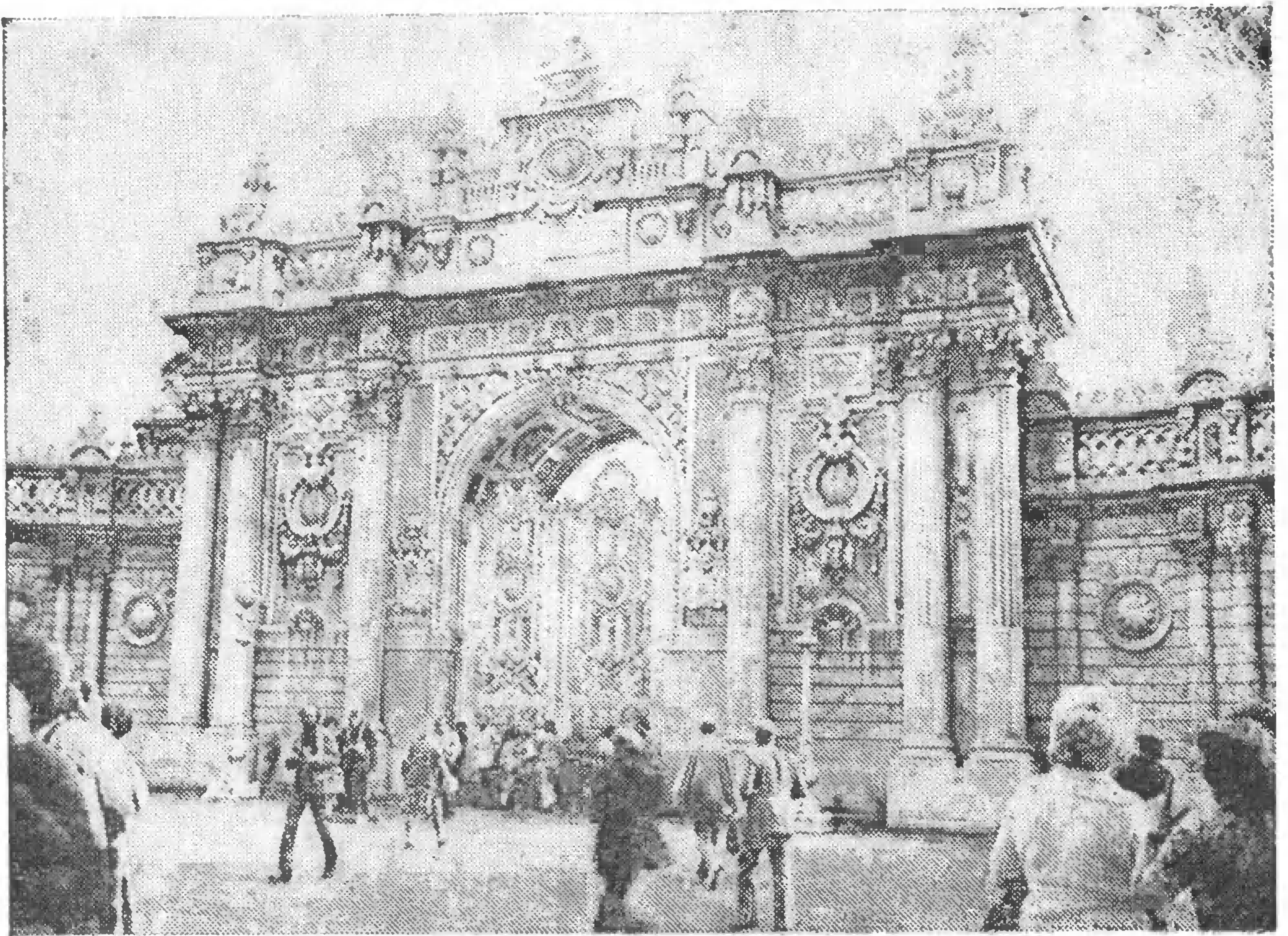

Стамбул. Вид с Босфора

лей — от разорявших античную Грецию древнеперсидских армий до турецких войск, пересекших пролив задолго до последнего штурма еще остававшегося византийским Константинополя.

Миновав почти двухкилометровый мост через Босфор (самый большой в Европе), соединяющий европейскую и азиатскую части города, плывем мимо центральных районов, где расположены основные предприятия, учреждения и исторические достопримечательности. Стамбул — главный промышленный центр, торговый порт и транспортный узел Турции. Экономическая значимость и исключительно плотная населенность города (около 4 млн. жителей) обусловили особенности его экономического бытия и внешнего вида.

Большинство домов Стамбула потемнели не только от времени и сырости. Они покрыты серым налетом и имеют какой-то закопченный, задымленный вид. Особенно это бросается в глаза с Босфора, когда на фоне синевы неба и воды (хотя у самого берега вода в черте

Дворец Долмабахче

города отнюдь не синяя, а, скорее, болотно-зеленая) четко видна желто-серая полоса мутного смога над Стамбулом. Она мешает достаточно хорошо различить даже здания на берегу, например «жемчужное ожерелье» Босфора, великолепный дворец Долмабахче — бывшую резиденцию основателя Турецкой Республики Мустафы Кемалю Ататюрка.

Стамбульцы утверждают, что местный смог образуют главным образом выхлопные газы невероятного (и с каждым годом все растущего) множества автомашин, а также дым бесчисленных фабрик и заводов (в Стамбуле, говорил наш гид Мустафа, расположено около половины всех промышленных предприятий Турции), различных мелких мастерских с кузницами, жаровнями и прочими «дымообразующими» установками, каковых в городе немало. При этом надо учитывать и постоянно высокую влажность воздуха. К сожалению, здесь, как почти во всех больших индустриальных центрах мира, проблема загрязнения атмосферы весьма остра. На улицах Стамбула ощущаешь вместо ожидаемых пряных

Стамбул. Голубая мечеть

«восточных ароматов» вполне «западные» и малопривлекательные запахи бензина, гари, асфальта, фабричного и прочего дыма. Лишь к вечеру в городе дышится легче благодаря прохладному ветерку с Босфора.

Европейская часть Стамбула делится нешироким, в полкилометра, заливом Золотой Рог на собственно Стамбул, или Эминёню (это самая древняя часть города, окруженная с суши руинами крепостных стен византийского периода), на юго-западе и Бейоглу (бывшую Галату) на северо-востоке. Меньшая часть города — Ускюдар — расположена на азиатском берегу. Наиболее важные районы — на европейском берегу. Первый из них можно считать преимущественно «историко-административным», а второй — главным образом «торгово-промышленным». Именно к этим районам в первую очередь относится несколько фривольный комплимент автора турецкого путеводителя по городу Эрджана Гюнери: «Стамбул, как француженка, прекрасен в любое время года... и со всех сторон». Как и всякий комплимент, данный содержит изрядную дозу преувеличения. Однако он совершенно точно характеризует

одну из особенностей Стамбула: в самых разных местах город склонен, иногда внезапно и ошеломляюще, демонстрировать свои преимущества.

Путешествие по Стамбулу мы начали с района пассажирского порта. Вскоре мы остановились у эклектически красивых и довольно замысловато выполненных из белого камня ворот дворца Долмабахче с застывшим у их золоченой решетки часовым. Затем через районы Бешикташ и Ортакей, минуя парк Йылдыз (на месте которого ранее стоял дворец «кровавого султана» Абдул Хамида), выехали на босфорский мост, по которому перебрались в азиатскую часть города. Изумителен вид с моста на оба берега пролива, позволяющий лишний раз оценить сложную конфигурацию Стамбула, то отлого спускающегося к Босфору, то круто вздымающегося на холмы. Возвращаясь на европейский берег по стамбульской окружной дороге, мы видели новые жилые кварталы и промышленные предприятия северных окраин, часть сохранившихся византийских стен. Миновав проспекты Миллет и Орду, выехали на площадь Атмейдан, где в византийскую эпоху был расположен знаменитый ипподром.

На этой площади расположены многие исторические памятники города: древнеегипетский обелиск XVII в. до н. э., привезенный сюда и установленный в IV в. н. э. римским императором Феодосием; Змеиная колонна Константина Великого (также IV в. н. э.); уже начавшая разрушаться колонна, воздвигнутая при византийском императоре Константине Порфирородном (X в.) в честь другого императора — Василия Македонского. Здесь же и памятник гораздо более поздний — немецкий фонтан из разноцветного мрамора с орнаментальной мозаикой. Это подарок германского кайзера Вильгельма II султану Абдул Хамиду во время визита в Стамбул в 1895 г.

С площади Атмейдан можно войти в знаменитую мечеть султана Ахмета (Голубую мечеть) — самую красивую в Стамбуле. По преданию, султан хотел, чтобы эта мечеть превзошла изяществом и убранством расположенный вблизи храм Айя София. Они хорошо видны с Босфора даже в сумерки, когда особенно бросается в глаза их сходство и в то же время большая легкость шестиминаретной Голубой мечети по сравнению с мас-

сивностью четырехминаретной Айя Софии. Внутри Голубой мечети — простор и необыкновенный бледноватый свет, порождаемый сохранившимися кое-где сине-красно-желтыми витражами и различными оттенками голубой окраски стен и мощных, многометровых в диаметре колонн. От этой окраски майоликовых плит мечеть и получила свое название. К сожалению, все детали внутреннего убранства мечети (в частности, бросается в глаза сталактитовая резьба по серому мрамору и золотые росписи арабской вязью по темному фону) оценить в настоящее время невозможно, так как мечеть постоянно реставрируется и часть ее молитвенного зала закрыта строительными лесами.

Поначалу Стамбул, особенно если осматривать его из окна туристского автобуса, вообще производит впечатление города мечетей. Копьевидные минареты и купола примерно 500 мечетей — первое, что бросается в глаза. Мечеть обычно называли по имени султана, который приказывал ее строить или памяти которого она посвящалась. Таковы мечети Мехмета Фатиха, Баязита, Селима Явуза (Грозного), Сулеймана Кануни. Все это величественные сооружения, послужившие образцами для культового зодчества в различных концах бывшей Османской империи — от Балканского полуострова до Арабского Востока (в частности, для текке Сулейманийе в Дамаске и мечети Мухаммеда Али в Каире). В то же время сами они строились по образцу храма Айя София.

Храм, выстроенный в VI в. по приказу византийского императора Юстиниана, был самой большой церковью христианского (позднее православного) мира, а в XV в. стал мусульманской мечетью. В 1935 г. по указанию Ататюрка храм был превращен в музей и стал одной из интересных достопримечательностей Стамбула. Это массивное, с мощными контрфорсами и шлемовидными куполами, пожелтевшее от времени здание высотой около 56 м. Четыре минарета, пристроенные позже, выглядят несколько искусственно и расположены дальше от основного здания, нежели минареты прочих мечетей. Внутри собор выложен цветным мрамором, украшен богатым орнаментом и двумя рядами стройных колонн коринфского стиля. Главным образом на верхних галереях сохранились старинные византийские фрески и

мозаичные портреты, большинство которых обнаружено и реставрировано уже после превращения храма в музей. Интерьер храма украшают и произведения турецких мастеров; михраб (обращенное к Мекке искусно вырезанное углубление в стене), мимбар (кафедра проповедника), максура (окруженное резной решеткой особое возвышение для султана), выполненные в середине прошлого века каллиграфом Казаскером Мустафой Иззетом огромные диски с золотым тиснением арабской вязью имен Аллаха, пророка Мухаммеда, его внуков Хасана и Хусейна, а также первых («праведных») халифов: Абу Бекра, Омара, Османа и Али. Эти диски сразу же бросаются в глаза при входе внутрь храма.

О красоте и величии храма можно говорить без конца. Этому высшему достижению византийской архитектуры посвящено немало страниц в мировой художественной и специальной литературе. Но сегодня при его даже беглом осмотре больше всего поражает, как он вообще уцелел при столь бурной и богатой трагическими поворотами истории города, как сумел не только сохранить свои первоначальные достоинства, но и включиться в совершенно иную жизнь, иную систему ценностей, присущих другой цивилизации и другому мировоззрению. Храм-музей сегодня как бы символизирует и иллюстрирует комплексность и неоднородность культурно-исторических традиций Стамбула.

О многообразии этих традиций, хозяйственных, дипломатических и прочих связей, в том числе в области искусства, свидетельствует и расположенный рядом с храмом-музеем Айя София дворец-музей Топкапы. Это бывшая (до 1839 г.) резиденция султанов и довольно яркий памятник турецкого зодчества и его трансформаций на протяжении почти четырех веков: выстроенный в 1464—1478 гг., дворец впоследствии (вплоть до 1817 г.) постоянно расширялся, достраивался и перестраивался. Византийские, турецкие, арабские, персидские и прочие мотивы вносились в архитектуру Топкапы несколько стихийно, в зависимости от воли султанов и, как правило, в связи со знаменательными событиями их царствований. Вследствие этого дворец представляет собой довольно хаотичное нагромождение строительных форм разных эпох, происхождения и ценности. Здесь султаны объявляли войну и мир, принимали послов,

назначали и смещали визирей, судили и казнили непокорных.

Теперь здесь оружейная палата и несколько больших экспозиций, фактически самостоятельных музеев. Через просторный, со свежей травой и стройными кипарисами внутренний двор, проходим направо, в бывшие султанские кухни, где ныне разместились выставка китайского, японского и европейского фарфора, а также турецкой посуды из меди и стекла. Посуды много: только свыше 10 тыс. предметов — ваз, тарелок, чашек и др. — из китайского фарфора (да изделий из японского или саксонского, пожалуй, не меньше). Ведь в обычные дни в султанской кухне готовили на 5 тыс. человек, а в праздники — на 15 тыс. Проходя под тенистой аркадой в другие залы дворца, осматриваем оружие (особенно запоминаются богато украшенные кинжалы и сабли) и различные драгоценности из султанской казны (в Османской империи наряду с государственной была личная казна султана, которая в отличие от первой никогда не пустовала), личные одеяния и украшения султанов, их троны. Об одном из них, золоченом, с изумрудами и жемчугами по красной эмали, ходила легенда, что он был захвачен султаном Селимом Явюзом у персидского шаха Исмаила. Последние же исследования, по словам хранителя музея Кемаля Чыга, доказали, что этот трон был захвачен в Индии персидским шахом Надиром у дельийских султанов Тимуридов и в 1746 г. подарен турецкому султану Махмуду I (Надир-шах, будучи тюркского происхождения, желал прекращения вечных турецко-персидских войн).

Сокровища Топкапы можно перечислять без конца: здесь и знаменитый бриллиант «Кашыкчи» в 86 карат, не менее известный меч «Топкапы», украшенный бриллиантами, индийская статуэтка курильщика под балдахинном (вся из жемчуга), золоченые короны и т. д. Особый интерес представляют ордена, которые носили султаны: турецкие, русские, австрийские, французские, а также различных итальянских и германских государств.

В старом Стамбуле почти все достопримечательности — рядом. Главный вход в Топкапы — Баб-и хумайю (императорские ворота) — справа от древних стен храма Айя София. Из окна одного из залов дворца — прекрасный вид на Босфор и бухту Золотой Рог. По

выезде из Топкапы нас ждет еще одно напоминание о древности Стамбула, о том времени, когда он был еще не столицей ислама, а первым городом христианства.

Недалеко от храма Айя София — подземное водохранилище Йеребатан (от тур. «Йеребатан сарай» — «Провалившийся под землю дворец»). Это огромное подземелье со множеством (более 300) высоких колонн, завершающихся сводами кирпичных арок, и с поблескивающей в полутьме водой. Выстроенное, как и храм Айя София, при императоре Юстиниане, водохранилище называется также «цистерна Базилики» (в городе есть и другие цистерны византийского и римского времени). Эта и прочие сохранившиеся цистерны имели огромное значение в древности, да и в средние века, во время осады города. Во всяком случае, ныне их демонстрируют туристам (Йеребатан нам показывали как «водопровод Юстиниана»). Они считаются интересными и в некоторых случаях даже выдающимися памятниками византийской эпохи. И все же от Йеребатана остается несколько тяжелое впечатление, как от всякого сооружения, исполненного мрачного величия.

Вообще впечатления от осмотра города довольно разнородны и не сразу складываются в целостную картину. Возможно, что вначале мы находились немного под влиянием всего прочитанного об этом удивительном городе. «Стамбул, — писал С. Л. Утченко, — бесспорно не европейский город, это ясно. Но он не похож и на город восточный» *. Согласиться с этим утверждением можно лишь с одной поправкой: Стамбул, скорее, соединяет в своем облике черты восточного и европейского города. Недаром Маркс называл этот город золотым мостом между Востоком и Западом **. Естественно, он как бы не тот и не другой, оба сразу. Он воплощает взаимопроникновение Европы и Востока. Сделав этот вывод, воспринимать город и оценивать его по достоинству гораздо легче.

Полувосточный, полоевропейский, Стамбул с первого же взгляда поражает сочетанием обликов разных эпох и особенностей архитектуры различных стилей,

* С. Л. Утченко. Глазами историка, с. 175.

** К. Маркс. Поражение правительства по финансовому вопросу. — Извозчики. — Ирландия. — Русский вопрос. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9. с. 240.

способностью интегрировать, усваивать, переваривать все то, что дали ему столь непохожие друг на друга периоды его истории, обитавшие на его территории жители, сталкивавшиеся и перекрещивавшиеся здесь культурные и политические влияния, национальные и художественные формы.

Старый Стамбул раскинулся на семи холмах. Круто поднимающимися вверх от порта улицами и переулками, нависающими один над другим в виде уступчатых террас домами, в которых верхние этажи выступают над нижними, впечатлением какой-то общей устремленности от моря к небу Стамбул напоминает столицу Алжира. Но здесь нет таких ярких красок и импрессионистских полутонов, а также рафинированной «белокаменности», свойственной Алжиру, как и большинству других городов Магриба. В меньшей мере похож Стамбул на другие средиземноморские порты, раскинувшиеся на склонах прибрежных гор, например Пирей или Неаполь. Еще больше сравнений напрашивается при виде отдельных зданий или архитектурных комплексов; султанский дворец Топкапы напоминает дворец крымских ханов в Бахчисарае (только он намного больше, богаче, в том числе зеленью, и расположен не в пизине, а высоко над слиянием вод Босфора, Золотого рога и Мраморного моря); голубизна майолики Голубой мечети сродни чем-то голубизне купола Гур-Эмира в Самарканде; ажурная резьба по камню или дереву, характерная для многих старинных зданий Стамбула, воскрешает в памяти работы хивинских и бухарских мастеров. Сходство иногда бывает столь поразительным, что, например, совершенно нельзя отличить фонтан Ахмета III во дворце Топкапы от воспетого Пушкиным фонтана Бахчисарайского дворца.

Однако современный Стамбул чужд или почти чужд восточному колориту. Прежде всего это относится к самим стамбульцам — спокойным, одетым по-европейски, нередко светловолосым и светлоглазым. У одного нашего турколога я потом прочитал, что сдержанность турок доходит до скованности. Но другой знаток Турции, часто там бывавший, сказал: «Это только пока они не разозлились. В гневе темперамент у них брызжет через край». Но мне этого видеть не пришлось; судя по всему, в Турции не принято сердиться по пустякам. Слишком

много слез и крови было пролито в свое время в Стамбуле — городе, столь много повидавшем и пережившем. Именно здесь чувствуется, какими сложными и часто противоречивыми путями шел этногенез турецкого народа, какой немалый вклад внесли в него проживавшие ранее на землях Византии, а потом Османской империи греки, грузины, славяне, венгры, армяне, итальянцы, албанцы и представители других народов Балкан и Средиземноморья.

Еще в византийскую эпоху северная часть города — Галата — была населена европейцами. К тому же Стамбул на протяжении всей истории Турции был городом с наибольшим процентом нетурецкого населения, а также тех социальных групп, которые формировались в основном из нетурок по происхождению (янычар, определенной части интеллигенции, торговцев и ремесленников). Все это, очевидно, и способствовало тому, что внешность современных жителей Стамбула в большинстве случаев нередко лишена характерных восточных черт. Восточный, вернее полувосточный, вид сохраняют, да и то не всегда, старики, главным образом надевающие еще шаровары и фески. В основном же эти одеяния давно стали чисто музейными экспонатами или экзотическими товарами для туристов. В частности, фесками торгуют на углах некоторых стамбульских улиц вместе с дудочками и кастанъетами.

Пушкинская строка «Стамбул гяуры нынче хвалят» приходит на память при первом же беглом знакомстве с этим древним городом: так много в нем иностранцев! Звучит повсюду английская, французская, немецкая речь, перемежаясь с турецкой, а иногда и забивая ее. Иностранцев много, и далеко не все они туристы: немало дипломатов, коммерсантов, агентов и коммивояжеров бесчисленных фирм и компаний, чьи вывески нередко более яркие и крупные, нежели собственно турецкие. Да и за чисто турецкими названиями далеко не всегда скрывается истинно турецкое содержание...

На улицах много полицейских, что также косвенно связано с обилием иностранцев. Ввиду гигантского наплыва туристов и вообще иностранцев здесь, как и в некоторых других странах Средиземноморья, существует особая туристическая полиция, охраняющая права туристов и одновременно наблюдающая за ними.

Большое число мелких ремесленников и розничных торговцев Стамбула связано с туризмом, занято производством и сбытом товаров соответствующего спроса. Они достаточно напористы и активны, как и их собратья по профессии во всех странах, но менее крикливы и назойливы, чем где бы то ни было на Востоке.

Вообще то, что принято называть деловой активностью, в Стамбуле чрезвычайно развито и, пожалуй, по масштабам видимого превосходит частнопредпринимательскую деятельность в большинстве развивающихся стран. Об этом свидетельствуют не только бесконечные ряды магазинов, лавок, кафе, различных контор и представительств частных фирм, которыми буквально наводнены первые (и не только первые) этажи домов на всех главных улицах города. На это же указывают рекламы и вывески многочисленных банков, украшающие почти всё: крыши высоких зданий, глухие стены бедных кварталов, въезды на мосты. Банков много, и называются они по-разному: «Стамбульский», «торговый», «промышленный», «народный», «кредитный», «банк Турции» и т. д. Создается впечатление, что в Стамбуле их даже больше, чем мечетей.

Интересен стамбульский крытый рынок — Капалы Чаршы, на который можно попасть из примыкающего к порту района Каракёй, перебравшись на другой берег Золотого рога в район Эминёню и проехав мимо так называемого египетского базара (XVI в.) и возвышающейся над ним Новой мечети (XVII в.). Далее мы миновали недавно выстроенную станцию метро, муниципалитет, какие-то министерства и редакцию газеты «Хюрриет». В ряде мест улицы, особенно по мере приближения к рынку, так узки, что кажется, автобус вообще не сможет в них въехать. Но нашего водителя Мехмета это мало смущает, и он не сбавляет скорости, лихо поворачивает в какой-то доле сантиметра от углов старых домов, кое-где стесанных, возможно, менее искусными шоферами. Сам рынок Капалы Чаршы, расположенный возле мечети Нур-и Османийе (на ее огромные ворота мы и ориентировались, чтобы не запутаться в причудливо растекающейся сети 65 улочек рынка), вовсе не производит впечатления восточного базара. Как не без горечи отмечено в путеводителе, «его наводнила банальность, подавил модерн, самобытность его

исчезла, а восточные изделия мало-помалу уступают место залежалым товарам». Хотя данное суждение чересчур пессимистично, оно во многом все же верно. Покупателей на рынке, как мне показалось, не намного больше, чем самих продавцов, да и покупают далеко не все. Многие, особенно иностранцы, приходят сюда просто полюбоваться экзотикой и... не находят ее. Капалы Чаршы — это крытые сплошным верхом в виде множества куполов бесконечные лабиринты торговых рядов, состоящих из застекленных и красиво подсвеченных электролампами лавок и магазинов вполне современного типа. Купить здесь можно все что угодно, но преобладают, вернее, бросаются в глаза, товары для туристов: ткани, бриллианты, гончарные изделия, чеканка, старинное оружие, ковры, керамика, бронза, мрамор, различные сувениры и символы. Торговцы свободно говорят на многих языках, даже знают немало русских слов, а в одном ряду настойчиво пытались говорить с нами по-польски. Оказалось, что это выходцы из Югославии, обитающие главным образом в старинном польском квартале Стамбула.

Разумеется, не много можно увидеть в Стамбуле за несколько дней. Но даже за такой срок нельзя не заметить высокого накала общественно-политической жизни города. Когда мы были на центральной площади Таксим, у монумента Республики со скульптурами Ататюрка и других деятелей турецкой революции, нам рассказывали о бурных политических митингах и демонстрациях, постоянно здесь происходящих и нередко оканчивающихся столкновениями либо демонстрантов с полицией, либо враждующих групп, главным образом студентов. Последние, особенно кровавые события на площади Таксим произошли 1 мая, и до сих пор (в октябре 1977 г.) весь Стамбул продолжает говорить об этом. От площади Таксим спускается вниз, на юго-запад, вплоть до моста Ататюрка, одна из главных улиц Стамбула — Истикляль — длинная, со множеством магазинов, кафе и кинотеатров. Характерно, что именно здесь разместилось созданное в апреле 1977 г. Общество сторонников мира Турции, уже через полгода собравшее более 40 тыс. подписей под своим обращением с осуждением гонки вооружений НАТО и подготовки США к производству нейтронного оружия. Хотя Тур-

ния еще и входит в военный блок НАТО, антиамериканские и вообще антинатовские настроения в стране растут.

Улицы Стамбула во всех районах, кроме самых фешенебельных, носят следы недавно прошедших (летом 1977 г.) парламентских выборов. Стены домов до сих пор испещрены политическими лозунгами и надписями. Характерно, что в кварталах побогаче часты надписи, славящие «ислам», «нацию», «Турцию», но зато в бедных кварталах преобладают здравицы в честь ДИСК (созданной в 1967 г. левой Конфедерации революционных рабочих профсоюзов). Более того, в некоторых местах, в том числе в бывшем янычарском районе, недалеко от спускающейся вниз улицы Диван Йолу, бывшей главной магистрали султанской столицы в средние века, встречаются надписи в честь Маркса и марксизма.

Влияние идей социализма особенно сильно среди молодежи Стамбула. «Я социалист, и мне не нравится фашистский режим в Америке», — говорил нам молодой турок на площади Атмейдан. Другой около ворот Нур-и Оманийе показал мне тщательно хранимый им значок с портретом Ленина. Антикоммунизм и антисоветизм, насаждавшиеся в Турции в годы второй мировой войны (прогитлеровскими элементами) и после нее (проамериканскими и другими прозападными фракциями буржуазии), ныне сдают свои позиции. Недаром наибольшее число голосов на последних выборах (1977 г.) собрала Народно-республиканская партия, руководствующаяся заветами Ататюрка и, кстати, включившая в свои предвыборные обещания обязательство снять запрет с деятельности компартии Турции.

Турки отлично помнят, что национальная революция, возглавленная Ататюрком, была поддержана Советской Россией, что в 20—30-е годы, когда страной руководил Ататюрк, молодая Турецкая Республика получила от СССР большую помощь, в частности в строительстве самостоятельной национальной экономики. Поэтому, хотя в последние десятилетия турецко-советские отношения отнюдь не были безоблачными, в целом турки неплохо относятся к советским людям. Было бы преувеличением сказать, что нам кидались на шею, узнав, откуда мы. Но турки, как уже говорилось, во-

До сих пор очень сдержанны и совершенно не подтверждают своим хладнокровием, некоторой замедленностью движений и манерой держаться расхожего мнения о «восточном темпераменте». Мы всюду встречались с вежливым вниманием и действительно по-восточному продуманным гостеприимством, с желанием показать нам за короткое время все самое лучшее в Стамбуле. Об этом свидетельствовали и мимолетные разговоры на улицах Стамбула, и постоянное общение с гидом, и доброжелательные улыбки торговцев, и стилизованные «казачьи» пляски во время традиционного «восточного шоу» в «караван-сараяе» (ночном клубе) на проспекте Джумхуриет, и множество русских мелодий, хорошо исполненных небольшим, но мастерски игравшим оркестром «караван-сарая».

Мы отплывали из Стамбула, переполненные впечатлениями от всего увиденного и услышанного. Теплоход уже вышел в Мраморное море, направляясь к Дарданеллам, а в дымке еще угадывались минареты Голубой мечети и храма Айя София, шныряние лодок у входа в Золотой Рог, суматоха порта у Каракёя. Стамбульские впечатления начинали превращаться в еще свежие, но все же воспоминания. А впереди ждал Кипр.

Легенды и будни острова Афродиты

В марте 1967 г. мне довелось впервые побывать на земле Кипра. Наш самолет, летевший из Москвы в Дамаск, совершил посадку в Никосии. Мы с любопытством смотрели на стремительно приближавшееся поле аэродрома, особенно золотистое на фоне чуть синевших теней окружающих холмов. В аэропорту мне запомнились броские, на разных языках, призывы посетить «самый солнечный остров Средиземного моря», большая группа офицеров войск ООН (очевидно, немалого ранга ввиду множества орденских ленточек, звезд и разных эмблем на погонах, густых белоснежных аксельбантов) и озабоченный вид служащих-киприотов. Уже четыре года на Кипре было беспокойно и, судя по предупредительности полиции по отношению к офицерам ООН, именно на ООН киприоты возлагали надежды на возвращение спокойствия. Вместе с тем остров еще сохра-

нил привычный облик «рая для туристов», как бы по инерции чаруя приезжих улыбками безмятежных реклам.

Бродя по залу аэропорта, в котором пробыли не больше получаса, мы машинально читали разбросанные повсюду красочные проспекты. В одном из них было написано: «К моменту, когда путник ступает на почву Кипра, он рассматривается как священная особа. Ни одна страна не может соперничать с Кипром в гостеприимстве». При этом подчеркивалось, что традиции гостеприимства на Кипре насчитывают уже четыре тысячи лет.

Разумеется, никто из нас тогда не придавал всей этой рекламе никакого значения. Лично я вовсе не рассчитывал побывать еще раз на Кипре. Однако через десять с половиной лет мне представилась возможность вновь встретиться с древним гостеприимством Кипра. На этот раз мы прибыли на остров не на самолете, а на теплоходе. За прошедшие годы на Кипре произошли значительные изменения, многие надежды, к сожалению, не сбылись, а худшие предсказания оправдались. Международный аэропорт в Никосии к 1977 г. был уже три года как закрыт после боев 1974 г., а через аэропорт в Тимбу (Эрджан), так же как через занятые турецкими войсками порты Фамагуста, Кирения и Каравостаси, доступ на Кипр был запрещен правительством республики.

Все было по-новому: наш теплоход прибыл в один из южных портов острова, мы увидели Кипр не нарядной весной, как в 1967 г., а более сдержанной осенью, получив возможность взглянуть на кипрскую землю не за считанные буквально минуты, а в течение ряда дней ознакомиться по-настоящему с жизнью, интересами и надеждами киприотов.

Путеводители именуют Кипр «самым самобытным островом» Средиземноморья, имеющим «один из самых здоровых климатов в мире», 340 солнечных дней в году и условия для купания круглый год в «кристально чистом синем море у красивых песчаных берегов», где даже в январе температура воды не бывает ниже +17°. Вначале этому трудно было поверить, так как впервые мы увидели пологие берега острова сквозь сероватый октябрьский туман. Но вскоре золотистые, как кипрские

апельсины, лучи солнца рассеяли туман, а вместе с ним и наше скептическое отношение к туристическим проспектам, называющим Кипр «маленьким миром в себе, чарующе и гармонично сочетающим легенды и реальность».

В дальнейшем, во все дни пребывания на Кипре, мы неизменно восхищались этой чудесной страной, где бы ни оказывались: в одноэтажной, пыльной, тихой Ларнаке, непритязательно раскинувшейся на небольшой равнине между морем и зеленеющими вдали горами; на дороге из важничавшего своими высотными зданиями и по-современному делового порта Лимасол в древнюю, выгоревшую на солнце и заботливо сохраняющую руины разных веков столицу Пафос; на шумных и широких проспектах оживленной Никосии или в небольшом, но очень интересном Кипрском музее.

Этот третий по величине средиземноморский остров был заселен еще в доисторические времена. Благодаря своему расположению на перекрестке путей из Европы, Азии и Африки он является одним из древнейших очагов человеческой цивилизации, история которой здесь насчитывает уже около восьми тысячелетий (в местечке Кирокития, на юге острова, обнаружены остатки древнего поселения VI тысячелетия до н. э.). По крайней мере с IV тысячелетия до н. э. Кипр (в древности — Алаши) был связан с древнейшими государствами Передней Азии и Крита и долины Нила, во II тысячелетии до н. э. стал одним из оплотов крито-микенской культуры и плацдармом для экспансии на Восток эгейских племен, названных древними египтянами народами моря.

На Кипре найдены предметы обихода и произведения искусства из древнего Египта, Месопотамии, Палестины и Финикии, а на территории всех этих стран Древнего Востока обнаружены кипрская керамика и изделия из меди. Медь добывалась на острове еще в эпоху неолита и называлась в ряде древних языков по названию острова (например, «купрум» по-латыни). Сами же киприоты одно время именовали свою страну Каробия — от распространенных здесь бобов каробов — «черного золота» Кипра. Каробы и оливки — главная достопримечательность холмистого изжелта-серого кипрского пейзажа, во всяком случае всего южного побе-

режья и ведущего в глубь острова шоссе Ларнака — Никосия.

В Кипрском музее в Никосии выставлены образцы древнего кипрского слогового письма. Благодаря им был зафиксирован бытовавший здесь диалект ахейских греков, поселившихся на Кипре в XIV в. до н. э. и почти 500 лет способствовавших его развитию. После завоевания дорийцами в конце II тысячелетия до н. э. материковой Греции и Крита язык ахейцев и связанное с крито-микенской культурой слоговое письмо сохранились лишь на Кипре, где постепенно формировалась самобытная культура на базе слияния эгейской цивилизации с древними культурами Египта, Двуречья и Малой Азии. Памятники того времени причудливейшим образом отражают, главным образом, в скульптуре, росписях сосудов и других произведениях изобразительного искусства, сочетание различных особенностей и даже принципов мастерства, скажем, древнегреческих и древнеегипетских ваятелей. Некоторые скульптурные портреты при этом изображают явно не греков, а, скорее, древних египтян или азиатов. Специалисты безошибочно определяют эпоху создания таких произведений также по типу орнамента, сюжету того или иного рисунка, барельефа и т. д.

На дальнейшее развитие духовной и материальной культуры острова наложили печать финикийская колонизация, борьба за обладание островом между ассирийцами, персами и греками. Несмотря на все перипетии этой борьбы, кипрская культура всегда оставалась тесно связанной с культурой древних греков и в известной мере служила своего рода руслом ее обогащения за счет различных влияний и заимствований с Востока. Именно здесь возник культ древнегреческой богини красоты и любви Афродиты, которую греки называли «Киприда», т. е. Кипрская, ибо, по преданию, она родилась из морской пены у юго-западного побережья Кипра. После этого Кипр стали называть Островом любви. Именно отсюда распространился миф о трагической любви Афродиты и Адониса, пришедшего в греческую мифологию из финикийских (а до этого вавилонских) верований.

На одной из улиц Ларнаки, ныне небольшого городка типа лермонтовской Тамани, где ничто не напоми-

нает ни о мифическом основателе города — Хиттимере (внуке библейского Ноя), ни о фактических основателях — ахейцах, ни о сменивших их почти три тысячи лет назад колонистах из Финикии, стоит небольшой белый бюст Зенона — знаменитого основоположника философии стоицизма. Ларнакцы гордятся своим земляком, проповедовавшим на рубеже IV—III вв. до н. э. в Афинах учение, синтезировавшее достижения как греческих, так и восточных (в частности, вавилонских) мыслителей. Вряд ли можно считать случайным то, что именно уроженец Кипра, где сталкивались многие народы, культуры и религии, создал философию всемирного единства и всемирного гражданства, всеобщего равенства и добродетели, обретения счастья в выполнении долга и правил этики.

Кипр последовательно входил в состав империи Александра Македонского, эллинистического Египта, владений древнего Рима и Византии. Среди римских наместников Кипра был знаменитый Цицерон, а позднее — один из первых христиан, Сергей Павл, в связи с чем киприоты с гордостью повторяют, что их остров «был первой страной в мире, управляемой христианским правителем». Здесь же, по преданию, проповедовали христианство апостолы Павел и Варнава. Последний официально считался основателем Кипрской церкви. Киприоты чтят монастырь св. Варнавы (недалеко от г. Саламис на восточном побережье), с его мощными средневековыми башнями и сохранившимися до наших дней богатыми традициями иконописи. Он считается одной из достопримечательностей острова. Столь же интересен монастырь Ставровуни («Гора Креста»), расположенный высоко в горах Трудос. Монастырь очень хорошо смотрится с шоссе Ларнака — Лимасол, откуда представляется светло-оранжевым горным гнездом на фоне темной зелени кряжей Трудоса. Он основан в V в., и в нем хранится христианская реликвия — привезенный императрицей Еленой (матерью римского императора Константина Великого) из Иерусалима кусок креста, на котором был распят Христос.

С середины VII в. Кипр на 300 с лишним лет попадает под господство арабов, имевшее чрезвычайно разрушительные для острова последствия. Первой экспедицией на Кипр в 648 г. командовал лично правитель

Сирии Муавия, будущий основатель халифской династии Омейядов. Арабский флот (по разным источникам, от 200 до 1700 кораблей из Сирии и Египта) захватил остров и заставил киприотов платить дань лично Муавии. Но вскоре византийцы отбили Кипр. Вторично он был завоеван после 40-дневной борьбы в 653 г. арабским флотоводцем Абу-ль-Аваром, оставившим здесь 12-тысячный гарнизон и выстроившим первые мечети. Но и на этот раз надолго удержаться арабам не удалось. Последовало еще несколько вторжений и отступлений, пока арабы не завладели Кипром безраздельно в 806—904 гг. Византийцы вновь отвоевали значительную часть острова в 906—913 гг., пока не были вытеснены арабами, прибывшими с Крита. Но в 965 г. византийский император Никифор Фока окончательно изгнал арабов с Кипра.

Ввиду постоянной борьбы арабов с более сильными сначала на море византийцами кипрские земли систематически разорялись и выжигались, время от времени становясь ареной сражений и объектом набегов. Вследствие всего этого Кипр был частью Арабского халифата во многом лишь номинально. Арабы фактически 24 раза вторгались на остров и заново его завоевывали. Преимущественно военное присутствие арабов способствовало тому, что они оказали очень незначительное влияние на язык и культуру местных жителей (в отличие, например, от Мальты, где арабы успели укорениться). Тем не менее кое-какие следы пребывания арабов на острове сохранились.

К ним относится, в частности, гробница одной из родственниц основателя ислама пророка Мухаммеда (по одним сведениям — его тетки, по другим — просто кормилицы). Эта женщина, которую пророк уважительно называл матерью при обращении к ней, была женой одного из его ближайших друзей и последователей (ансаров). Мухаммед будто бы предсказал ей, что она будет первой из арабских женщин участницей морских походов. Следуя этому предсказанию, она и отправилась вместе с мужем в экспедицию 648 г., во время которой умерла на Кипре, упав с мула. По утверждению историка арабского Средиземноморья Али Фахми, ее могила была найдена лишь в XVIII в., когда и стала предметом поклонения. Настоящее имя этой

женщины неизвестно. Поэтому гробнице ее было дано условное имя, которым ее называли средневековые арабские историки, — Умм аль-Харам («Пресвятая мать» по-арабски). Это одна из старинных мусульманских святынь, издавна ставшая объектом паломничества. В эпоху турецкого господства на Кипре над гробницей была воздвигнута текке (мусульманская духовная обитель с мечетью и школой) Хала Султан.

Однако не только памятники ислама или минувших битв напоминают киприотам об арабах, связи с которыми, особенно культурные и торговые, сохранились и после их ухода с острова и, более того, стали даже крепче после этого. В язык греков Кипра проникли из арабского некоторые слова и частицы, например «хаджи» (пилигрим в святое места), «мухтар» (избранное должностное лицо), «кубби» (купол). В основном их занесли бежавшие сюда арабы-марониты.

Переселение на Кипр христиан-маронитов из Сирии и Ливана происходило в VII—XIII вв. и было вызвано как религиозными, так и политическими причинами (особенно поражениями византийцев и крестоносцев). В XIII в. на Кипре было уже до 80 тыс. маронитов. Попадали на остров разными путями выходцы и из других арабских стран. Палестинские арабы, например, занесли на Кипр культуру цитрусовых, плантациями которых ныне покрыта значительная часть пригодных к обработке земель острова. Большинство маронитов впоследствии вернулись в Ливан (в XVI в. на Кипре было 19 маронитских деревень, в XVIII в. — 10), остальные ассимилировались, восприняв кипрский диалект греческого языка (кроме деревни Кормакити, где говорят на арабском диалекте). До недавнего времени на острове проживали всего несколько тысяч арабов, главным образом приезжих ливанцев. После ливанских событий 1975—1976 гг. число их несколько возросло: во многих городах Кипра сейчас можно встретить арабов из Ливана, выжидающих на острове окончания внутривосточной политической бури в своей стране.

Обо всем этом вспоминаешь, проезжая мимо плантаций апельсинов и лимонов под Лимасолом, окруженных провололочными изгородями и защитными (от морских ветров) полосами кипарисов, вслушиваясь в арабскую речь в одном из отелей Никосии, где группа мо-

лодежи, по внешнему виду ливанских христиан, весело беседовала со служащей отеля, оказавшейся их соотечественницей, а также посещая расположенную недалеко от Ларнаки текке Хала Султан. Хотя мечеть в текке уже не действует, допускаемые в нее туристы по-прежнему обязаны снимать обувь и вести себя, как в действующей мечети. Ее высокий песочного цвета минарет виден далеко, возвышаясь над пересошим соляным озером и окружающей текке тенистой рощей главным образом из пальм и кипарисов. На стенах внутреннего дворика — белые литеры ООН, над воротами — голубой с изображением земного шара флаг ООН, взявшей ныне под свою охрану все памятники культуры на Кипре.

На острове — редкое изобилие этих памятников. Храмы Афродиты, Аполлона и других древнегреческих богов разбросаны по всему побережью Кипра, чередуясь с первобытными стоянками и захоронениями, руинами доисторических и античных жилищ, замками и монастырями эпохи средневековья. Недалеко от Пафоса стоит замок крестоносцев XIII в., выстроенный на месте древнейшего святилища Афродиты. По преданию, Афродита, выйдя на берег из пены морской (это место, напоминающее скалами в море Гурзуф или Симеиз, нам тоже показали), пришла именно сюда. Однако, рассказывая об этом, киприоты непременно добавляют, что «пафос» по-гречески означает «лгать», а люди из Пафоса всегда, мол, отличались склонностью признать и похвастаться. Справедливости ради надо отметить, что у них были для этого кое-какие основания: и Афродита чуть ли не их землячка, и город их шесть веков был столицей острова (со II в. до н. э. по IV в. н. э.), и дома в нем были самые красивые не только на Кипре, но, может быть, во всей Элладе. Мы побывали и в старом Пафосе (ныне — Куклия), и в так называемом Неа (Новом) Пафосе, и в «самом новом», т. е. выстроенном после землетрясения в IV в. городском районе Ктима. Сейчас во всех этих небольших аккуратных желтокаменных поселках со множеством новых вилл среди оливковых и пальмовых рощ насчитывается в общей сложности не более 12 тыс. человек. Но живут они, буквально на каждом шагу ощущая дыхание истории.

Здесь рядом с морем расположено подземное клад-

Кипр. «Царские гробницы» в Пафосе

бище IV в. до н. э. Его почти 100 склепов с выдолбленными в камне ходами и дорическими колоннами столь внушительны, что их называли «царские гробницы». Особенно впечатляют они в полдень, когда солнце проникает внутрь вскрытых раскопками шахт и делает ярко-багровыми колонны и стены из коричневатого-серого известняка.

Отсюда, миновав развалины древнего театра, гимназиума и византийский «замок 40 колонн», мы поехали осматривать две виллы зажиточных римлян III в. Уже через несколько минут мы увидели следы иной, более красочной и разгульной жизни, которая кипела здесь через 700 лет после возведения «царских гробниц». Никто не знает имен этих римлян, живших более чем полторы тысячи лет назад, а чудом сохранившиеся в их домах мозаики живут до сих пор. По сюжетам картин и дома теперь называют соответственно: «дом Диониса» (где сохранились великолепные мозаики «Дионис и Акме», «Аполлон и Дафна», «Ипполит и Федра», «Дионис и Икарий», «Триумф Диониса» и др.), «дом Тесея» (где обнаружено знаменитое изображение «Тесея, убивающий Минотавра»).

Раскопки в Пафосе продолжаются, и вполне возможно, что к уже найденным, расчищенным и частично реставрированным шедеврам вскоре добавятся новые. Во время нашего посещения Пафоса раскопки здесь вела польская археологическая экспедиция, укомплектованная в основном студентами-практикантами из Кракова. Учитывая высокий авторитет польских археологов и реставраторов в мировой науке, следует ожидать от их работы на Кипре высоких показателей. Мы видели, в частности, самые последние результаты раскопок, например расчищенный пол столовой в «доме Диониса», с мозаичными изображениями геометрических орнаментов, ваз, фруктов, фрагменты других участков дома (он в целом еще не полностью исследован) с неизвестными портретами, искусно выложенными рисунками листьев, красочным павлином.

Богатство исторических памятников Кипра соответствует уникальному даже для Средиземноморья (где смена эпох, государств и цивилизаций была особенно частой) богатству истории острова. Византийского двуглавого орла здесь в качестве политической эмблемы

сменил пятикрестный символ Иерусалимского королевства крестоносцев, выходцы из правящей династии которого Лузиньяны в дальнейшем основали самостоятельную династию королей Кипра. Около 300 лет Лузиньяны правили островом, главным образом играя на противоречиях между рвавшими Кипр из рук друг у друга воинственными купеческими республиками Генуи и Венеции. Наконец, в 1489 г. полосатый сине-белый с красным львом щит Лузиньянов был окончательно вытеснен белым на голубом поле крылатым львом Венеции. Но менее чем через 100 лет венецианцев изгнали турки, господствовавшие на Кипре до 1878 г. фактически (когда Англия, воспользовавшись ослаблением султана в русско-турецкой войне, оккупировала Кипр) и до 1914 г. формально (когда англичане открыто провозгласили Кипр своей колонией). Англичане правили Кипром до 1960 г., пока в результате длительной освободительной борьбы Кипр не обрел наконец независимость.

Все эти перемены в жизни острова последовательно отражены в произведениях кипрской архитектуры, иногда сразу в одном из них. Такова, например, осмотренная нами в Ларнаке церковь св. Лазаря (по легенде, святой Лазарь сразу после его воскрешения Христом отправился на Кипр и стал первым епископом Китиона — древней Ларнаки). Выстроенная в X в. при византийцах над предполагаемой гробницей св. Лазаря церковь последовательно была православной, католической (при Лузиньянах), мечетью (при турках) и снова стала православным храмом после ликвидации турецкого господства. Естественно, все эти превращения сказались на внешнем облике здания. Пристроенная слева тенистая аркада, украшенный изразцами вход и высоко вздымающаяся, подобно минарету, над основным зданием четырехгранная колокольня придают храму неповторимо восточный колорит. Купол церкви был срезан при турках. Росписи внутри, очевидно, неоднократно уничтожались сменявшимися друг друга представителями разных религий. Вследствие этого иконы и прочая утварь просто приставлены к голым стенам, а красивый золоченый иконостас — относительно недавнего времени, не раньше конца прошлого века.

Следы перестроек видны и на других культовых

зданиях Кипра. Например, византийская церковь в Перистероне, к западу от Никосии, напоминает тяжело-ватый, из ряда увенчанных куполами полуцилиндров, желто-кирпичный замок романского стиля, которому одинаково чужды и отодвинутая на задний план тонкая колокольня, и сиротливо торчащий сбоку сохранившийся от турецких времен минарет. То же самое в еще большей мере относится к мечети Лара Мустафа в Фамагусте, перестроенной (в основном путем присоединения минарета и двух небольших куполовидных пристроек) из типично готического собора св. Николая. Турецкая мечеть Селимийе в Никосии, два высоких минарета которой видны далеко в разных районах города, в основном представляет собой архитектурный памятник эпохи Лузиньянов — великолепный готический («франкский», как говорят и пишут киприоты) собор св. Софии. Нам не удалось его посетить, но, судя по многочисленным изображениям, собор, став мечетью, мало изменился, в том числе внутри.

Эклектичности стиля некоторых старинных храмов подражают некоторые современные архитекторы. В частности, в самом начале шоссе Ларнака — Никосия стоит новенькая светло-серая церковь с внутренним двориком, явно восточной аркадой по фасаду и стилизованной под минарет колокольней. Таковы и многие другие церкви, в том числе и те, которые нам удалось увидеть лишь на фотографиях.

Разумеется, все сказанное не означает, что на Кипре нет архитектурных памятников какого-либо «чистого» стиля. К их числу относятся многочисленные, особенно на севере, постройки эпохи крестоносцев, такие, как, например, замки св. Иллариона, Буффавенто, Кантара, но в первую очередь — аббатство Беллапаис. Руины его высоких готических сводов напомнили мне другой частично сохранившийся замок крестоносцев, Крак де Шевалье, в северо-западной Сирии. Вполне выдержан классический стиль и большинства церквей и монастырей Кипра. Это — постройки византийского времени (или стилизованные по-византийски) с традиционным колоритом мозаик и фресок. Например, всего в 2 км от текке Хала Султан (под Ларнакой), в небольшом селе Кити, сохранилась знаменитая церковь Панайя Ангелоктистос («Построенная ангелами») с великолепной моза-

икой VII в., всемирно признанной одним из шедевров византийского искусства. Есть и другие, менее известные, но также интересные памятники церковного зодчества разных эпох и стилей: византийского, готического, армянского (армяне на Кипре поселились в XII в., ныне имеют здесь свои церкви, монастыри и даже газету). Но более всего на острове сохранилось православных церквей византийского стиля. Частично это объясняется тем, что турки, захватив Кипр, не преследовали православную религию (что признают сами греки-киприоты), а, наоборот, покровительствовали ей в ущерб католической церкви, господствовавшей ранее, при Лузиньянах и венецианцах.

Легенды и памятные места Кипра связаны не только с его собственной историей, не только с Грецией и Востоком. Кипр издавна был связан и с историей и культурой более отдаленных стран, в частности Англии, Франции, Италии. Со времен крестовых походов XI—XII вв. уроженцы этих стран часто бывали на острове и иногда поселялись здесь. Именно на Кипре прославленный английский король Ричард Львиное Сердце, отвоевав остров у византийцев во время третьего крестового похода, отпраздновал в Лимасоле свадьбу с Беренгарией Наваррской, сделав после этого Лимасол столицей Кипра.

Недалеко от Лимасола находится замок Колосси, бывший центр двух активнейших участников крестовых походов — рыцарских орденов тамплиеров и иоаннитов (последние впоследствии назывались мальтийскими рыцарями после переноса своей главной резиденции на Мальту). Замок был одновременно центром командории — феодального лена из 49 деревень, славившихся своими виноградниками. С тех пор на Кипре делают вкусное вино «Командория». Лузиньяны, бывшие родом из Южной Франции, естественно, привлекали к себе на службу многих соотечественников. Кроме того, французов (как и англичан и итальянцев) было много среди иоаннитов и тамплиеров. А с итальянским присутствием на острове связаны сразу три места: так называемая «Весна любви», или «Купание Афродиты», — воспетая в «Неистовом Роланде» Ариосто бухта на западе Кипра, плавание в которой, по преданию, возвращает молодость (за этим местом киприоты сохранили итальян-

ское название «Фонтана Амороса» — «Любовный родник»); крупнейший порт острова — Фамагуста («Проклятая» по-итальянски), в старинной крепости которого в эпоху венецианского владычества и произошли драматические события, послужившие основой для сюжета шекспировского «Отелло» (здесь до сих пор показывают «башню Отелло»); горная деревушка Лефкара (недалеко от Ларнаки), испокон веков славившаяся тончайшей выделкой кружев, где в 1481 г. Леонардо да Винчи закупал кружева для украшения алтаря Миланского собора.

Однако, как бы ни были пленительны легенды Кипра, какой бы интерес ни вызывали его храмы, памятники, исторические традиции и даты, не меньшего внимания достойны сегодняшней день острова, его напряженные и суровые будни.

Бросается в глаза распространенность на Кипре английского языка. Практически все киприоты говорят по-английски. И это не просто следствие «специализации» очень многих из них на обслуживании туристов, прежде всего из Англии, США, Канады и т. д. Англизмы островитян — в значительной степени результат долгого и продолжающегося до сих пор «британского присутствия» на острове, сыгравшего в судьбе Кипра самую пагубную роль. С ним сталкиваешься на каждом шагу.

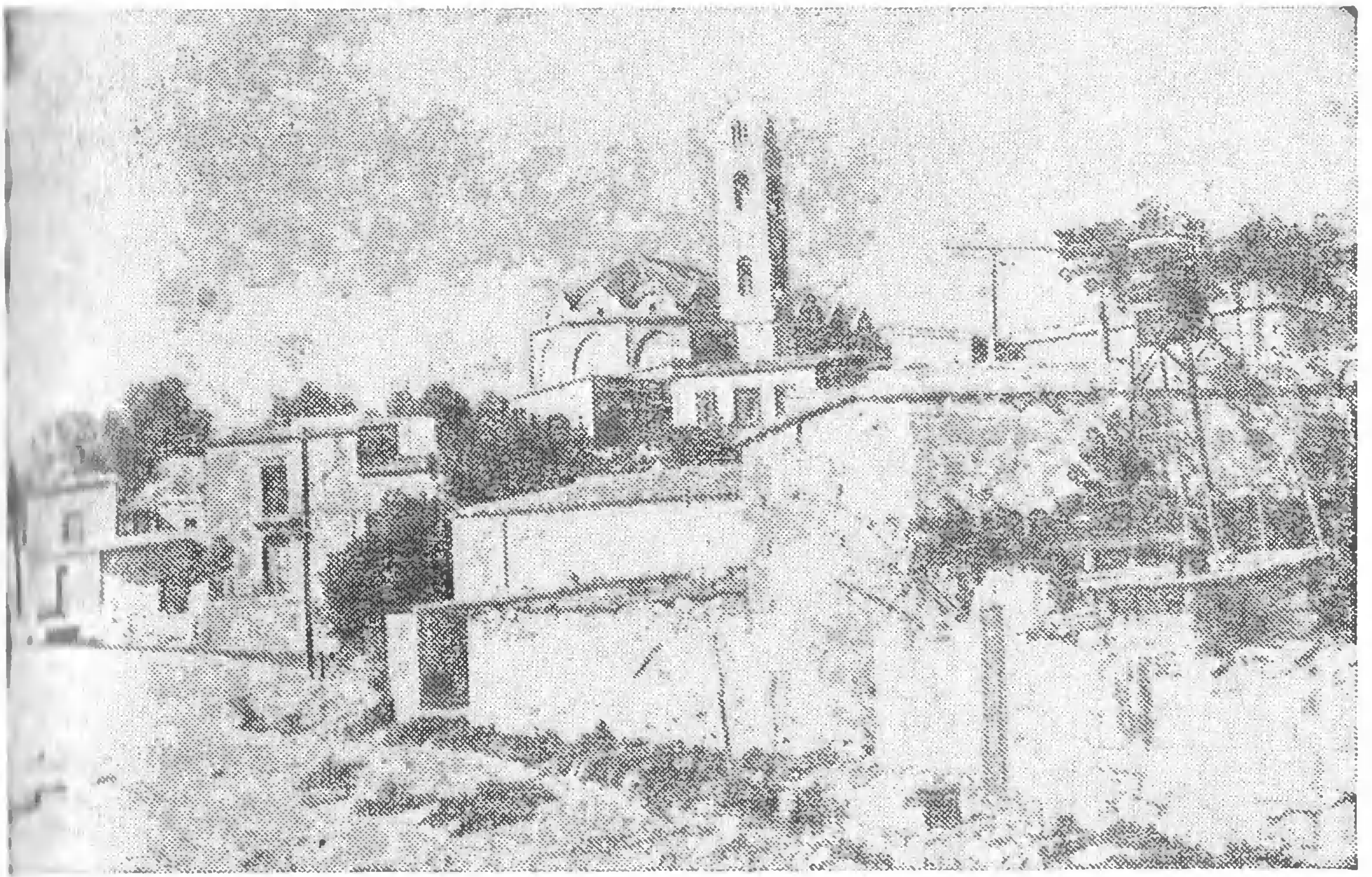
Разворачиваем путеводитель Кипрской организации туризма (бюро которой в Пафосе, кстати, находится на улице, носящей имя знаменитого британского премьера-либерала прошлого века Гладстона). В нем читаем: «На английском языке издается местная ежедневная газета, а газеты Соединенного Королевства обычно продаются здесь в день их выхода в свет. На острове имеются три радиостанции (в том числе радиостанция английских вооруженных сил) и телевизионная станция, транслирующая программы и на английском языке». На низеньких домах провинциально скромной Ларнаки, на центральном проспекте нескончаемо тянущегося вдоль моря Лимасола, на одноэтажных постройках древнего Пафоса и шумных авеню Никосии, так же как на административных и торговых заведениях небольших поселков и деревень, промелькнувших за окном нашего автобуса, — везде замечаем вывески, надписи

и указатели на английском языке, далеко не во всех случаях сдублированные по-гречески (конечно, есть и только греческие надписи, но они в явном меньшинстве). В Лимасоле — своего рода Мекке кипрского бизнеса — даже многие «чисто» греческие магазины и фирмы имеют вывески только на английском языке. Некоторые владельцы этих магазинов и фирм даже обзавелись именами Джон, Ричард и т. п., которые довольно экзотически выглядят рядом с греческими фамилиями. В деловых кварталах всех городов Кипра, которые мы посетили, назойливо лезут в глаза конторы и представительства «Бэрклэйз Бэнк», «Чартерд Бэнк», «Гриндлэйз Бэнк» и им подобных.

Англичане не ограничивались насаждением на острове своих банков, газет, торговых и прочих фирм, языка и литературы. Они вывозили отсюда медь, золото, асбест, хром, кружева, вино. Но из множества проблем острова они решили только одну — проблему борьбы... с комарами. Именно с этой целью они посадили эвкалиптовые рощи и аллеи для осушения болот. Такие аллеи мы видели под Ларнакой и Лимасолом.

Недалеко от Лимасола, на полпути от замка Колосси до руин храма Аполлона, высоко над морем раскинулось местечко Епископи. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы сразу определить явно не кипрский характер построек первого же поселка: белые двухэтажные коттеджи под красной черепицей, протестантская церковь в стиле модерн (имеющая форму длинного полуцилиндра из кирпича), казармы в виде своеобразных каменных «оранжерей». Это поселок английской военной базы, очень выгодно расположенный: здесь отличное место для наблюдения и за морем, и за изгибами шоссе, вьющегося серпантинном у подножия поселка. В самом поселке много зелени, а намного ниже его, при спуске по шоссе к морю, аккуратно разбиты новый стадион, площадка для игры в гольф, различные спортивные сооружения.

Полчаса езды — и мы видим второй такой же поселок с похожими казармами, офицерскими виллами, спорткомплексом. Гид рассказывает нам, какой в этом поселке роскошный ресторан, какой комфорт, какие сооружения для очистки воды. А мы в это время наблюдаем за двумя английскими солдатами, не спеша трус-

Кипрская деревня

дой бегущими по обочине шоссе. Это здоровенные, в одних майках, сытые парни, судя по виду, весьма довольные своей службой, проходящей почти в курортных условиях и со всеми мыслимыми и немыслимыми для военнослужащих удобствами.

Такие же базы, выгодно расположенные в господствующих над окружающей местностью пунктах и оборудованные по последнему слову техники и в соответствии с требованиями современного комфорта, рассказывают нам, находятся около Пафоса, Ларнаки и Фамагусты. Старейшая из них — в Фамагусте, удобную гавань которой англичане укрепили и приспособили для своего флота еще 40 лет назад. Создается впечатление, что одряхлевший британский лев, вынужденный ковыляя убраться почти из всех своих былых владений, решил с чисто бульдожьим упрямством вцепиться в древнюю землю Кипра и в той или иной форме, под тем или иным предлогом остаться здесь еще надолго.

Англичане всегда пытались выдавать себя за «освободителей» Кипра от турецкого ига. Они, разумеется, умалчивали о том, что Кипр им был нужен как военная база и плацдарм для колониальной экспансии в Турцию, Палестину и Египет, как ключ к Суэцкому ка-

налу и разменная монета в крупной дипломатической игре. Ведь право оккупации острова и управления им было куплено у турецкого султана Абдул Хамида ценой ежегодной выплаты ему 93 тыс. ф. ст. и обязательства «помогать» в защите его азиатских владений. Подразумевалась «защита» от только что победившей Турцию в войне 1877—1878 гг. России. В англо-турецком соглашении по Кипру англичане даже лицемерно соглашались «эвакуировать» Кипр, если... Россия вернет Турции завоеванный незадолго до этого Карс. Подобным «обязательством» Англия одновременно как бы оправдывала аннексию Кипра и разжигала антирусские настроения в Стамбуле.

Важное с военно-стратегической точки зрения расположение острова в восточной части Средиземного моря (всего в 64 км от Турции и 96 км от Сирии) с наступлением эпохи империализма стало постоянным источником всевозможных бед и несчастий для киприотов. Англия всегда считала Кипр одним из контрольных пунктов на стержневой оси Гибралтар — Суэц, служившей до второй мировой войны опорой господства британского флота в Средиземном море. В послевоенный период английские колониальные власти вопреки воле киприотов использовали территорию Кипра для подготовки и переброски карательных экспедиционных войск в охваченные национально-освободительным движением колонии Англии в Азии и Африке, а также для агрессии против воспротивившихся диктату Лондона молодых независимых государств (в частности, во время англо-франко-израильского нападения на Египет осенью 1956 г. с целью свержения режима президента Насера). Одновременно англичане упорно не желали идти ни на какие уступки кипрскому народу, который не мирился с засильем империалистов, распоряжавшихся богатствами и территорией острова без согласия на то подлинных хозяев Кипра.

На одной из центральных площадей Никосии стоит памятник Свободе, посвященный борцам за независимость Кипра. У подножия памятника — выразительные, в полный человеческий рост скульптуры, изображающие измученных долгим заключением патриотов, вышедших наконец из тюрьмы. Именно так — в виде мрачной тюрьмы с глухими решетками — представляли, да и сейчас

представляют себе киприоты период 82-летнего британского господства. Борьбу против этого господства вели буквально все слои кипрского народа — от крестьян и рабочих до торговцев и духовенства. Недаром среди скульптур памятника Свободы наиболее выделяется фигура православного священника. Кипрская церковь не только участвовала в освободительном движении киприотов, но и возглавляла его, за что несколько ее высших иерархов были в 1956 г. арестованы и высланы из страны британскими колониальными властями.

В течение всего послевоенного периода, особенно в 50-е годы, киприоты мужественно боролись против колонизаторов. Упорная борьба за освобождение завершилась провозглашением независимости только в 1960 г. Однако, согласно подписанному в 1959 г. Лондонско-цюрихскому соглашению, предоставление независимости Кипру оговаривалось рядом условий, среди которых важнейшими были сохранение британских военных баз на острове и провозглашение гарантами независимости Кипра таких государств — членом НАТО, как Англия, Греция и Турция. Тем самым английским империалистам удалось не только сохранить свое «присутствие» на острове, но и втянуть в свои маневры вокруг Кипра постоянно враждовавшие друг с другом, в том числе и из-за Кипра, Грецию и Турцию. Это, в свою очередь, способствовало резкому обострению межобщинных противоречий на острове.

Проблема турок-киприотов и вообще постоянного присутствия близкой, всего в каких-нибудь нескольких десятках километров, Турции возникла в XVI в., когда после присоединения острова к Османской империи часть кипрских земель была передана турецким солдатам и крестьянам — переселенцам из Анатолии и Румелии. С тех пор на острове уже 300 лет проживает турецкое меньшинство, считающее Кипр своей родиной. Многие из местных турок даже владеют кипрским диалектом греческого языка. После получения Кипром независимости в 1960 г. туркам-киприотам по конституции были предоставлены значительные права. Они избирали вице-президента республики и 15 из 50 депутатов кипрского парламента, выдвигали из своей среды 3 из 10 министров правительства Кипра. Им были выделены $\frac{1}{4}$ всех постов в государственном аппарате и $\frac{1}{3}$ постов

в армии и полиции, что явно превышало удельный вес турок (18%) в общей численности населения. Они имели свои школы (247), издавали пять газет. Правительство молодой республики твердо проводило курс на равноправное сосуществование всех киприотов, независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Последовательную интернационалистскую позицию в отношении турецкого меньшинства занимала и очень влиятельная на острове Прогрессивная партия трудового народа Кипра (АКЭЛ).

Однако такое положение не устраивало правящие круги империалистических государств и агрессивного блока НАТО. Они не хотели независимости Кипра, отводя ему навечно роль «непотопляемого авианосца» НАТО, не хотели мириться с суверенным антиимпериалистическим и антимилитаристским курсом кипрского правительства, его требованием очистить землю Кипра от военных баз НАТО, его активным участием в движении афро-азиатской солидарности. С этой целью империалисты максимально оттягивали предоставление Кипру независимости, поощряя и поддерживая репрессии Англии против освободительного движения кипрского народа. Они стремились расколоть это движение по национально-религиозному признаку, натравить друг на друга киприотов — греков и турок. Когда же им пришлось все же уступить, они сделали основную ставку на этот раскол и на разжигание националистических страстей в Греции и Турции, подталкивая обе страны к разделу острова в ходе искусно провоцируемого конфликта между ними.

Результатом подобной политики было усиление взаимного недоверия между киприотами разных национальностей. В каждой общине активизировались поощряемые извне шовинисты. Вследствие этого участились столкновения между греками-киприотами и турками-киприотами. В результате в 1963 г. возникла так называемая «зеленая линия», разделившая города Кипра, и прежде всего его столицу Никосию, на греческую и турецкую части. Благодаря вмешательству ООН гражданская война на острове была тогда прекращена, но оба лагеря сохраняли порох сухим. Именно это и нужно было заправилам НАТО: раздираемая искусственно созданным конфликтом республика не могла поставить

вопрос о ликвидации иностранных баз и всякого присутствия НАТО на своей территории. Но и этого им было мало. Они явно хотели увековечить такое ненормальное положение и ликвидировать Кипр как суверенное государство.

Всем известны трагические события 1974 г., связанные с реакционным мятежом агентов узурпировавшей в то время власть в Греции хунты «черных полковников» и ответными действиями Турции, высадившей свои войска на острове (в качестве страны — гаранта независимости Кипра от путчистов, выступавших за присоединение к Греции, и в целях защиты от их террора турок-киприотов). Мятеж провалился, но турецкие войска остались. С тех пор Кипр — разделенная страна, 40% территории которой оккупированы турецкой армией. На этой территории, как подчеркивают киприоты, находится до 70% национальных богатств Кипра, около 70% наиболее плодородных земель, 65% запасов полезных ископаемых, 50% производства асбеста (одна из давних статей экспорта Кипра), основные ирригационные сооружения, наиболее развитые сельскохозяйственные районы с плантациями цитрусовых и фруктовыми садами.

По данным генерального секретаря АКЭЛ Эзекиаса Папаиоанну, на оккупированной части острова обосновались к осени 1977 г. 45 тыс. переселенцев из Турции, что, по его словам, может «изменить демографический состав населения Кипра». На первый взгляд цифра переселенцев кажется незначительной. Однако если учесть, что к середине 70-х годов все население Кипра составляло 640 тыс. (из них свыше 500 тыс. греков и около 120 тыс. турок), то станет ясно, что приведенное выше количество переселенцев увеличивает долю турецкого населения острова почти до $\frac{1}{4}$ (вместо 18% до 1974 г.). К тому же после событий 1974 г. среди греков-киприотов наблюдается рост эмиграции.

Эмигрируют прежде всего беженцы, которые не смогли найти работу после событий 1974 г. Сейчас на Кипре насчитывается среди греков-киприотов 200 тыс. беженцев (и 2 тыс. пропавших без вести на контролируемой турецкими войсками территории). Экономика неоккупированных областей не в состоянии обеспечить работой и всем необходимым такое количество людей.

Конечно, беженец беженцу рознь. В Ларнаке, например, один зажиточный землевладелец, бежавший из Кирении, открыл торговлю люля-кебабами. Но большинству беженцев торговать нечем, не на что и негде. Поэтому многие из них уезжают на заработки, главным образом в Саудовскую Аравию и другие арабские страны, поощряющие въезд с Кипра лиц определенных профессий (прежде всего научных работников в сфере прикладных наук и квалифицированных строителей). Однако даже в тех трудных условиях, которые ныне сложились на Кипре, редко кто покидает остров навсегда, переселяясь, например, на постоянное жительство в Грецию. В основном эмигранты — это киприоты, преданные своей родине, но временно вынужденные ее покинуть, чтобы добыть средства к существованию и прокормить семьи, обычно остающиеся на острове.

Конечно, основная часть беженцев не имеет ни средств, ни возможностей, ни желания эмигрировать. Они живут надеждой на изменение своего нынешнего бедственного положения, на возвращение домой, к родным очагам и садам. Но пока это только надежда... А человек не может жить только надеждой. И поэтому всюду, где мы побывали, во всех городах — Ларнаке, Лимасоле, Пафосе — наблюдается строительный бум: необходимо срочно обеспечить жильем тех, кто уже три года ютится в палатках и временных бараках лагерей для беженцев. Везде видны каркасы спешно возводимых и часто довольно высоких (до 16 этажей) зданий, груды кирпичей, щебня, досок и всевозможного мусора, непрерывно снуют грузовики с цементом. Однако пока белые палатки и синие фанерные бараки лагерей беженцев можно встретить на Кипре всюду. Обычно они жмутся к окраинам городов, захватывают пустыри, нераспаханные участки, заброшенные футбольные поля, теснятся около довольно многочисленных и обширных на Кипре мест археологических раскопок.

В некоторых местах, например в Пафосе, беженцы получили земельные участки и, по признанию старожил, «творят чудеса». Оказывается, «чудеса», как мы потом выяснили, заключаются в том, что эти люди, выходцы из развитых сельскохозяйственных районов центрального Кипра, стали выращивать в окрестностях Пафоса огурцы, другие овощи и фрукты, которые ранее

здесь не прививались. В других местах (например, в поселке Гигос, недалеко от Никосии) голубовато-серые бараки беженцев (их здесь 7 тыс. человек!) выстроены недалеко от пивоваренного завода, на котором многим из них предоставлена работа. В местечке Дали (на полпути между Ларнакой и Никосией) беженцы выстроили за государственный счет кирпичный завод, где сейчас большинство из них и трудится.

Правительство республики проявляет большую заботу о беженцах: создана специальная служба по делам беженцев, поощряются специализированные кооперативы, объединившие часть беженцев, получивших землю в новых местах. После 1974 г. на восстановление экономики Кипра, на подъем промышленности, сельского хозяйства, на транспорт и жилищное строительство затрачено, как сообщил нам гид, 50 млн. кипрских фунтов (кипрский фунт равен английскому фунту). К концу 1977 г. достигнут уровень, составляющий примерно 50% промышленного и сельскохозяйственного производства 1974 г., сократилась безработица (до 1974 г. она составляла 1%; сразу после событий, разделивших остров, ее доля подскочила до 15%, а к осени 1977 г. опустилась до 8%).

Мы интересовались, насколько в целом события 1974 г. и продолжающееся вмешательство извне в дела Кипра сказались непосредственно на экономическом положении и жизненном уровне киприотов. Получаем от гида следующую информацию: до 1974 г. средний годовой доход на душу населения среди греков-киприотов составлял 1500 долл., или примерно 600 кипрских фунтов (среди турок-киприотов он был несколько ниже); после событий 1974 г. этот показатель снизился почти на треть и составляет ныне 1100 долл. (440 фунтов). Очевидно все же, что и это число слишком «округленное», так как месячная заработная плата простого рабочего не превышает 60 фунтов, а молодой продавщицы в магазине — 35 фунтов. При этом надо учесть, что многие киприоты ныне вообще не имеют работы, а каждый работающий кормит одного или нескольких иждивенцев.

Очень высоко ценится на Кипре труд строителей и шоферов: квалифицированные рабочие-строители зарабатывают в месяц 120—150 фунтов, а водитель, напри-

мер, бульдозера — до 300 фунтов. Оклад учителя или государственного служащего с образованием не ниже среднего составляет 100—150 фунтов. При сравнительно дешевом продовольствии (на 1 фунт можно купить в общей сложности килограмм свинины, килограмм хлеба, литр молока и полкило масла) здесь очень дорого жилье: за двухкомнатную квартиру надо платить не менее 45 фунтов в месяц. Однако есть люди, приобретающие в собственность целые дома (дом в деревне стоит 10 тыс. фунтов). Разумеется, это могут себе позволить лишь единицы. Жизнь же основной массы киприотов нелегка для тех, кто работает, и совсем тяжела для не имеющих работы.

Трагедия 1974 г. продолжает ощущаться всеми жителями острова. И дело не только в ее экономических и социальных последствиях, которые вовсе не ликвидированы и в ряде случаев продолжают усугубляться. Огромное значение имеет морально-психологическая сторона насильственного лишения до $\frac{2}{5}$ киприотов (и греков, и турок) элементарного человеческого права жить там, где они родились, где хотят жить, где из поколения в поколение трудились, где похоронены их отцы и деды. «Мы, уроженцы севера Кипра, не можем с этим примириться, — говорила Рени, молодая киприотка-гречанка, сопровождавшая нас в поездке по острову. — Я сама родом из Кирении, а мой муж из Морфу. Мы работаем в Никосии, но родители наши оставались на севере до 1974 г. Когда началась интервенция, они бросили родные места и приехали к нам. Жить стало очень трудно. Но главная беда в том, что почти все жители Кипра — против раздела страны. Сами турки-киприоты не хотят этого. Ведь лучшие земли на оккупированной части острова достались не им, а колонистам из Турции. К тому же турки-киприоты знают, что в случае мирного решения они смогут вернуться в свои дома».

Почти во всех городах Кипра есть кварталы, покинутые местным турецким населением. Та же картина и в сельской местности. Нам нередко попадались бывшие турецкие деревни с пикообразным минаретом мечети, виднеющимся издалека. «Теперь здесь живут греки», — обычно говорили нам. И лишь в одной деревне со смешанным населением мы услышали другое: «Тур-

ки отсюда ушли в 1974 г., но потом вернулись и живут здесь, так как рядом — зеленая линия». «Зеленой линией» на Кипре с 1963 г., как уже говорилось, называлась граница между обособившимися друг от друга греческими и турецкими кварталами, а с 1974 г. — линия прекращения огня между турецкими войсками и национальной гвардией Кипра. В деревне, о которой идет речь (к северо-западу от Ларнаки), эта линия проходила прямо по крайним домам, над которыми развевался красный с белым полумесяцем турецкий флаг, укрепленный на возвышающемся над деревней холме.

Немало минаретов покинутых мечетей сиротливо торчат и в прилепившихся к склонам гор деревушках, и в приморских городах. Из Лимасола в Кирению, например, переехало 9 тыс. турок (в Лимасоле 75 тыс. жителей), а в самом Лимасоле ныне громадный лагерь беженцев (в том числе и из Кирении). Не осталось турок и в Пафосе, где они некогда составляли $\frac{1}{4}$ населения. Из Ларнаки (35 тыс. жителей) уехали 4 тыс. турок. Мы походили по району, в котором они раньше жили и который отличается от прочих районов только красивой, вполне «стамбульского» вида мечетью, очевидно, XVI в. (хотя нам сказали XIV в.). «Раньше турецкие дома, — рассказывала нам Рени, — отличались более просторными комнатами внутри и обязательными балконами. Теперь же разницы в архитектуре наших домов и турецких практически нет». Действительно, в «чисто» греческих домах, скажем, Ларнаки и Никосии можно увидеть и балконы, и крытые галереи, и выступы верхних этажей над нижними, т. е. все типичные признаки турецкой архитектуры в прошлом. В свою очередь, на доме вполне европейского вида я прочитал сохранившуюся еще от прежнего времени надпись: «каза мехкемеси» («районный суд» по-турецки).

Отсутствие разрушений в покинутых турками кварталах, общее настроение, даже выражение лиц киприотов, когда они говорят о событиях 1974 г., свидетельствуют о том, что на острове нет никакой усердно расписываемой в западных газетах глубокой национально-религиозной вражды, а то, что есть и что отравляет отношения между основными общинами киприотов, вызвано искусственно и столь же искусственно поддерживается и разжигается извне.

В Ларнаке, Лимасоле и в некоторых других городах Кипра можно увидеть на стенах надпись черной краской: «Эносис» («присоединение» по-гречески). Это лозунг греческих националистов Кипра. Считая остров «только греческим», они требуют его включить в состав Греции. «Некоторые хотят эносиса, — объясняла нам Рени, — но большинство киприотов его отвергают. Они стремятся к независимости, миру и спокойствию на острове. А эносис принесет лишь дальнейшие страдания и в лучшем случае окончательный раздел Кипра между Турцией и Грецией, чего и желали бы лидеры НАТО».

С проявлениями напряженной, ненормальной обстановки на Кипре приходилось сталкиваться на каждом шагу. Первые же новостройки, которые мы увидели на острове, были домами для беженцев. Показывая нам древний акведук в Ларнаке, гид сообщил, что ныне город снабжается водой из деревни Лефкары (здесь — горная речка), добавив при этом: «Ранее водопровод шел из Лефкары до Фамагусты, но теперь — только до Ларнаки». Это одно из проявлений и экономического разрыва между двумя частями Кипра. Направившись в последний день нашего пребывания на острове из Ларнаки в Никосию, наш автобус по знаку двух кипрских гвардейцев в оливковой форме вынужден был свернуть с хорошего прямого шоссе и поехать по худшей и более длинной дороге, так как старое шоссе пересекает территорию, занятую турецкими войсками. В дальнейшем нам еще несколько раз приходилось проезжать мимо боевых охранений национальной гвардии Кипра, лагерей войск ООН и даже могил наблюдателей ООН, погибших во время столкновений на Кипре. Многие здания административного характера, частные виллы и даже некоторые сельскохозяйственные угодья окружены колючей проволокой.

На улицах городов постоянно попадались солдаты и офицеры войск ООН: австрийцы (в Ларнаке), ирландцы и канадцы (в Никосии) и др. В Никосии, где напряженность чувствовалась больше всего, очень много греческих солдат в защитных гимнастерках с опознавательным знаком на пилотках — белым крестом на синем квадрате. Многие улицы и кварталы Никосии были перегорожены по «зеленой линии» высокими барри-

кадами, охраняемыми национальными гвардейцами или просто вооруженными дружинниками и полицейскими, которые никого не подпускали к баррикадам метров на тридцать, запрещали их фотографировать или снимать кинокамерой. Нередко баррикады представляли собой глухие барьеры из кирпича и стали с амбразурами, сигнализацией и мешками с песком. Из-за баррикад видны только верхние этажи зданий на той стороне, нередко с греческими надписями и вывесками (так же как по эту сторону иногда можно увидеть старые турецкие вывески и рекламы). Телефонная станция в Никосии — у самой «зеленой линии» и отделена от контролируемой турецкой армией территории не баррикадой, а колючей проволокой. У входа на станцию — мешки с песком и неторопливо прогуливающийся часовой в каске и с длинным штыком на коротком карабине. Буквально в нескольких метрах от него — за проволокой — турецкий флаг. По улицам Никосии периодически проезжают белые патрульные джипы военной полиции ООН. Те же джипы и бронетранспортеры с литерами ООН на голубом поле мы увидели в первый же день своего пребывания на Кипре, когда проезжали оцепленный колючей проволокой лагерь войск ООН на высоком холме под Ларнакой.

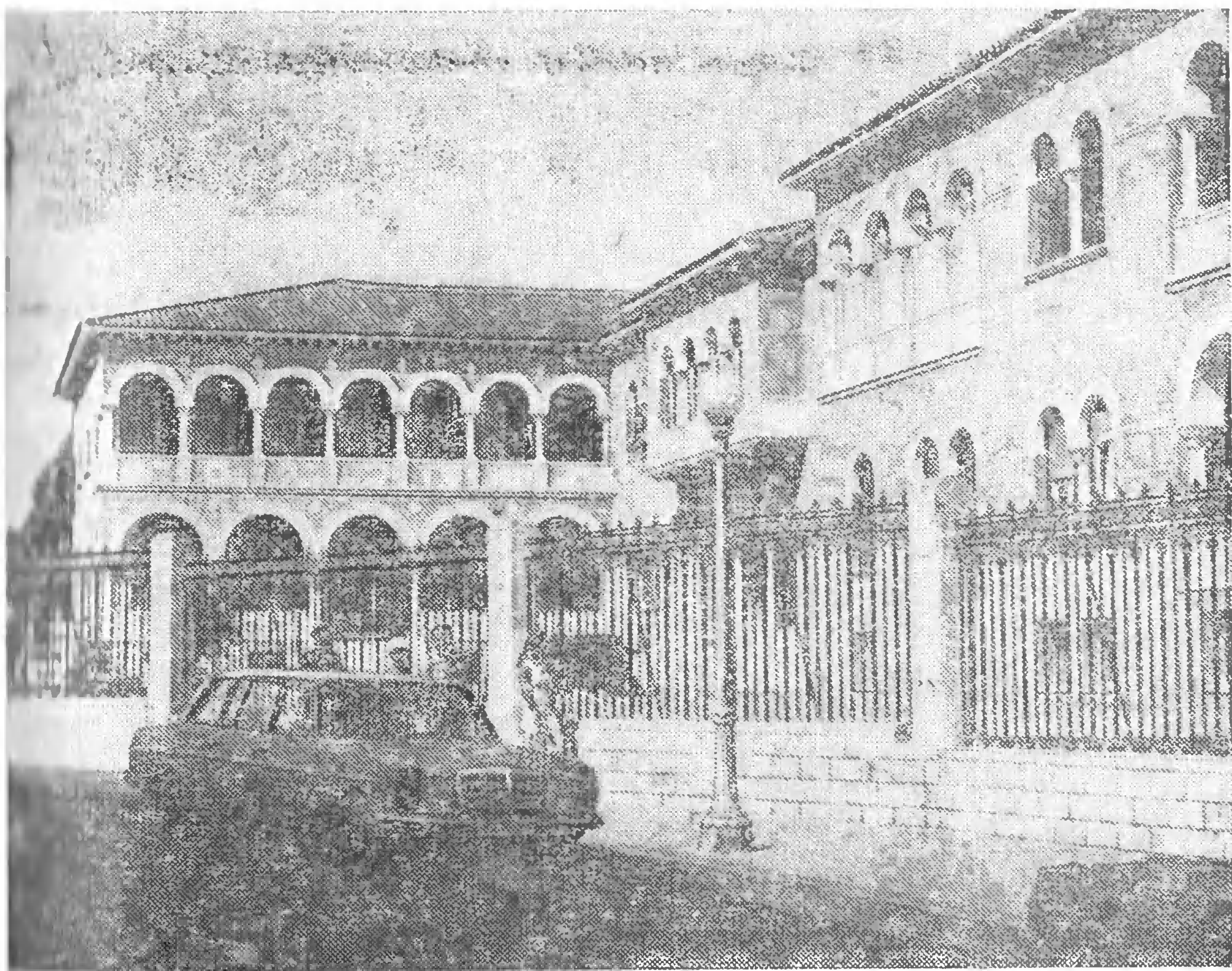
Есть и косвенные показатели напряженного положения в стране, своего рода затянувшегося ожидания стабилизации и нормализации. Один из них — вялость торговли. Это мы особенно ощутили после Стамбула, где деловая жизнь кипит во всех своих проявлениях, бросаясь в глаза прежде всего разнообразием товаров, ажиотажем мелочной коммерции и активностью многочисленных уличных «бизнесменов» вполне школьного возраста. Всего этого на Кипре нет и в помине. Нам неизвестно, как все тут выглядело до 1974 г., но вполне естественно, что после 1974 г. все подорожало, ассортимент товаров не мог не стать беднее, покупательная способность населения упала и конкуренция между торговцами (которых также, очевидно, поубавилось) должна была ослабеть. Многие лавочники и хозяева мелких магазинов, обилие которых все еще остается характерным даже для маленькой Ларнаки, ведут себя довольно пассивно, что явно не типично для их собратьев как на Востоке, так и в Европе. Они без энтузиазма встреча-

ют покупателя, не спешат его обслужить и равнодушно провожают, мало волнуясь, что у них ничего не покупают. Так, один ларнакский ювелир, не имея разменной монеты, чтобы дать сдачу покупателю, просто поленился сходить к соседу разменять деньги и спокойно согласился на то, чтобы у него ничего не купили.

Думается, что помимо влияния экономической конъюнктуры в формировании подобного безразличия определенную роль играют и чувство неуверенности в завтрашнем дне, апатия, рожденная тупиковой ситуацией (разумеется, только с точки зрения местной буржуазии), и усталость от долгого напряжения. Справедливости ради надо все же отметить, что такие настроения не свойственны большинству киприотов, которые мужественно продолжают борьбу за справедливое и демократическое решение всех проблем острова. В этой связи чрезвычайно показательны горячая любовь и популярность, которыми окружено здесь имя покойного президента Республики Кипр архиепископа Макариоса.

«Макариос зеи!» («Макариос жив!») — читали мы на стенах домов и церквей, в том числе и у входа в главный кафедральный собор Кипра — собор св. Иоанна, на портале центральной библиотеки Никосии, вблизи античных руин Пафоса и на воротах сельского дома в одной из деревень. Имя Макариоса неразрывно связано в сознании киприотов с постоянной и каждодневной борьбой за национальную свободу и независимость молодой страны, иногда в труднейших условиях. И хотя повсюду на Кипре сейчас расклеены портреты нового главы кипрской церкви — архиепископа Хрисостомоса, большинство киприотов скорбят о Макариосе. «Все надеются, — сказала нам Рени, — что заложенные Макариосом принципы демократии будут сохранены».

Настоящее имя Макариоса — Михаил Мускос. Он родился в 1913 г. в семье пастуха и с раннего детства помогал отцу. В 13 лет он — монах монастыря Кикко (в горах Трудос, к северу от Лимасола), одновременно продолжавший учиться в гимназии в Никосии, по окончании которой он поступил на теологический факультет Афинского университета. После долгих лет учебы в Греции и США Макариос вернулся на родину и в 1950 г. был единогласно избран архиепископом под именем Макариоса III (Кипрская церковь автокефальна, т. е. пол-

Резиденция архиепископа Кипра

ностью самостоятельна). Горячий патриотизм, понимание нужд народа, из которого он вышел и близость к которому сохранил, незаурядность его как личности способствовали тому, что Макариос быстро стал не только духовным, но и политическим вождем киприотов. Именно его и еще трех епископов англичане выслали в 1956 г. из страны на Сейшельские острова, но через несколько лет вынуждены были согласиться на их возвращение. То обстоятельство, что освободительное движение народа Кипра возглавила кипрская церковь, способствовало широкой поддержке этого движения представителями самых разных слоев населения, а также довольно быстрому росту антиимпериалистической борьбы*. В свою очередь, патриотическая позиция церкви способствовала усилению ее влияния: молодежь на Кипре, как и всюду,

* Церковь на Кипре — большая сила. В ее распоряжении около полутора тысяч священников, земли, банки, храмы и монастыри (в том числе богатые и всемирно известные), тысячи учителей в школах, библиотеки, музеи, ежемесячник «Апостолос Варнавас».

перестает быть религиозной, несмотря на религиозное воспитание (после второй мировой войны вся система просвещения здесь находится под контролем церкви), но сохраняет к церкви уважение как к символу и лидеру национально-освободительной борьбы.

Макариос был бессменным президентом Кипра со дня провозглашения его независимым в 1960 г., трижды переизбираясь на этот пост. Он выступал за мирное и демократическое урегулирование всех проблем острова, против его превращения в «непотопляемый авианосец» НАТО и вовлечения в маневры империалистов на Средиземном море, за активное участие в движении неприсоединения и афро-азиатской солидарности. Он всегда проявлял редкую для религиозного деятеля терпимость к иноверцам, лицам другой национальности и других убеждений, в связи с чем у него всегда были хорошие отношения с самыми разными организациями и правящими кругами, в том числе с Ватиканом — историческим соперником и гонителем Кипрской православной церкви. Существовала и возможность договориться с турками-киприотами, которым Макариос предлагал выделить — в соответствии с их численностью — 20% территории острова. Но это предложение было отвергнуто, как считают греки-киприоты, не без нажима извне, со стороны тех, кто не хочет мира на острове.

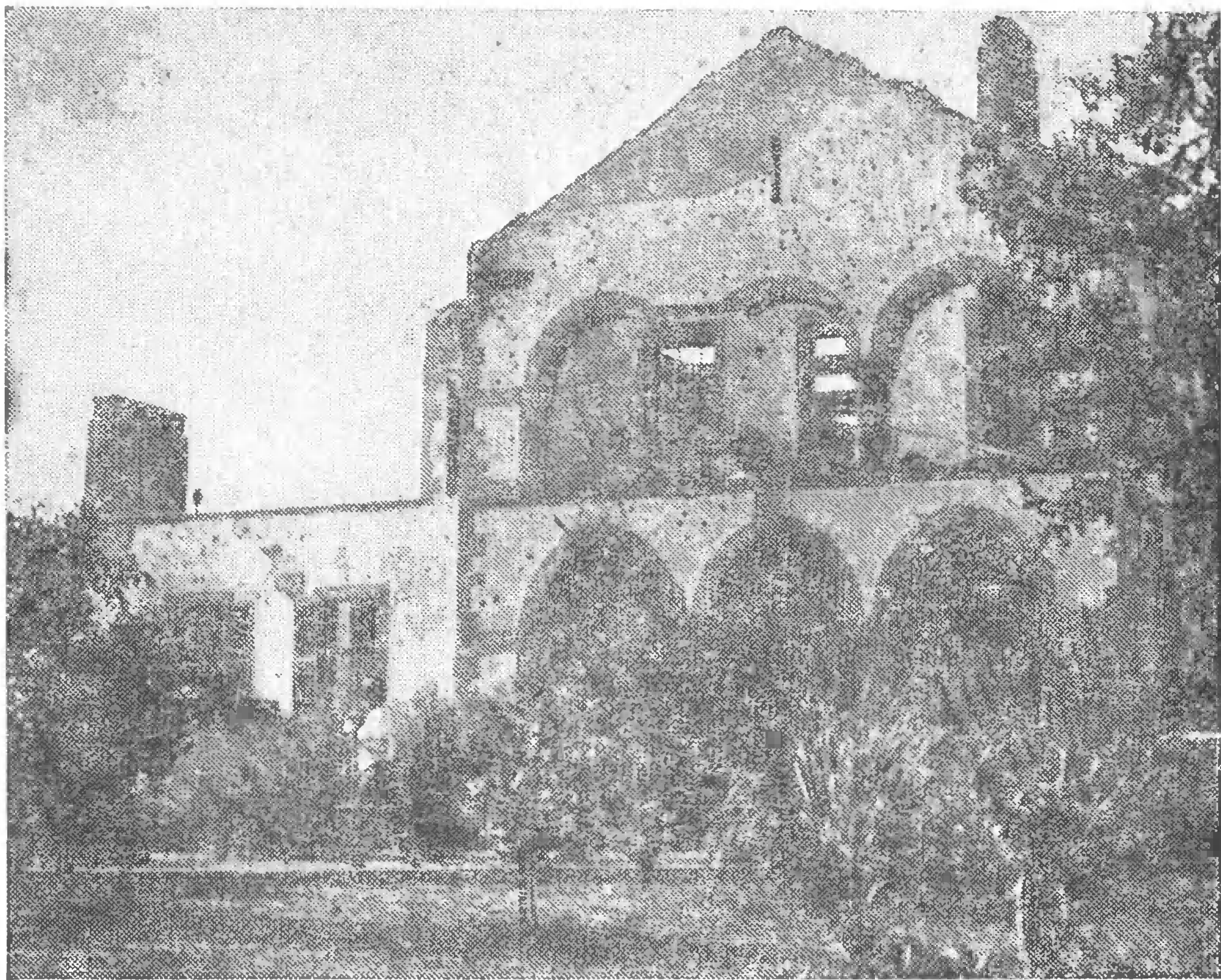
Фактически Макариосу приходилось бороться на три фронта: с правящими кругами НАТО, желавшими увековечить ограничения суверенитета Кипра и сохранить на нем военные базы даже ценой раздела острова; с руководителями местной турецкой общины, выдвигавшими неприемлемые для греков-киприотов требования, и с экстремистами греческого национализма, яростно выступавшими за «эносис» и особенно активизировавшимися в 1967—1974 г., т. е. в период пребывания у власти в Греции диктаторской хунты «черных полковников». Именно сторонники «эносиса» (в том числе их агентура в госаппарате, полиции и национальной гвардии Кипра, в которой служило много офицеров из Греции) совершали террористические акты, способствовавшие ухудшению греко-турецких отношений и общей напряженности на острове, в том числе устраивали покушения на жизнь Макариоса. В июле 1974 г. они подняли мятеж, вынудив Макариоса вре-

менно покинуть Кипр и спровоцировав военное вмешательство Турции.

На острове много памятных мест, связанных с именем Макариоса, и киприоты не упустят случая, чтобы их показать. Недалеко от Кирокитии (на полпути между Ларнакой и Лимасолом), примечательной ранее лишь раскопками самого древнего поселения человека на Кипре и действовавшим заводом по опреснению воды, одним из самых современных предприятий острова, гид показывает: «Слева — дорога к резиденции Макариоса. Сюда он приезжал отдыхать». В Пафосе нам рассказали, что по местной радиостанции Макариос в июле 1974 г. выступил перед тем, как покинуть остров, и опроверг распространявшиеся путчистами сведения о его смерти. Улетел он на самолете с английской базы под Пафосом (англичане не одобряли мятежа, который «черные полковники» организовали на Кипре без их ведома, «согласовав» свои действия только с Вашингтоном).

В Никосию мы въехали через широкое авеню Макариоса (кстати, так же называется главный проспект Лимасола). Современный (выстроен в 1950 г.) двухэтажный дворец архиепископа в центре столицы, со следами влияния византийского зодчества, с красивыми аркадами по фасаду и вычурным орнаментом на решетчатой ограде, кое-где носит следы пуль. «Его обстреливали несколько раз, пытаюсь убить Макариоса», — говорили нам. Расположенный рядом собор св. Иоанна славился ранее своими фресками, роскошным золотым иконостасом XVIII в. и захоронениями трех королей из династии Лузиньянов. Теперь он для киприотов — прежде всего место последнего прощания с Макариосом. Напротив собора — здание бывшего дворца архиепископа, которое Макариос отдал музею народного искусства. При Макариосе был также выстроен институт отелей и обслуживания, имеющий конференц-зал с новейшим электронным оборудованием. Это сделало Никосию, как подчеркивают ныне туристические проспекты, «идеальным местом проведения конференций для Средиземноморья и Ближнего Востока».

Своеобразным местом памяти о Макариосе продолжает оставаться и еще не восстановленный после 1974 г. президентский дворец в Никосии. Рядом с ним — два

Дворец президента Кипра, подвергшийся обстрелу во время мятежа 1974 г.

полюса существования киприотов: респектабельная английская частная школа (разумеется, для детей буржуазии и прочих «благополучных» и зажиточных лиц), а сразу за ней — синие бараки лагеря беженцев. Дворец стоит на невысоком пологом холме, сплошь покрытом парком. Здание дворца совершенно разрушено и зияет проломами стен, провалами крыши, пустыми глазницами окон. На уцелевшем фасаде — антиимпериалистические плакаты. «Макариос принимал во дворце египетскую делегацию, — рассказывал нам гид, — когда на территорию дворцового парка ворвались танки путчистов. Они быстро заняли весь парк и начали обстрел дворца с трех сторон. Макариосу чудом удалось выйти из дворца с еще не блокированной стороны, перебраться на одну из соседних улиц и уехать на автомобиле в Пафос. А бомбардировка дворца продолжалась, и путчисты поспешили объявить о гибели Макариоса: казалось немыслимым, что во дворце кто-то мог уцелеть».

То, что Макариос, пользовавшийся всенародной любовью, остался жив, сыграло немалую роль в крахе мятежа. Созданное путчистами самозванное «правительство» террориста и шовиниста Николая Самсона, само имя которого было достаточно одиозным для турок-киприотов, большинство населения не признало. Неспособное ни к какому позитивному действию, бессильное перед вторжением на Кипр турецких войск и фактически оставленное без помощи породившей его хунты «черных полковников», оно бесславно ушло в небытие всего через несколько дней своего призрачного существования. К тому же оно было вынуждено уступить место конституционным властям, подготовившим через некоторое время (вопреки маневрам правящих кругов ряда западных государств, и особенно тогдашнего государственного секретаря США Киссинджера) триумфальное возвращение на Кипр законного президента Макариоса.

Последние годы своей жизни Макариос посвятил борьбе за возрождение Кипра в качестве единого суверенного государства, за ликвидацию последствий трагедии 1974 г., за вывод с территории республики всех иностранных войск — и британских, и турецких, и греческих. Кстати, непосредственным поводом к июльскому мятежу 1974 г. и послужило решение Макариоса о высылке с Кипра большой группы греческих офицеров кипрской национальной гвардии, проводивших на острове линию «черных полковников». В этой борьбе Макариоса поддерживало подавляющее большинство киприотов и прогрессивные силы всего мира, в первую очередь СССР и другие социалистические страны. Народ верил своему президенту, всегда отстаивавшему независимость и демократию, всегда остававшемуся верным своей родине, своему народу. Поэтому смерть Макариоса тяжело переживали, да и сейчас переживают на Кипре. В памяти благодарных соотечественников образ покойного президента продолжает жить, оставаясь образцом гражданского мужества, политической принципиальности и государственной мудрости. Вот почему до сих пор символические слова «Макариос жив!» продолжают быть широко распространенными на Кипре. Они обозначают готовность бороться за независимость и свободу кипрского народа, за мирное,

справедливое и демократическое урегулирование всех проблем острова.

На Кипре есть силы, способные отстаивать эту позицию. Еще в 1922 г. на острове возникли марксистские кружки, объединившиеся через четыре года в компартию Кипра. На базе компартии, запрещенной английскими колониальными властями, в 1941 г. была образована уже упоминавшаяся Прогрессивная партия трудового народа Кипра (АКЭЛ), внесшая огромный вклад в борьбу за национальное и социальное освобождение кипрского народа. Эта партия на первых же после провозглашения независимости Кипра парламентских выборах в августе 1960 г. получила свыше 40% голосов. Все годы независимого существования Кипра АКЭЛ твердо поддерживала прогрессивный курс президента Макариоса, всегда выступая, как это подчеркивается в ее программе, «за подлинно независимый, миролюбивый, демократический, экономически развитый и счастливый Кипр». АКЭЛ пользуется значительным влиянием во всех слоях трудового народа Кипра, опирается на ряд массовых общественных организаций. Пресса партии, особенно газета «Харавги», получила на острове широкое распространение. Лозунги в поддержку АКЭЛ мы видели и в Никосии, и в Пафосе (в Неа Пафосе они соседствуют с лозунгами в честь Макариоса), и даже в более «буржуазном» с виду Лимасоле. А в Ларнаке в первый же день нашего пребывания состоялся вечер советско-кипрской дружбы, на котором нам показали кипрские национальные танцы в исполнении юношей и девушек из молодежной организации АКЭЛ.

Уже после возвращения домой мы ознакомились с речью Эзекиаса Папаиоанну, произнесенной им в Москве от имени руководства АКЭЛ в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции. В ней, в частности, говорилось: «Кипрская проблема только тогда может быть решена мирным и демократическим путем, когда с Кипра будут выведены все иностранные войска, когда все беженцы возвратятся в свои дома, когда будет выяснена судьба всех пропавших без вести, а кипрский вопрос будет решаться на основе резолюций ООН, предусматривающих сохранение независимого, суверенного, территориально целостного,

неприсоединенного Кипра, на котором греки и турки будут жить как братья и созидать свою жизнь по своему праву.

Кипрский народ никогда не смирится с политикой свершившихся фактов, никогда не признает их. Он будет бороться — сколько бы времени и жертв ни потребовалось ему для завоевания свободы.

В этой связи мы выражаем глубокую признательность за поддержку и солидарность, проявляемые Советским Союзом по отношению к борющемуся за свою свободу кипрскому народу. Вместе с тем мы выражаем уверенность, что единая непрекращающаяся освободительная борьба кипрского народа при усиливающейся поддержке и солидарности со стороны великой дружественной страны — Советского Союза и всех других социалистических и неприсоединившихся государств увенчается в конечном счете успехом» *.

Советский Союз всегда поддерживал борьбу киприотов за независимость, демократию и неприсоединение, всегда решительно выступал против политики держав НАТО, спекулировавших на межобщинных разногласиях среди киприотов, вообще против любых происков империалистов на Кипре. Вот почему киприоты очень дружественно относятся к советским людям. Трудно забыть теплые слова, с которыми обратился к нам по-русски представитель местного общества дружбы с СССР на вечере в Ларнаке, радостное выражение лиц многих простых киприотов, когда они узнавали, что мы из СССР. А один владелец мелкой лавки, досадуя, что не знает русского языка, продемонстрировал свою солидарность с нами всем понятной фразой на смеси итальянского и английского языков, переводимой «Да здравствует мир!».

Между нашими странами сложились хорошие отношения в области политики, экономики, культуры. Советские корабли — частые гости у причалов кипрских портов. На полях Кипра можно увидеть советские тракторы и другую сельскохозяйственную технику. Мы видели на Кипре представительства различных советских организаций: Аэрофлота, Интуриста и Машиноэкспорта (в Никосии), Экспортлеса и Станкоимпорта (в Лима-

* «Правда», 7.XI.1977.

соле). И, конечно, совершенно логично, что именно представители СССР в ООН всегда, в том числе и на последних 32-й и 33-й сессиях Генеральной Ассамблеи, неизменно выступают за то, чтобы поиски путей урегулирования на Кипре велись на основе безусловного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности Республики Кипр, ее политики неприсоединения. Эта позиция нашла свое выражение в резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 ноября 1977 г. 116 голосами против 6 (при 20 воздержавшихся), призывающей все государства прекратить всякое вмешательство во внутренние дела Кипра и настаивающей на возобновлении переговоров между представителями двух общин острова с целью достижения взаимоприемлемого соглашения, основанного на соблюдении их законных прав. В основном это же повторила и резолюция 33-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нет никаких сомнений в том, что в конце концов мир на Кипре будет восстановлен и сами киприоты станут полными хозяевами своего прекрасного острова.

На Мальте

Ранним утром наш теплоход медленно входил в гавань Ла-Валлетты — столицы Мальтийской Республики. Все пассажиры, столпившись на палубах, с восторгом смотрели на величественные стены старой крепости, как бы постепенно сдвигавшиеся вокруг нас по мере углубления в гавань и отсвечивавшие в лучах солнца самыми разными оттенками — то оранжевым, то желто-коричневым, то изжелта-серым. Крутые трапеции бастионов, гигантские уступы многоэтажной пристани, резко вдающаяся в море громада исторического форта св. Ангела, барочный купол собора, нависающий напротив форта прямо над водой, — все не спеша обступало нас, восхищало и, прихотливо золотимое солнцем в разных ракурсах, влекло к себе. «Словно в сказку вплываем», — не удержавшись, заметил кто-то из нашей группы.

После высадки на берег «сказка» продолжалась: нам всем преподнесли цветы под веселую музыку, которую темпераментно наигрывал выстроившийся на пристани небольшой оркестр в мальтийских национальных костю-

Так встречают туристов на Мальте

мах. Затем мы поехали в город, все время вверх, мимо все так же золотившихся на солнце крепостных стен и домов, столь же средневековых, но не массивных, не лишенных изящества и какой-то особой архитектурной вычурности, которую придавали им традиционные для Средиземноморья затейливые порталы, закрытые балкончики и аркады. Выехав на Кастильскую площадь, расположенную на одной из верхних точек города и потому представляющую собой великолепную смотровую площадку (если бы она не была сплошь забита автобусами туристических компаний), мы пошли по главному проспекту Ла-Валлетты. Это своего рода местный Бродвей, точнее, шикарный полуторакилометровый Кингзуэй («Королевский путь»). И здесь, почти сразу же за гигантскими воротами в старой крепостной стене, 14-километровым кольцом охватившей город, «сказка» кончилась. Мы увидели развалины оперного теат-

ра, разрушенного во время второй мировой войны и до сих пор не восстановленного.

По мере продвижения по Кингзуэю приметы реального, сегодняшнего, отнюдь не сказочного все больше бросались в глаза. Хотя все магазины были закрыты (мы приехали на Мальту в воскресенье), кое-где мелкие лавочки, ларьки и газетные киоски все же оживленно торговали, причем их владельцы и по внешнему виду, и по манере обращения с покупателем гораздо больше напоминают завсегдатаев восточного базара, чем, например, их собратья на стамбульском Капалы Чаршы. Возможно, это объяснялось малочисленностью покупателей (мальтийцы по воскресеньям, как нам сказали, предпочитают сидеть дома), а также уверенностью продавцов в том, что турист — это прежде всего воплощение рассеянности и несообразительности. Поэтому-то, очевидно, торговцы и берут на себя труд усердно «помогать» покупателю. Они привыкли к туристам, которые наезжают сюда круглый год (средняя температура самого холодного месяца, февраля, $+12^{\circ}$, а снега обычно не бывает). Во время нашей прогулки по Кингзуэю разноязыкая речь туристов, в основном французская и английская, слышалась отовсюду.

Чувствовалось, что уровень политической активности на Мальте постоянно высок. Удивляло обилие и разнообразие газет в киосках: тут и местные издания на мальтийском и английском языках, и британские, и итальянские. И на самой главной улице, и в спускающихся по обе стороны от нее к морю узких «алжиротунисских» переулках, и на примыкающих к ней или пересекаемых ею площадях — везде афиши, плакаты, портреты конкурирующих политических деятелей. Наш гид Анна, миниатюрная грациозная девушка, представляющая местную туристическую фирму «Мифсуд и сын», охотно объяснила: «У нас сильны социалисты, социалистическая партия, социалистические принципы и идеология. Но это сочетается с сильной, как нигде, приверженностью к римско-католической церкви». Действительно, с 1971 г. Мальтой правит лейбористская партия, входящая в Социалистический Интернационал и насчитывающая в своих рядах 7 тыс. человек. Это очень много для Мальты, все население которой не превышает 200 тыс. Лейбористы — самая организованная и

Мл-Валлетта. Справа — оперный театр

массовая политическая сила страны, опирающаяся на профсоюзы и имеющая в парламенте 34 места из 65. Но, очевидно, делать из этого вывод о силе «социалистических принципов и идеологии» на Мальте было бы несколько преждевременно. Оппозиция, представленная националистической партией, также довольно сильна.

Эта партия, ратующая за союз с Англией и США, за вступление в «Общий рынок» и сохранение на Мальте баз НАТО, была правящей первые семь лет независимого существования Мальты (1964—1971). Буржуазия, и особенно мелкая буржуазия, традиционно сильна на острове, а мальтийские торговцы и посредники издавна славились и за пределами своей родины, например в Северной Африке. Разумеется, они не могут быть довольны нынешней политикой лейбористского правительства Минтофа, которое денонсировало соглашение 1964 г. с Англией о сохранении военных баз на острове, покончило с антинациональным «гостеприимством» своих предшественников, любезно предоставив-

ших территорию острова для резиденции южного штаба НАТО, и закрыло порты страны для постоянно курсирующего в Средиземном море 6-го военно-морского флота США. Разумеется, эти меры отвечали патристическим настроениям простых мальтийцев, но для предпринимателей в сфере торговли и услуг, для оптовиков и поставщиков различных товаров из Европы, да и для некоторых других категорий мальтийцев (до недавнего времени 12% самодеятельного населения острова было занято обслуживанием английских войск) они были неприемлемы.

Вот почему на маленькой Мальте продолжают кипеть политические страсти (политические лозунги мы видели всюду, даже на придорожных камнях), а лейбористскому правительству приходится маневрировать, подчас совсем не придерживаясь провозглашаемых «социалистических принципов». Например, оно вынуждено было после долгого саботажа Англией его требований о выводе британских войск с Мальты продлить в 1972 г. еще на семь лет срок функционирования на острове английских военных баз.

Присутствие Англии чувствуется здесь и сейчас. Все мальтийцы бегло говорят по-английски, а проживающие на острове англичане так освоились, что в разговоре с мальтийцами нет-нет да и употребят какое-нибудь мальтийское слово. На Кингзуэе можно увидеть британские товары и британские книги за витринами магазинов, памятник надменной королеве Виктории на площади перед Национальной библиотекой. Вместе с тем чувствуется, что англичанам пришлось потесниться. Ранее их самая большая казарма располагалась прямо в центре города, на Кингзуэе, недалеко от главного для католиков собора св. Иоанна. Ныне здесь — ливийский культурный центр, ведущий пропаганду арабской культуры и очень популярный среди мальтийцев. Это только одно из проявлений многообразных и давних исторических связей Мальты с арабским миром.

Сами мальтийцы, как сказала нам Анна, считают себя потомками «финикийцев — выходцев из Ливана» и признают, свое «семитское происхождение» и «родство с арабами». Но, очевидно, дело обстоит сложнее. Установлено, что первые люди на Мальте появились еще в IV тысячелетии до н. э., а финикийская колони-

зация острова началась не ранее XIII в. до н. э. Потом остров освоили античные греки, выстроившие здесь три города, но в VI в. до н. э. изгнанные отсюда Карфагеном. Примерно через 300 лет Мальтой завладели римляне, которых через 700 лет сменили вандалы, вынужденные, в свою очередь, уступить остров Византии. С 870 по 1091 г. здесь господствовали арабы, много сделавшие, как и на ранее завоеванной ими Сицилии, для развития торговли и градостроительства. И сейчас большинство названий на острове звучат по-арабски (или почти по-арабски): Мдина («город»), Меллиха («красивая»), Зейтун («маслина»), Слива («мирная»), Марса («гавань», «порт») и др. Мальтийский ученый Годфри Уэттингер на основе анализа 300 имен, 200 прозвищ и 3200 названий местностей на островах Мальта и Гоцо доказал арабское и берберское происхождение большинства из них, и даже тех, которые звучат по-итальянски. Он считает, что такие мальтийские фамилии, как Вассало, Бонавиа, Грима, непосредственно произошли от родовых названий арабских племен Бени Массил, Бен Ауийя, Аль Крима и сохраняли свою арабскую форму вплоть до XVI в.

В целом все эти имена и названия оказались очень цепкими. Например, норманны переименовали бывшую столицу острова Мдину в Нотабиле, но для мальтийцев она так и оставалась Мдиной. Само слово «мальта» по-арабски означает «голая», «непокрытая». Остров действительно почти лишен растительного покрова; в основном здесь каменистые, глинистые или песчаные участки. Следует упомянуть о том, что арабы сами во многом способствовали запустению некоторых районов: не имея возможности держать на острове крупные военные силы, они «расчистили» зону между главным городом Читта-Веккиа, переименованным ими в Мдину, и его пригородом Рабатом, ограничив тем самым территорию, защищаемую в случае войны (на прилегающем к Мальте о-ве Гоцо единственный город Виктория был основан арабами также под названием Рабат).

От тех времен на Мальте сохранилось немало арабских захоронений. Здесь найдено много арабских монет IX—XIII вв., старинных надписей арабской вязью, сделанных куфическим письмом, наиболее известным среди грамотных арабов средневековья. Следы арабского вли-

яния в наши дни ощущаются и в ряде обычаев мальтийцев, в частности в ношении женщинами черной фалдетты, напоминающей покрывала, принятые у мусульманок от Алжира до Ирака.

Наконец, главное, чем обязаны мальтийцы арабам, это язык. Можно спорить об этническом происхождении и даже этнической принадлежности мальтийцев. Так, издание 3-е Большой Советской Энциклопедии считает их потомками «древних поселенцев, возможно, финикийского происхождения», другие источники — переселенцами с Иберийского или с Апеннинского полуострова. Думается, что здесь, как и в других местах земного шара, происходило смешение самых разных народов в ходе исторического развития и формирования местного населения. Но спорить о языке мальтийцев не приходится. Это арабский язык, близкий по строю и словарному составу тунисскому диалекту арабского языка (большинство арабов, а также арабизированных берберов, прибывавших на Мальту в IX—XI вв., были уроженцами восточного Магриба, т. е. современных Туниса, запада Ливии и востока Алжира).

Однако «близкий» еще не значит «тот же самый». Существенные отличия мальтийского языка от арабского состоят в значительной примеси слов из диалектов южной Италии, утрате многих арабских звуков (но не гортанных, которые мгновенно выдают арабское происхождение мальтийского языка), упрощении синтаксиса посредством его «европеизации» и латинской графике. В отдельных случаях удельный вес неарабских слов в мальтийском настолько значителен, что арабисту иногда трудно понять даже смысл той или иной мальтийской фразы. «У нас 50% слов — арабские, — объясняла нам Анна, — но мы понимаем арабов на 90%».

Эти оговорки (при всей условности приводимых цифр) не случайны. «Мальтийцы, — пишет известный советский исследователь арабских диалектов Магриба Ю. Н. Завадовский, — считают свой язык особым языком, так как у них выработалась письменность на основе латинского алфавита и существует литература, развившаяся вне арабской культурной среды»*. Оче-

* Ю. Н. Завадовский. Арабские диалекты Магриба. М., 1962, с. 8.

Ла-Валлетта. Кингзуэй

видно, такую убежденность можно объяснить наряду с объективными отличиями также религией (ревностным католицизмом с отчетливым антиисламским привкусом), многовековой изоляцией от культурной и иной жизни арабского мира, длительным усвоением европейских традиций. Ныне мальтийцев везде, в том числе и в арабских странах, считают арабоязычными европейцами. Судя по всему, мальтийцы не прочь специфику своей этнической самобытности (полуарабской-полугиальянской) распространить и на характеристику своего языка. Любопытно отметить в этой связи, что подобные взгляды долго мешали научной разработке проблем мальтийского языка, ибо еще в XVIII в. способствовали возникновению ошибочной теории о якобы «пуническом» его происхождении.

Мальтийский язык интересен для арабистов-лингвистов еще и тем, что это, в сущности, пока первый опыт превращения разговорного арабского диалекта (хоть и в некотором смешении с неарабскими элементами) в литературный язык. До 1934 г. на нем только говорили, а языками прессы и литературы были английский и

итальянский. Но с 1934 г. англичане сочли за благо (ввиду тогдашних претензий фашистской Италии на гегемонию в Средиземном море) признать полноправие мальтийского языка. Поэтому мальтийский как литературный язык, в сущности, еще очень молод и склонен к заимствованиям, особенно современных понятий. Однако, как мне приходилось убедиться, знакомство с мальтийской прессой не оставляет сомнений не только в арабской основе ее языка, но и в арабском происхождении большинства «газетных» слов.

И тем не менее некоторые авторы, в частности английские, соглашаясь с «преобладанием близости мальтийского языка к арабскому», полагают, что его можно считать «во многих отношениях самостоятельным». Этот вывод сделан на основе большого влияния на мальтийский язык, в том числе на его грамматический строй, итальянского языка, а также в результате «наличия более ранних элементов» финикийского и других языков, например языка ахейских греков древнего Крита, с которыми обитатели Мальты поддерживали связи еще за два тысячелетия до нашей эры. Однако, как представляется, вся эта специфика не снимает главного — неразрывной связи мальтийского с арабским и его принадлежности к семье арабских диалектов, каждый из которых достаточно специфичен.

Очень многое говорит за то, что арабское влияние на Мальте оказалось наиболее глубоким по сравнению со всеми предшествующими, а также последующими (после арабов на острове менее продолжительное время господствовали жившие обособленно от местного населения норманны, испанцы, французы и англичане, а утвердившиеся здесь почти на 300 лет рыцари-иоанниты дали обет безбрачия и не допускали общения вне своей среды). Так же как в близлежащих странах Магриба, на Пиренейском полуострове и в Сицилии, воздействие арабов осуществлялось сразу по всем направлениям: и в экономике, и в идеологии (посредством исламизации местного населения, что облегчало налоговое бремя и избавляло многих от рабства, еще сохранявшегося до прихода арабов при византийцах), и в области культуры и быта (в этом арабы стояли тогда намного выше средневековой Европы, что обнаружилось во время крестовых походов).

Британская Энциклопедия сообщает, что арабы «не утвердили своей религии», т. е. не навязали обитателям Мальты ислам. Однако арабы нигде его не навязывали, и тем не менее исламизация на всех завоеванных ими территориях объективно прогрессировала, ибо в конкретной обстановке того времени была экономически выгодна и по ряду других соображений неизбежна. Вряд ли арабизация языка и культуры местных жителей, тем более их смешение с завоевателями могли осуществляться помимо исламизации или даже вопреки ей. А судя по всему, местное население было в значительной степени арабизировано не только в культурно-языковом, но и в этническом отношении. «Антропологический тип их остался прежний, — пишет о мальтийцах советский этнограф С. А. Токарев, — он близок к средиземноморскому типу населения Северной Африки». Действительно, невысокие, смуглые, темноволосые мальтийцы внешне очень напоминают тунисских арабов.

Надо учесть, что арабизация облегчалась крайней малочисленностью населения Мальты. В соседней Сицилии ее осуществить было труднее ввиду большей численности упорно сопротивлявшегося населения, большего размера территории и гористости местности. А на Мальте, на площади всего в 246 кв. км, в X в. проживало менее 14 тыс. человек, причем в последующие столетия (вплоть до XVI в.) эта цифра почти не менялась. Важно также отметить, что арабы фактически находились на Мальте не только в течение 220 лет своего господства, но и еще 150 лет после этого, в период правления норманнов и сменивших их в качестве королей Сицилии германских императоров. Арабам было разрешено остаться на острове на правах вассалов, их позиции в экономике и культуре почти не были затронуты. Таким образом, период арабского влияния на Мальте фактически длился примерно четыре столетия, вплоть до окончательного изгнания арабов с Мальты в 1245—1249 гг. королем Фридрихом II Швабом из династии Гогенштауфенов. Но результаты почти четырехвекового пребывания арабов, в то время носителей самой блестящей цивилизации, на столь маленьком острове оказались необратимыми.

Мы воочию убедились в этом, приехав в Мдину. Еще издали старинные крепостные стены города, выстроен-

ные арабами в IX в., напомнили касбы (цитадели) старых городов Туниса и Алжира. Вблизи это впечатление не исчезает. А ведь город был основан еще античными греками, существовал за 13 столетий до прихода арабов и стоит уже 700 лет после их окончательного ухода с Мальты. Плоские крыши, глухие стены и тесные переулочки, крытые переходы навек прижились на мальтийской земле. Правда, ныне город представляет собой как бы музей. В нем живут всего около 800 человек. Его называют мальтийцы «тихим городом», так как по большинству его улиц, узких, с нависающими верхними этажами домов, вполне «арабских» по колориту, не может проехать даже автомобиль. В бывшей резиденции великого магистра теперь размещен музей. В глухих прежде стенах домов ныне прорезаны окна, прикрытые разноцветными ставнями и кружевными занавесками. Здесь построена школа для обучения девочек искусству плести кружева.

Достопримечательность Мдины — расположенный на главной площади собор св. Павла (IV в.), значительно перестраивавшийся в XI—XVII вв. Внутри он украшен (за алтарем) росписью с изображением кораблекрушения, вследствие которого святой Павел оказался на Мальте. Здесь он насаждал христианство. Похоже, святой Павел специально терпел кораблекрушения у всякого мало-мальски значительного острова в Средиземном море, чтобы иметь возможность обратить островитян в истинную веру. В соборе есть икона IV в. и дарохранительница работы знаменитого мастера Бенвенуто Челлини. Великолепны цветные витражи (на Мальте их больше нигде нет) и росписи известного итальянского художника XVII в. Маттиа Претти.

По выходе из собора замечаем, как он гармонирует с окружающими его домами, сложенными из кирпичей желтого, темно-коричневого и серо-розового цвета. Невольно приходит мысль о том, что все (во всяком случае, многое) сделанное арабами на Мальте потому и сохранилось, что соответствовало окружающей природе, характеру и жизни людей.

Кроме арабского периода весьма примечательным в истории Мальты был и период владычества мальтийских рыцарей. После того как остров (а также несколько окружающих его более мелких островов, из которых

наиболее значительны Гоцо и Комино) последовательно переходил от немецких феодалов к французским правителям из Анжуйской династии, а от этих последних — к испанским сеньорам на службе у Арагонской династии, он был наконец передан испанским королем Карлом V Габсбургом в 1530 г. рыцарскому ордену иоаннитов.

Рыцари этого военно-духовного ордена, основанного в Палестине в 1113 г., назывались также «госпитальеры» (от «госпиталя», т. е. дома-приюта для паломников, св. Иоанна в Иерусалиме), а после изгнания крестоносцев из Палестины и переноса своей резиденции сначала на Кипр в XIII в., а потом, в XIV в., на о-в Родос стали именоваться родосскими братьями. В 1522 г. турки, захватив Родос, изгнали иоаннитов и отсюда. Тогда рыцари и обосновались на Мальте (одновременно с Мальтой Карл V передал им о-в Гоцо и Триполи, захваченный в то время испанцами). С тех пор орден стал называться Мальтийским. Первый ступивший на Мальту магистр ордена, Филипп Вилье де Лиль-Адам, поклялся за себя и своих преемников «хранить права и свободы мальтийцев». Вначале это было нетрудно, так как рыцари жили обособленно от мальтийцев и доходы их состояли главным образом из поступлений от богатых латифундий ордена в различных странах Европы, а также от военной добычи. Активно занимались рыцари и пиратским промыслом «против турок и их союзников» (в качестве последних иногда фигурировали и европейские государства). В 1565 г. Мальтийский орден чуть было вновь не лишился своей резиденции, которую турецкий султан Сулейман Кануни (прозванный в Европе Великолепным) приказал взять во что бы то ни стало. Турецкие войска и флот под командованием знаменитого раиса (предводителя корсаров) Драгута, обосновавшегося на о-ве Джерба и мстившего всем христианам за страдания, перенесенные им ранее в плену у испанцев, изгнали мальтийских рыцарей из Триполи и вытеснили их (еще в 1551 г.) с о-ва Гоцо. После этого они блокировали 9-тысячный гарнизон Мальты и около четырех месяцев осаждали его с 40-тысячной армией и большим флотом (значительная часть которого была представлена алжирскими и триполийскими корсарами). После поражения турок и смерти

командовавшего осадой Драгута великий магистр Жан Паризо де Ла Валлетт, возглавлявший оборону Мальты, основал в 1566 г. новую столицу острова, названную по его имени Валлеттой. Поскольку многие мальтийцы участвовали в сражениях с турками и корсарами, то с той поры они считают осаду 1565 г. выдающимся событием в истории своей страны, а Жана де Ла Валлетта — своим национальным героем.

Разбогатеv, рыцари утратили боевой пыл и стали больше эксплуатировать местное население. Притеснения со стороны ордена, особенно жестокие в XVII—XVIII вв., вызвали ряд восстаний и выступлений мальтийцев, а также турецких пленников и рабов-мусульман (благороднейшие рыцари не брезговали работорговлей). Рабы и военнопленные, многочисленные и угнетаемые, составили заговор и едва не захватили остров в 1722 г., но в последний момент заговор был раскрыт. В 1775 г. восставший народ под водительством священника Маннарино захватил главные укрепления Мальты и заставил великого магистра Эмманюэля де Роана «восстановить хорошее управление и устранить злоупотребления». Однако владычество рыцарей близилось к концу. В 1798 г. Мальту захватил Наполеон Бонапарт, через шесть дней после этого отправившийся дальше, в Египет, а с 1800 г. Мальта, сдавшаяся после 14-месячной блокады британскому флоту, стала на 160 с лишним лет английской колонией.

Англичане при захвате острова воспользовались не только преимуществом своего флота, возглавляемого знаменитым адмиралом Нельсоном, но и недовольством мальтийцев паразитизмом и грабительством рыцарей-иоаннитов, восстановления господства которых на острове никто не хотел. Характерно, однако, что борьбу за Мальту с Францией англичане вели под предлогом якобы возвращения острова мальтийским рыцарям. В этой связи интересно отметить, что именно в период французской оккупации острова великим магистром ордена был номинально провозглашен российский император Павел I. При нем звание мальтийского рыцаря получили некоторые русские деятели, в частности А. В. Суворов. Практически, однако, Павлу I так и не довелось управлять Мальтой. Английской дипломатии возведение императора в сан великого магистра

нужно было лишь как маневр по вовлечению России в коалицию против Франции. И британцы вовсе не собирались платить по счету, когда дело было сделано, и тем более потом, когда их флот захватил Мальту, а Павел I в это время уже помирился с Францией и даже заключил союз с только что взявшим власть в Париже первым консулом Наполеоном Бонапартом.

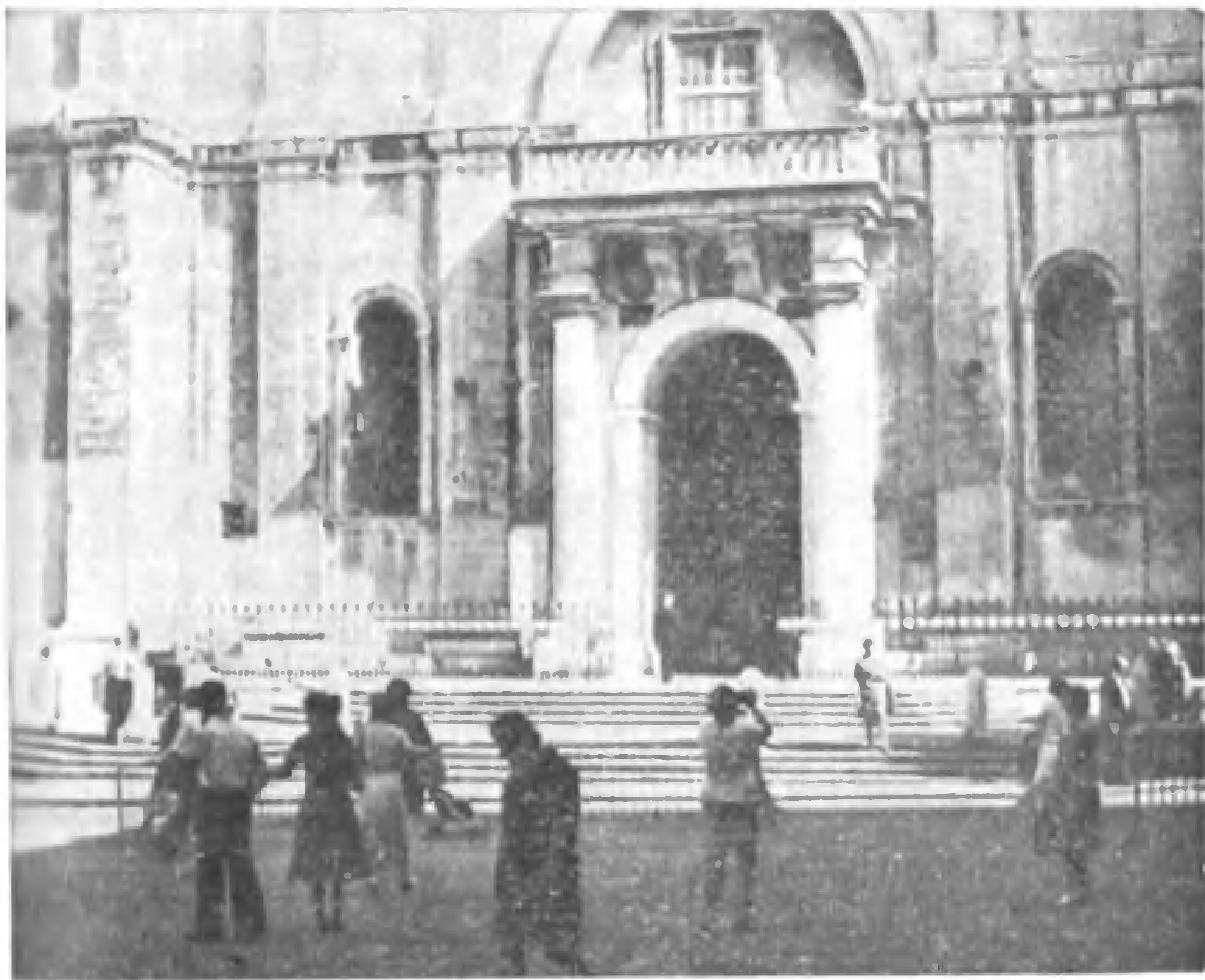
Что же касается Мальтийского ордена, то он, оставшись без Мальты, отнюдь не прекратил своего существования. Хотя после 1800 г. орден потерял и все прочие владения, он сохранился как своеобразная корпорация клерикально-помещичьей аристократии, преимущественно немецкого происхождения (последним великим магистром был немец Фердинанд фон Хомпеш). Время от времени рыцари пытались напомнить о себе. Так, в 1830 г. они предложили свои услуги «христианству и Франции», попросив короля Карла X Бурбона использовать их вооруженные отряды для полицейских функций в Алжире, который король собирался захватить. Основав в 1834 г. свой новый центр в Риме, рыцари и в наши дни продолжают заниматься совсем не рыцарским промыслом. Под личиной религиозного миссионерства, благотворительности и «борьбы за веру» орден активно участвовал в осуществлении различных планов империалистических держав на Востоке. С 60-х годов нашего века в его ряды стали допускаться и лица незнатного происхождения. Однако «незнатные» еще не означает «небогатые».

В настоящее время Мальтийский орден иоаннитов объединяет до 8 тыс. человек, преимущественно аристократов и капиталистов из ФРГ, Англии, Швеции, Швейцарии и некоторых других стран. Главный центр его пропаганды, основанный в 1936 г. Рыцарский дом-музей в Бубиконе (Швейцария), ведет самую реакционную антикоммунистическую агитацию и даже пытается оказывать влияние на рабочую молодежь, например западногерманскую. На Мальте представители ордена из разных стран собираются лишь раз в году — 8 сентября, в день победы над турками в 1565 г. В этот день открывается вход в гробницу Жана де Ла Валлетта и его секретаря — англичанина. Посещение этой гробницы еще уцелевшими представителями ордена — традиционная на Мальте торжественная церемония.

Об этой церемонии мы узнали от Анны. И по ее рассказу, а главное по тому, с каким упоением она об этом рассказывала, мы поняли, что мальтийцы давно уже забыли о своих претензиях к угнетавшим их рыцарям и, более того, все, что связано с историей рыцарей-иоаннитов, с гордостью включают в свою национальную историю. В этом наглядно убеждаешься при посещении президентского дворца, расположенного на Кингзуэе, прямо против культурного центра Ливии. В этом же дворце, ранее (с 1574 г.) бывшем резиденцией великого магистра Мальтийского ордена, расположен и парламент Мальты.

Мы поднялись прямо в зал заседаний парламента, украшенный французскими гобеленами XVI в. Он относительно небольшой, не больше средней величины зала кинотеатра. Но с прошлого года число депутатов парламента увеличилось с 55 до 65, и заседания их перенесены в другой зал, большего размера. Мы переходили из одного зала в другой, любуясь резьбой по дереву на потолке, великолепно выполненными растительными орнаментами, многочисленными изображениями рыцарей в темном одеянии с белым восьмиконечным «мальтийским» крестом особой формы. Как объяснял гид, каждый из концов этого креста символизировал какую-нибудь добродетель: веру, любовь, великодушие, надежду и т. п. На стенах, выше гобеленов, немало росписей с изображением битв, в которых участвовали мальтийские рыцари. «Это в основном были битвы христианства с исламом», — сказали нам. Особенно показательны в этом отношении росписи на стенах тронного зала (где стоял трон великого магистра и проходили совещания верхушки ордена), изображающие турецкую осаду 1565 г.

В обеденном зале — портреты королей Англии, вывешенные здесь уже после 1800 г., и люстры из богемского хрусталя — подарки германских приверженцев ордена. В зале послов (где великий магистр принимал иностранных дипломатов) стены украшены портретами монархов тех государств, которые поддерживали отношения с орденом. Особенно обращают на себя внимание портреты трех французских королей — Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI — и русской императрицы Екатерины II. Здесь же мы увидели порт-

Собор св. Иоанна в Ла-Валлетте

реты нескольких великих магистров ордена, в том числе первого обосновавшегося на Мальте — Филиппа Вилле де Лиль-Адама. В комнатах пажей великого магистра выставлены образцы оригинальной мальтийской мебели XVII в. из апельсинового дерева и толубые вазы — подарок персидского шаха. Будучи постоянными соперниками турецких султанов, правители Ирана не прочь были заключить союз с любыми врагами турок, в том числе и с мальтийскими рыцарями.

Покинув дворец и миновав узкий переулок, мы вошли в высящийся поблизости кафедральный собор св. Иоанна (XVI в.). Здесь только что закончилась служба, и среди выходящих на улицу было много молодежи. Но в соборе оказалось много пожилых людей, и особенно женщин в черных фалдеттах. Мальтийцы в массе — весьма ревностные католики. Внутри стены собора украшены орнаментальными барельефами в виде гроздей винограда и белого мальтийского креста в красном круге. Потолок расписан уже упоминавшимся

итальянским художником Маттиа Претти. Под мозаичным полом — свыше 300 захоронений наиболее видных рыцарей-иоаннитов. Захоронения остальных располагались в других местах, в том числе во «дворцах языков» (были особые дворцы рыцарей испанского, немецкого, французского, английского, итальянского языков), подвергшихся сильным разрушениям в 1940—1943 гг.

Интерьер собора носит некоторые следы влияния Востока. Изображение крещения Христа Иоанном Крестителем помещено за алтарем в полусферическом углублении, напоминающем михраб, только очень высокий. Слева и справа от алтаря — закрытые золоченой решеткой выступы, отдаленно напоминающие максуру в мечети. Потолок выполнен в виде последовательного ряда арок. Перед алтарем — шесть высоченных серебряных подсвечников (иоанниты чтили серебро). Полюбовавшись красным креслом великого магистра, которое до сих пор стоит у алтаря, мы осмотрели искусно украшенные часовни-капеллы в боковых приделах собора. Они обычно связаны с какой-либо страной или национальной группой, много сделавшей для Мальтийского ордена, удивляют оригинальными барельефами, гербами, бюстами и надгробиями похороненных здесь великих магистров. Арагонская капелла интересна росписями Маттиа Претти и серебряной решеткой (по преданию, перекрашенной в черный цвет в 1798 г., дабы ее не увез захвативший остров Наполеон Бонапарт). В итальянской капелле — бюст много сделавшего для украшения собора кардинала Карафы, во французской — великолепное мраморное надгробие принца Шардалеана, в прованской — известный всей Мальте скульптурный портрет мрачного великого магистра Ласкариса, который для мальтийцев является синонимом угрюмого и не улыбчивого человека.

После прохладного полумрака собора нас буквально ослепили лучи яркого и еще довольно жаркого в октябре мальтийского солнца. Полуослепленные, мы вернулись на Кастильскую площадь, не очень внимательно осмотрев по дороге несколько сувенирных лавок. К сожалению, почти все сувениры — не мальтийского, а иностранного производства. Но после того как мне пришлось в свое время приобрести «чисто» парижский сувенир западногерманской работы, а «чисто» иракский сувенир

шир — изготовленный в Чехословакии, особого удивления не вызывает, что на оборотной стороне «явно» мальтийских сувениров красуются японские штампы. Примерно с тем же мы столкнулись на воскресном базаре недалеко от Кастильской площади. Здесь — все что угодно, включая изготовленные в ФРГ мальтийские кресты, японские вымпелы с картой Мальты и фигурки вооруженных рыцарей со щитами, сделанные... в Гонконге. Нет здесь лишь тяжеловесных и безумно дорогих рыцарских гербов со скрещенными мечами, каковыми были буквально забиты сувенирные киоски на Кипре, где иоанниты тоже оставили след.

На мальтийском базаре нет пестроты красок и запахов, свойственной восточному рынку. Но звуковое сопровождение торговли то же: гул сливающихся голосов сотен людей время от времени прорезается чисто арабскими гортанными выкриками, то резкими и отрывистыми, то протяжными и монотонными (у мальтийцев пять долгих гласных, а не три, как у арабов). Над лавочками здесь нет экзотических навесов. Это открытые прилавки (иногда кузова старой телеги) или просто площадки, лишь изредка частично прикрываемые вполне европейскими зонтиками. Да и сами продавцы одеты по-европейски, и на их смуглость, темный цвет волос и темпераментное сверканье черных глаз обращаешь внимание обычно лишь тогда, когда они переговариваются друг с другом примерно с теми же интонациями, акцентами и выразительностью, как это делают их собратья на рынках Кайруана, Бейрута или Триполи. Сходство с этими рынками усугубляет обилие детворы. Обычно продавцу помогают один или двое мальчишек 10—12 лет, а их младшие 5—7-летние братья шныряют туда и сюда, путаясь под ногами, умножая гам и выпрашивая у туристов значки и сувениры.

Здесь же трещат камеры: туристы спешат запечатлеть то, что они принимают за «восточный» базар, хотя наваленные на прилавках груды легких курток, маек и рубашек с видами Мальты, дешевого белья и прочего ширпотреба выглядят совсем обыденно и уж никак не экзотично. Скорее, «экзотична» быстрота, с какой некоторые туристы, только что с чопорным равнодушием прохаживавшиеся меж груд залежалых товаров, начинают примерять тесные джинсы (Мальта славится

почему-то самыми дешевыми в Средиземноморье джинсами), без излишнего стеснения освобождаясь от всего, что мешает им это делать.

Один из секретов оборотистости и коммерческого умения, которыми мальтийские торговцы давно известны во всем Средиземноморском бассейне, заключается в их упорстве. Даже в воскресенье, когда ревностные католики (т. е. большинство мальтийцев) отдыхают, многие мелкие коммерсанты весь день сидят в лавке или простаивают со своим скромным товаром на рынке. Нередко мужа или брата сменяет жена или сестра. Многочисленные и главным образом мелкие коммерсанты отличаются здесь быстротой реакции, четкостью и рациональностью расчета, мгновенной оценкой характера только что подошедшего покупателя. Деньги берут самые разные: доллары, франки, лиры, английские фунты и т. д., проделывая в уме молниеносные подсчеты с переводом на мальтийскую валюту (мальтийский фунт равен 70% английского и примерно двум американским долларам). Сдачу дают мальтийской мелочью (в мальтийском фунте 100 центов). При этом мальтиец, будучи уверен, что в его подсчетах никто разобратся не сможет, и решив, что покупатель достаточно устал от впечатлений, не прочь вас обмануть. Один торговец долго пытался всучить мне 15 американских центов вместо 30 мальтийских, с самым простодушным видом уверяя, что «это одно и то же, а иметь американские деньги даже лучше». Мне удалось уговорить его дать положенные 30 мальтийских центов, только когда я сказал, что они мне нужны как память о пребывании на Мальте.

Уважение к своему острову, народу, его истории и происхождению мальтийцы очень ценят. Они гордятся всем, что с этим связано: и легендами, и преданиями о действительно происходивших событиях. Отсюда такое любованье ранее ненавистными грабителями-рыцарями, их подвигами, международными связями ордена, пусть скромно, но все же включившими крошечную Мальту в «большую политику». Отсюда же страстно подчеркиваемая религиозность, восхваление борьбы христианства против ислама (возможно, во времена арабского владычества здесь было столько же ревностных мусульман). Любовь к родному острову проявляет-

ся и в цепкой привязанности мальтийцев к земле, в использовании каждого ее клочка. Мы убедились в этом, совершив поездку по острову.

От Ла-Валлетты до Мдины практически нет незаделанного пространства. Так называемые пригороды столицы растянулись далеко, на многие километры, и ныне считаются на острове отдельными городами. Но и на их пределах — поселки, фермы, своего рода хуторки среди искусственных террас и участков земли, бережно перенесенной из других мест и покрывшей бесплодные камни или песчаник. За окном автобуса мелькают огороды и засеянные поля, разделенные рядами аккуратно слепленных глиной камней. Мальтийцы круглый год выращивают овощи и поставляют их в Западную Европу, которую они радуют также в середине зимы (в январе) свежими фруктами, апельсинами и лимонами. Пшеницы, требующей больших пространств, почти нет (под ней лишь $\frac{1}{6}$ обрабатываемых площадей). К тому же половина земель не обрабатывается либо из-за невозможности обработки, либо ввиду необходимости поддерживать традиционное на Мальте скотоводство. Но даже там, где земля Мальты полностью оправдывает свое арабское название «голая», даже там стоят далеко от городов и посевов небольшие дома, по своей окраске и общему непритязательному виду сливающиеся с выжженной серовато-оранжевой почвой. Многие из них плоскими крышами и скрывающими внутренний дворик высокими оградами напоминают жилища арабов Магриба.

Жизненный уровень на Мальте несколько выше, чем в ряде соседних средиземноморских стран. Средняя заработная плата, по словам гида, 28—30 мальтийских фунтов (55—60 долларов) в неделю. Оклад инженера обычно равен 240 фунтам в месяц, но квалифицированный рабочий-судостроитель (судоверфи — основное предприятие на Мальте) зарабатывает до 120 фунтов в неделю. Доход же частнопрактикующего врача — до 12 тыс. фунтов в год. Средний доход на душу населения в год — 750 долларов (примерно 380 фунтов). Относительно текущих цен подробной информации получить не удалось. Однако обращает на себя внимание более низкая плата за квартиру по сравнению с большинством стран капиталистической Европы: за прожи-

вание в пятикомнатной квартире в новом, недавно выстроенном доме следует платить 100 фунтов в год, а с учетом получаемой некоторыми категориями населения правительственной дотации — 70 фунтов. Надо вместе с тем помнить, что в новых домах проживает не так уж много людей, что дотации введены главным образом за последние годы после прихода к власти лейбористов и что в старых домах (большинство которых выстроены или восстановлены частниками сразу после войны) хозяин волен брать такую плату, какую захочет.

Причин сравнительно большей зажиточности мальтийцев по сравнению с другими средиземноморцами несколько. Во-первых, это эмиграция, порождаемая слаборазвитостью экономики, неспособной поглотить избыток рабочих рук, и сохранением полуфеодальной эксплуатации в сельском хозяйстве, тормозящей его развитие. С 1946 по 1970 г. с острова эмигрировало более 100 тыс. человек. В настоящее время свыше $\frac{1}{3}$ всех мальтийцев (примерно 110 тыс.) живут вне родины — в Англии, США, Канаде, Австралии. Фактически, очевидно, их еще больше, но очень многие ассимилировались (прежде всего это относится к мальтийским эмигрантам в странах Средиземноморья — Италии, Франции, Ливии, Тунисе и др.). Те же, кто сохранил связь с родиной, нередко помогают оставшимся на месте родственникам. Таким образом, эмиграция одновременно служит средством уменьшения безработицы и источником дополнительных доходов.

Вторым важным фактором следует признать определенную роль Мальты в международном судоходстве ввиду ее выгодного стратегического положения в центре Средиземноморья и наличия удобных гаваней. Это способствовало давнему превращению острова в место постоянной (и оплачиваемой) стоянки почти всех курсирующих по Средиземному морю кораблей, место их заправки, снабжения, ремонта, обслуживания, погрузки и выгрузки. Это определило не только грузооборот и доходность порта Ла-Валлетты (и других, менее значительных), занятость и оплачиваемость портовых служащих, но и высокий уровень активности (и доходов) предпринимателей и рабочих, связанных со всеми этими формами обслуживания.

Большое место в экономике Мальты занимает и

туризм. Ежегодно остров посещают до 200 тыс. туристов (а в 1974 г. — 272 тыс.), т. е. в среднем по одному на каждого жителя Мальты. Туризм — важная статья дохода. Только официально (т. е. не считая множества частных торговцев, водителей такси, производителей сувениров и т. п.) обслуживанием туристов заняты 13 тыс. человек, т. е. больше, чем в сельском хозяйстве и промышленности, вместе взятых (около 9 тыс.). Всего же в сфере услуг занято более половины самодеятельного населения острова.

Особо следует остановиться на доходах, получаемых Мальтой от продолжающейся аренды Англией военных баз на острове. Это доходы, которые продолжает ценить и отстаивать местная буржуазия, но которые с презрением отвергают большинство мальтийцев. Тем не менее сбрасывать их со счетов пока нельзя. Достаточно лишь отметить, что на английских базах до недавнего времени работало 12% самодеятельного населения острова. Вместе с мальтийцами, обслуживающими туристов, в большинстве своем тоже англичан, они составляли четверть всех трудящихся Мальты.

Англичане широко использовали Мальту как опорный пункт своего господства на Средиземном море, выдавая при этом свое присутствие на острове за сплошное благодеяние. Они уверяли всех, например, что Крымская война 1853—1856 гг. принесла на Мальту «высокое благосостояние и коммерческое процветание», умалчивая, однако, о том, что торговцы и посредники наживались прежде всего на военных поставках и перевозках, от которых мало что перепало простым мальтийцам. Стратегическое значение острова особенно возросло после завершения в 1869 г. строительства Суэцкого канала, во время операций английского флота и армии по захвату Кипра в 1878 г. и Египта в 1882 г. В первую мировую войну удобные гавани Мальты неоднократно укрывали военные эскадры Англии, Франции, Италии в их борьбе с германо-турецким флотом. После войны Мальта была одним из главных препятствий на пути реализации амбициозных планов Муссолини по превращению Средиземноморья во «внутреннее итальянское озеро».

Мальта — всего в 20 минутах авиаполета от Сицилии. Именно поэтому в годы второй мировой войны

остров подвергался особенно жестоким итало-германским бомбардировкам и обстрелу с моря, вследствие чего многие изумительные памятники архитектуры и исторические здания были разрушены до такой степени, что их невозможно было восстановить. В Ла-Валлетте, например, к июню 1943 г. были полностью уничтожены или серьезно повреждены $\frac{3}{4}$ всех построек. Всего же за время фактически трехлетней блокады (с июня 1940 г. до падения Муссолини летом 1943 г.) на острове погибли 1436 и были ранены 3415 гражданских лиц, разрушено около 37 тыс. домов. Следы этих разрушений кое-где видны и сейчас.

Стойкость и мужество мальтийцев в годы войны (помимо участия в обороне острова многие из них еще отличились и как военные моряки вдали от родного острова) после 1945 г. проявились в подъеме освободительного и рабочего движения. Англия еще в 1921 г. вынуждена была в ответ на антиколониальные выступления местных жителей в 1919 г. предоставить острову внутреннее самоуправление, но в 1930 г. ликвидировала его. В 1947 г. самоуправление было восстановлено, но антибританские демонстрации и стачки продолжались, принимая время от времени массовый характер (в 1949, 1958 гг.). Англия отвечала жестокими репрессиями, ни в коей мере не желая терять столь выгодную базу в стратегически важном районе. Ее значение помимо соображений глобальной политики НАТО определялось еще и теми военно-карательными операциями, которые Англия проводила на Ближнем Востоке в 50—60-х годах против Кипра, дважды — против Египта, Иордании, стран юга Аравии и Персидского залива. Однако в конце концов колонизаторы вынуждены были пойти на уступки: восстановить в 1962 г. отмененную в 1959 г. (вторично) конституцию Мальты, а в 1964 г. предоставить острову независимость в рамках Британского Содружества.

При этом британцы уходили лишь формально, возлагая надежды (не без оснований) на прозападную позицию вставшей у власти националистической партии, сделавшей главный упор на привлечение новых иностранных капиталов и на соглашение 1964 г. о базах. Но подобные неоколониалистские иллюзии оказались несостоятельными. Как и в других молодых независи-

мых государствах, мальтийский народ в конечном итоге высказался за реальную, а не призрачную независимость. Пришедшая к власти в 1971 г. лейбористская партия сначала вообще попросила англичан убраться с острова, а затем согласилась несколько продлить их пребывание (конец которому должен наступить в 1979 г.) за более значительную плату. А в декабре 1974 г. Мальта вышла из-под власти королевы Англии и стала самостоятельной республикой.

Англичане еще держат свои базы и войска на Мальте. Направляясь из Ла-Валлетты в Мдину, мы миновали территорию английской базы за колючей проволокой, где, как и на Кипре, британским военнослужащим обеспечен полный комфорт, включая ресторан и ночной клуб только для них. И хотя они продолжают чувствовать себя здесь внешне достаточно непринужденно (мы видели несколько офицеров, совершавших прогулку верхом и выглядевших вполне безмятежно в жокейских кепочках), их положение теперь совсем иное. Повсюду, в том числе и на стене, ограждающей английскую базу, мы читали лозунги: «Голосуйте за лейбористов!». Вполне закономерно, что именно эта партия, решительно поставившая вопрос об изгнании колонизаторов с острова, одержала победу на последних выборах в декабре 1976 г. Это лишний раз говорит о том, что «британское присутствие» на Мальте близится к концу.

Хотя наше пребывание на Мальте было предельно коротким (всего один день), мы успели многое повидать. Невозможно, да и не нужно рассказывать обо всем увиденном и услышанном на острове. Можно было бы долго делиться впечатлениями от посещения «храма медного века» (на Мальте — руины до 30 древнейших храмов), от новых современных домов, выстроенных на месте разрушений, от нарядной светло-оранжевой церкви Успения в местечке Моста и других достопримечательностей острова. Церковь в Моста особо почитается верующими за то, что в 1942 г. пробившая ее громадный, скопированный с римского Пантеона купол итальянская бомба не взорвалась. К сожалению, нам не удалось подробно осмотреть эту церковь: она была так полна народу, слушавшего воскресную проповедь, что мы смогли протолкаться только в один из ее преддверий.

Трудно передать очарование многочисленных гаваней и бухт острова, чудесных видов на море (особенно от резиденции премьер-министра на Кастильской площади столицы) и с моря — на старинные здания и бастионы, на уступами спускающиеся к морю набережные. Покидая Мальту, мы снова испытали то впечатление сказочности, которое возникло у нас при первом взгляде на остров. Теплые оранжево-коричневые тона крепостных стен Ла-Валлетты то темнели по мере удаления от них, то ярко вспыхивали на фоне постоянно менявшегося синего, зеленого и серо-голубого морского простора.

Минос и минареты

Если на Кипре и Мальте чувствуется не только близость Востока, но и его уверенное, настойчиво о себе напоминающее присутствие, то в целом средиземноморские острова — своего рода перекресток путей и связей «среди земель моря», как указывает на это само название этого обширного и замечательного региона. Для обитателей южного и восточного побережий Средиземного моря острова всегда были как бы привалом по дороге в Европу, подготовкой к восприятию всего европейского, а для жителей северных берегов — интродукцией к восточной теме, введением в таинственную жизнь заморских земель. Но роль передаточного пункта не была единственной за тысячелетия культурного бытия средиземноморских островов. В истории человечества бывали времена, когда эти острова выступали в качестве самостоятельного источника прогресса, оказывая активное цивилизующее влияние на все окружающие их — северные, южные и восточные — берега Средиземного моря. Наиболее яркий пример такого рода — Крит.

Крит — пятый по величине (после Сицилии, Сардинии, Кипра и Корсики), но не по значению остров Средиземноморья. Замыкая восточную часть Средиземного моря и отгораживая от него Эгейское море, Крит с незапамятных времен стал центром одной из наиболее древних цивилизаций — эгейской, или крито-микенской. Еще за 40 веков до нашей эры на Крите жили люди и функционировало общество, развитие которого привело к образованию рабовладельческих государств с центрами в Кноссе, Фестосе и др., последующему их объединению и созданию культуры, оказавшей мощное воздействие почти на весь средиземноморский ареал. Памят-

ники, предметы и следы влияния этой культуры можно увидеть в Египте и Сирии, на Кипре и Мальте, в Малой Азии и на островах Эгейского моря, в Греции и Ливане. Современные греки с полным основанием гордятся достижениями древних обитателей Крита — творцов эгейской культуры. Во всех греческих музеях — на Кипре, на Крите и в самой Греции — обязательно висят карты ареала распространения эгейской цивилизации, охватывающие большую часть Средиземноморья. Мы также хорошо знакомы с этой предшественницей классической культуры античных греков, хотя последняя нам известна гораздо лучше.

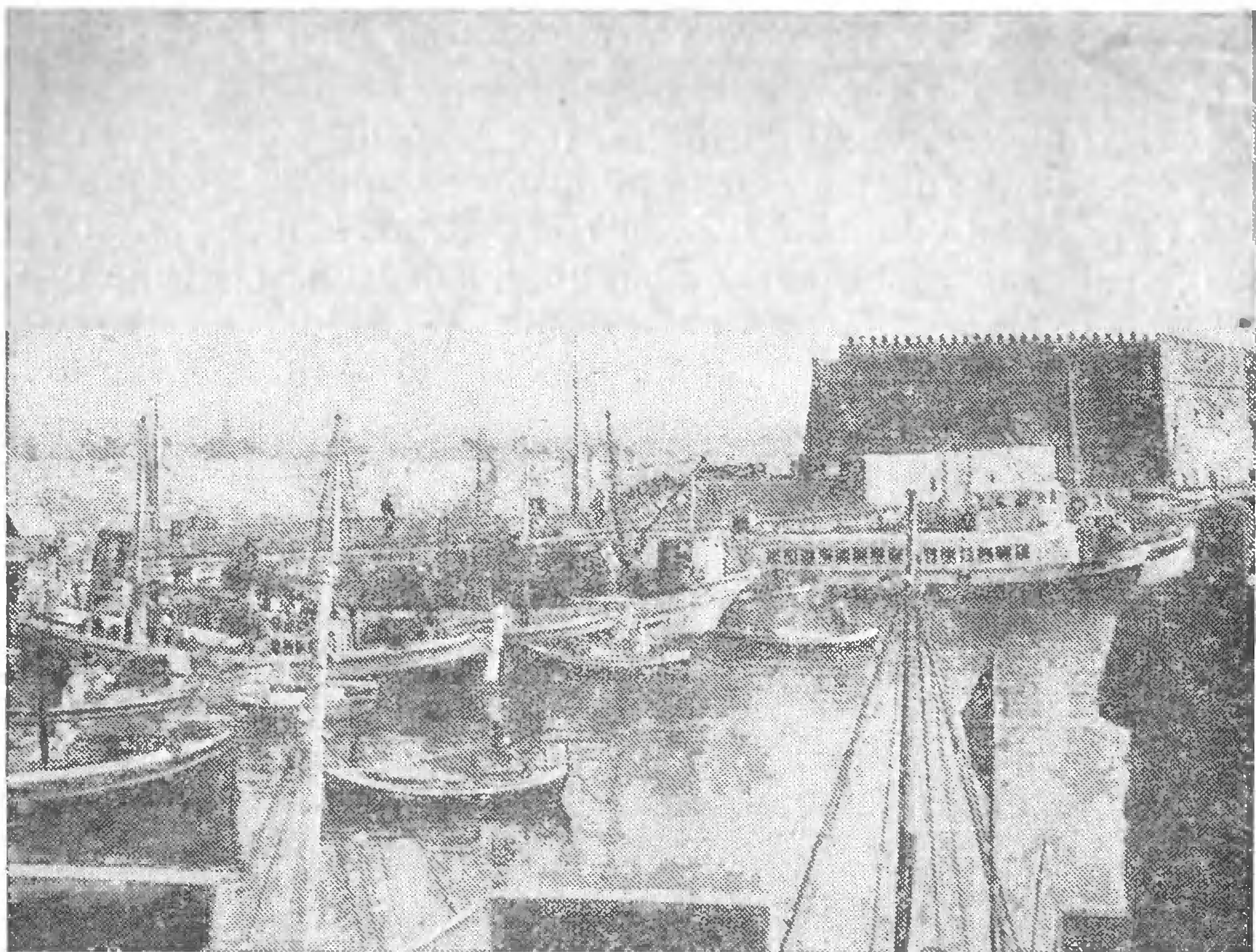
Издали Крит, когда подплываешь к нему с моря, напоминает Родос: те же далеко тянущиеся пологие холмы с гребнями гор на горизонте и кое-где вкрапленными в крутизну серо-зеленого берега желтыми фрагментами пляжей. Теплоход вплывает в обширную гавань мимо далеко вытянувшихся ему навстречу подступов к порту. По прибытии каждому из нас выдают карту острова, на оборотной стороне которой планы городов Крита. И вот среди обилия названий, связанных с историей Византии или православной церкви (особенно часто упоминаются Палеологи — последние византийские императоры, породнившиеся с русскими князьями), вдруг встречаем улицы, названные именами Европы, Дедала, Минотавра, Кносса. Эти имена мгновенно переносят нас в эгейскую эпоху.

Со школьной скамьи мы знаем о легендарном царе Миносе, которому греческая мифология приписала не только происхождение от Зевса и Европы, но и все мыслимые качества могучего властителя, мудрого законодателя и грозного владыки морей, превратившего Крит в ведущую морскую державу мира. Еще больше известен миф о талантливом строителе Дедале, служившем у Миноса и улетевшем с Крита вместе со своим сыном Икаром на крыльях, слепленных из перьев и воска. Этот миф вспомнился еще на пути к Кипру, когда мы проплывали мимо о-ва Икария в Эгейском море, недалеко от которого, по преданию, упал в воду Икар, подлетев слишком близко к солнцу, лучи которого растопили воск его крыльев. На Кипре, в частности в Пафосе, сюжеты многих мозаичных изображений также были связаны с мифами о Миносе: Минотавр — человек

с головой быка, сын жены Миноса от связи со священным быком бога морей Посейдона; защитник афинян Тесей, убивающий Минотавра (по мнению многих, этот миф — фантастическое отображение борьбы материковой Греции за освобождение от ига Критской державы); дочь Миноса Ариадна, полюбившая Тесея. Именно по приказу Миноса Дедал выстроил Лабиринт — дворец со множеством сложных и специально запутанных ходов, название которого стало нарицательным. Сюда был заключен Минотавр, и отсюда после его убийства смог выйти Тесей с помощью Ариадны, которой Дедал подсказал дать герою нить, закрепленную у входа в Лабиринт. От гнева Миноса Дедал вынужден был бежать и в конце концов очутился на Сицилии.

Все эти легенды о Миносе, как доказано историками и археологами, имеют под собой реальную основу. Речь идет о действительно быстром развитии на Крите еще в III тысячелетии до н. э. хозяйства (особенно скотоводства и применения бронзовых орудий), мореплавания, градостроительства, а в середине II тысячелетия до н. э. — о превращении Крита в господствующую державу восточного Средиземноморья. Тогда Крит подчинил себе все эгейские острова, часть Греции и Малой Азии, проводил активную политику в Египте и вообще на Древнем Востоке. Критское слоговое письмо, изобразительное искусство, архитектура дворцов и храмов, скульптура, керамика, вазопись не имели себе равных и были для своего времени одной из вершин достижений общечеловеческой культуры. Культура Микен, принявших от критян эстафету лидерства, практически являла собой прямое продолжение и составную часть единой крито-микенской цивилизации. В ареале ее экспансии (включавшем помимо Греции и островов также Малую Азию и Сирию) впервые в Европе проходил процесс становления рабовладельческого общества, впервые складывалась развитая духовная жизнь.

Поскольку само имя Миноса ассоциировалось у европейцев со всеми этими блестящими достижениями, наиболее известный исследователь древнего Крита англичанин Артур Эванс предложил назвать всю культуру Крита минойской, а историю ее развития за два тысячелетия разделить на раннеминойский, среднеминойский и позднеминойский периоды. В соответствии

Ираклион. Порт и венецианская крепость

с этой терминологией кипрский вариант этой культуры получил наименование кипро-минойской культуры. Так Минос из мифологии проник и в серьезную науку (к тому же некоторые историки полагают, что он реально существовал).

С достижениями научного изучения древнего Крита мы ознакомились в археологическом музее Ираклиона — административного центра острова. Здесь — обилие затейливо раскрашенной керамики из дворца Кносос (бывшей резиденции царей Крита, будто бы и послужившей прообразом мифического Лабиринта), золотые кольца с изображением жриц и другие украшения из гробниц Фестоса (древней столицы южного Крита в раннеминойский период), громадные обоюдоострые жертвенные топоры (их изображения на картах Крита служат условными обозначениями исторических памятников и археологических раскопок). Сильное впечатление оставляет выкрашенная в синий цвет глиняная ваза в форме чрезвычайно тонко вылепленной головы быка с золотыми рогами. На Крите бык считался священным

У руин дворца Кноссос на о-ве Крит

животным, и, очевидно, принуждение ему поклоняться и приносить жертвы, вызывая протест у других греков, нашло отображение в мифе о Минотавре. Столь же великолепно выполнены росписи на сосудах II тысячелетия до н. э. с изображением музыкантов и сборщиков винограда, фрески, запечатлевшие жриц, царей, грифонов. Кроме упоминавшихся периодов минойской культуры греческие археологи делят ее историю еще и на «дворцовые» эпохи — так называемые неодворцовую, последдворцовую и т. п. К первой, например, относятся выкрашенные в более светлые тона предметы из дворца Закро. Иногда в пределах одной такой эпохи можно заметить и региональные различия: например, изображения головы быка в «неодворцовую» эпоху на восточном Крите носили более условный характер.

В скульптуре, керамике и предметах быта минойской цивилизации нашли отражение интенсивные связи Крита с древневосточными странами (переселенцы с Крита даже пытались колонизовать некоторые восточные земли, например Угарит в Сирии; есть сведения, что вы-

ходцами с Крита были и эгейские племена филистимлян, владевшие западной Палестиной, которую до сих пор называют по их имени). Явно восточный характер, в частности, носят идолаы «последворцовой» эры с поднятыми руками и символами на голове, разукрашенные саркофаги в виде ванн, изображения грифонов. При этом если следы восточного влияния на Кипре имели преимущественно финикийско-ассирийское происхождение, то на Крите в них гораздо сильнее выражены древнеегипетские истоки. Справедливости ради следует упомянуть и об обратном воздействии критян на древнеегипетскую культуру, о чем свидетельствуют экспонаты национального музея в Каире и греко-римского музея в Александрии. Очевидно, именно на Крите сомкнулось отмеченное академиком Н. И. Конрадом «движение истории» из двух культурных центров — Двуречья и Древнего Египта*.

Помимо музея г. Ираклиона нам посчастливилось побывать и в самом Кнососе, находящемся недалеко от города. Мы быстро ехали по дороге среди полев, рощ, небольших участков песчаника, чередовавшихся с агавами, и даже не успели полюбоваться смутно вырисовывавшейся вдали вершиной самой большой на Крите горы — Ида (2500 м). Перед дворцом Кносос стоит бюст Эванса, посвятившего раскопкам на Крите 36 лет своей жизни. Раскопки продолжаются и сейчас. Кносос располагался на возвышенности с далеким обзором бескрайней серовато-зеленой равнины, нарушаемой редкими рощами, желтоватыми проплешинами и почти незаметными пологими холмами. То, что осталось от дворца, состоит из больших плит и более мелких, плохо отесанных камней желто-песчаного и сероватого пыльного цвета. Однако сохранившиеся кое-где элементы росписи (например, на портале южных Пропилей — длинного парадного прохода), попав в поле зрения, внезапно оживляют всю картину, резко выделяясь своими золотистыми, красными и темно-коричневыми тонами. Росписи, особенно профильные изображения человеческих фигур, по краскам и манере исполнения напоминают древнеегипетские, хотя в них, пожалуй, меньше канонизированной статики. Одновременно с раскопками делаются и

* Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966, с. 479.

попытки реставрации, восстановления первоначальной окраски различных частей дворца, особенно красных колонн с черным ободом.

Кноссос раскопан на разных уровнях. Осмотр дворца вполне дает представление о его пятиэтажной структуре. Хождение по разным уровням руин довольно утомительно, но не оставляет впечатления о какой-либо особой запутанности помещений дворца. Скорее, можно говорить о его своеобразной архитектурной монотонности, ибо форма и даже размеры комнат, на мой взгляд, без конца повторяются. Может быть, это и сбивало с толку приходивших сюда впервые? Повторяются и гиды, все время упирающие на «царский зал», «тронный зал» и т. п., но упорно избегающие ответа на вопрос, отчего погибла минойская цивилизация. Известно, что Кноссос во II тысячелетии до н. э. был дважды разрушен в результате землетрясений и лишь однажды — вторгшимися на Крит дорийцами (примерно за тысячу лет до нашей эры). К тому же частично Крит был завоеван ранее подвластными ему ахейцами еще до дорийского нашествия. Судя по всему, имело место объединенное действие сил природы и человека.

Мало что известно о том, как развивался Крит сразу после дорийского завоевания. Однако установлено, что в крайне смешанном населении последорийского Крита, как и на Кипре (но в меньшей пропорции), были финикийцы — выходцы из наиболее активного в древности города-колонизатора Сидона. Очевидно, и в архаическую, и в классическую эпохи древнегреческой истории Крит, как и Кипр, являлся в какой-то мере связующим звеном между расцветающей цивилизацией античной Греции и более ранними культурами Востока. Эта роль острова в эпоху эллинизма должна была усиливаться.

После долгого, более семи столетий, пребывания Крита под господством Рима (при римлянах Крит составлял единую провинцию с африканской областью Киренаика) и Византии начинается период арабских набегов. Они были менее удачны, чем нападения арабского флота на Кипр. Византийцы топили и жгли знаменитым «греческим огнем» арабские корабли, захватывая в плен или обращая в бегство уцелевших. Так продолжалось более полутора веков, хотя за это время

многие острова Эгейского моря, да и других районов Средиземноморья, стали подвластны арабам и служили базой для их морских экспедиций не только против Крита, но и против самого Константинополя.

Захват Крита арабами был осуществлен удивительным образом, но достаточно типично для эпохи арабской гегемонии в Средиземноморье в VIII—X вв. Неудачный мятеж мусульман Кордовы (среди которых помимо арабов были, очевидно, и берберы, и перешедшие в ислам местные уроженцы) против омейядского эмира аль-Хакама I (к этому времени арабы уже свыше 100 лет владели Пиренейским полуостровом) привел к изгнанию части мятежников вместе с их семьями. Продолав весьма долгий для того времени путь, они оказались в противоположном от Пиренеев юго-восточном районе Средиземноморья и овладели в 818 г. Александрией. Но постепенно войска багдадского халифа, контролировавшего тогда Египет, усилили нажим на пришельцев и принудили их покинуть город в 825 г. (правда, предварительно снабдив всем необходимым, а также усилив их добровольцами). Пиренейские изгнанники на 40 кораблях внезапно прибыли на Крит и захватили его. Командовавший этой дерзкой экспедицией аль-Баллутти, решив пресечь дальнейшие скитания своих воинов, сжег весь флот, на котором они прибыли на остров, и тем самым лишил их возможности покинуть Крит. Началась арабская колонизация острова. Одним из первых городов, основанных арабами, был аль-Хандак (в переводе «ров», «окоп»), построенный в удобной гавани северного побережья. Судя по его названию, это крепость, укрепленная не только с моря, но и с суши. Впоследствии арабское название города трансформировалось в более удобное для греческого языка Кандия. В наши дни оно не сохранилось, так как город был переименован в Ираклион (в честь древнего героя Геракла). Но этимология других географических названий мест на острове указывает на их арабское происхождение: Ханья («изгиб», «поворот») — порт на западе в гавани с извилистой береговой линией за глубоко вдающимся в море п-овом Акротири; Музурас (от «маузв-ра», т. е. «обретенная»); Мескла («придающая блеск»).

За короткий период арабского господства на Крите успели возникнуть даже определенные культурные тра-

днии. В частности, критским арабом, причем не в первом поколении, был известный историк, филолог и законовед Абд аль-Малик Ибн аль-Фаххар, исполнявший обязанности муфтия (религиозного главы) мусульман Крита в IX в. К нему на Крит приезжали учиться студенты из разных мест арабского мира тех дней — от далекой Басры до славившейся своей ученостью Кордовы.

В целом же арабское присутствие на Крите, как и на Кипре, носило преимущественно военный и, хуже того, пиратский характер. Остров превратился в подлинное гнездо корсаров, наносивших большой урон византийскому (да и всякому иному) мореплаванию и опустошавших берега южной Европы, прежде всего — близлежащей Греции. Захваченных пленников пираты обращали в рабство. Поэтому Крит приобрел в те времена дурную славу крупнейшего в Средиземноморье невольничьего рынка. Судя по всему, для арабских завоевателей остров ввиду его близости к византийским владениям был не столько культурно и хозяйственно осваиваемой, «своей» землей, подобно, например, Мальте или Сицилии, завоеванным почти одновременно с Критом, а форпостом и военным лагерем, предназначенным главным образом для ведения войны. Вследствие этого византийцы постоянно стремились отвоевать остров, что и было сделано в 961 г. императором Никифором Фокой, которому поставлены памятники и в честь которого названы улицы во всех главных городах Крита. Эта византийская «реконкиста» положила конец (как и на Кипре) поверхностному влиянию арабских завоевателей, не сумевшему укорениться в местной греческой культурной среде. Любопытная для нас деталь этой «реконкисты» — участие в ней русских отрядов, включенных в византийскую армию киевской княгиней Ольгой, за три года до этого (957 г.) крестившейся в Константинополе.

Византия владела Критом вплоть до 1204 г., когда остров захватили крестоносцы вместе с Константинополем и продали его Венеции. Как и на Кипре, венецианцы способствовали процветанию торговли и ремесел, градостроительства и мореплавания, но при этом так угнетали критян, что те только за первые 150 лет венецианского господства восставали 14 раз. Иногда

против власти Венеции поднимали мятежи и местные венецианские колонисты, пользуясь отдаленностью Крита. Порой критяне обращались за помощью к извечным соперникам Венеции — генуэзцам. Вместе с тем венецианский период был довольно благоприятным для развития архитектуры и искусства на Крите. Сохранялись византийские традиции и привносились итальянские в строительном деле — возведении церквей, крепостей, жилых кварталов. До наших дней сохранились фортификации Санмикели — сподвижника знаменитого Браманте. Сложилась особая критская школа живописи, представлявшая собой органичный сплав византийского и венецианского наследия в изобразительном искусстве. Мастера этой школы славились в Греции, Италии и на Востоке (например, в Египте).

Уроженцем Крита и учеником местных живописцев был великий испанский художник Эль Греко (его настоящим именем — Теотокопули — названы многие улицы городов Крита), в своих произведениях с исключительной экспрессией передавший трагическое мироощущение заката Возрождения. В творчестве Эль Греко, которого иногда несправедливо обвиняли в болезненном искажении действительности, противоречиво преломились черты мрачной византийской иконописи, богатство красок и тонов венецианской школы, аскетическая суровость и ригоризм испанского католицизма. Широко образованный и глубоко мыслящий, он не мог, как и остальные греки, не переживать тяжело разгром турками Византии, порабощение родины иноземцами, бедственное положение изгнанных соотечественников, с которыми он поддерживал контакт, давящее изуверство инквизиции. Отсюда — сила и выразительность в изображении художником трагического краха идеалов Возрождения, в том числе и наивно-благостных представлений о «красоте вообще». Может быть, не совсем случайно, что это сделал уроженец Крита, когда-то бывшего очагом цивилизации для всего Средиземноморья, а во времена Эль Греко превратившегося в колониальное захолустье средиземноморской Европы. И, возможно, поэтому Эль Греко так любил и воспевал Толедо — город, где все напоминало о только что погибшей под ударами реконкисты блестящей цивилизации арабо-мусульманской Андалусии?

В 1645 г. борьбу за Крит активно начала Османская империя. Турецкая армия, высадившись на острове, захватила Ханию. В 1669 г. турецкое завоевание было в основном завершено. При турках на острове образовалась значительная мусульманская община как за счет переселенцев из других частей империи (например, под Ханией была огромная деревня лодочников и посылщиков — по происхождению арабов из Египта и Киренаики), так и ввиду исламизации местных жителей. К началу прошлого века около половины критян были мусульманами. Однако последующие события резко изменили состав населения. Греки Крита, связанные с патриотическим движением в Греции, в 1821 г. приняли участие в греческой национальной революции и освободили почти всю территорию острова. Восстание было потоплено в крови войсками египетского правителя Мухаммеда Али в 1824 г., после чего Крит до 1840 г. находился под властью египтян. Так на остров, казалось, вернулась после 900-летнего перерыва власть арабов. Однако наемная армия и администрация Мухаммеда Али состояли не столько из арабов, сколько из албанцев, черкесов, тех же турок и прочих мусульман Османской империи и в этом отношении мало отличались от собственно турецких.

После возвращения Крита под непосредственное управление султанских властей остров периодически сотрясали грандиозные восстания (1856, 1866—1869, 1896—1897 гг.), подавлявшиеся с исключительной жестокостью. Под давлением европейских держав, соперничавших с Турцией на Балканах, султан вынужден был предоставить Криту административную автономию, а после балканских войн 1912—1913 гг. Крит наконец воссоединился с Грецией, после чего почти все мусульмане (и турки, и принявшие ислам греки) покинули остров и переехали в Триполитанию. Так закончились два с половиной столетия турецкого господства на Крите.

...Мы бродим по Ираклиону и выискиваем во внешнем облике города приметы всего минувшего и всего нами услышанного. От его основателей, арабов, никаких следов не осталось. От византийцев сохранились преимущественно церкви, главным образом выстроенные в византийском стиле при венецианцах или турках. Город неоднократно разрушался во время частых осад и штур-

мов (турками, например, он был взят после 20-летней осады), поэтому многие памятники старины погибли безвозвратно. Очень много сохранилось венецианских построек. Это прежде всего мощные стены старой крепости, начинающиеся сразу у порта. Серые от времени и кое-где покрывшиеся зеленоватым мхом, они тем не менее и сегодня выглядят достаточно грозно и неприступно. Ранее они полностью ограждали город с суши и тянулись на 19 км гигантским полукругом. Ныне город далеко выплеснулся за их пределы. Теперь, когда они потеряли свое первоначальное значение, в них как-то рельефнее выступили два главных свойства венецианского зодчества: солидность сооружений, возводимых прочно и с расчетом на долговечность, и какое-то неуловимое изящество, проявление эстетического вкуса даже при строительстве военных укреплений, совсем не предназначенных для того, чтобы ласкать взор. Сказалось, очевидно, богатство и размах торгового патрициата Венеции, его честолюбие и жажда подчеркнуть утверждение своей власти на морских путях. Для венецианцев крепость была не только оплотом их могущества, но и символом их политического господства, а заодно и рекламой всего, что исходило от Венеции. Значительную роль при этом сыграло высокое развитие культуры итальянского Возрождения в целом: строитель крепостей Крита архитектор Санмикели до этого много работал в Вероне, Риме, Флоренции и Венеции.

Вообще почти вся старина в городе — венецианская. Прекрасна венецианская Лоджия в центре Ираклиона — легкое воздушное здание с красивой аркадой, коринфскими колоннами и узорчатыми карнизами. Интересна базилика св. Марка XIII в. Как символ венецианской гегемонии возвышается на одной из площадей фонтан Морозини — звездообразный бассейн с искусными барельефами, с приподнявшимися в грозном рычании полусидящими каменными львами.

От турецкого периода следов в архитектуре почти нет. Это и неудивительно. И турки, и греки-мусульмане, и проживавшие на острове в османские времена небольшие колонии арабов покинули Крит 65 лет назад. Их следы надо искать не на Крите, а, скорее, в Египте и Ливии, среди местных греков и турок, а также арабов, ибо за столь долгий срок большинство эмигриро-

вавших сюда с Крита мусульман давно уже ассимилировались. В этом, как и во многом другом, продолжают и в наши дни проявляться черты единства средиземноморских народов.

Тем не менее кое-что от турецких времен на Крите все же не могло не остаться. «Турецко-арабский», вернее средиземноморский, колорит чувствуется в типичных от Стамбула до Алжира глухих ставнях, резко избегающих вверх от моря, узких торговых улицах, в тесноте забитых мелкими ларьками переулков (опять невольно вспомнились при этом касбы Алжира и медины Туниса), в обилии невысоких, по-южному белых домиков — своего рода двух- или трехэтажных «мазанок», в горделиво высящихся пальмах на центральной площади города — Элефтерас (Свобода). Еще совсем недавно здесь было 14 мечетей. Мы не видели ни одной. вполне возможно, что часть их погибла в годы второй мировой войны, когда Ираклион сильно пострадал, другая же часть приспособлена для иных целей, тем более что мусульман на острове нет, а ненавидящих все турецкое — немало (например, армян, спасшихся от резни 1915 г. в Турции). Однако в Ретимноне — городе на полпути между Ираклионом и Ханией — мечеть сохранилась и демонстрируется туристам. Есть мечети — вернее, сохранились их здания — и в других городах. Многие названия улиц напоминают о трагедиях, пережитых греками в период османского ига: улица 1821 года, улица 1866 года, улица Смирны (имеется в виду печально известная резня греческого населения в Смирне). В то же время встречаются улицы и с арабо-турецкими названиями: Хандакос (от первоначального арабского названия города — «аль-Хандак»), Гази («победитель»), Тали («следующий») и другие, несколько видоизмененные (например, Альмбер, Альмиру, Киссаму).

В восточной части Ираклиона у старой крепостной стены стоит памятник Венизелосу. Набережная его имени есть также в Ретимноне, а проспект — в Хании. Это вождь греческих либералов, уроженец Крита, который возглавлял борьбу за освобождение острова от турок на ее последнем этапе и неоднократно стоял во главе правительства Греции. В 1935 г. он пытался помешать реставрации монархии в Греции, опираясь на

критян. Его партия совместно с коммунистами организовала в 1938 г. народное восстание на Крите против правившего в Греции диктатора Метаксаса, но потерпела неудачу. Тем не менее Венизелос очень популярен на Крите.

Жители острова говорят: «Крит так привык к смерти, что не боится ее и может играть ею». В основном эта поговорка — горькое наследие: мрачных веков иноземного порабощения; варварских преследований за веру и родной язык (чем, кстати, занимались все владевшие Критом иноземцы); вовлечения слишком многих островитян — моряков от рождения — в различные авантюры пиратов и сменявших друг друга завоевателей; столь часто возобновлявшейся на острове резни, что в прошлом веке выражение «резня на Крите» стало нарицательным. Вместе с тем и в XX столетии Крит не был в стороне от бурь современности. В мае 1941 г. остров был последним оплотом сопротивления греческих и английских войск итало-германским армиям, вторгшимся в Грецию. После сдачи Крита часть греческих войск переправилась в Египет, где в 1942 г. приняла участие в боях с армией Роммеля, а германские авиасоединения, захватившие остров, были переброшены на восток для участия в начавшемся через три недели нападении на СССР.

Во время фашистской оккупации в 1941—1944 гг. на Крите развернулось партизанское движение, в котором участвовали и советские партизаны из числа бежавших из лагерей военнопленных. 33 советских партизана отдали жизнь за освобождение Крита и похоронены на городском кладбище Хании. Нам, к сожалению, не удалось там побывать, во-первых, из-за кратковременности нашего пребывания на острове, а во-вторых, очевидно, потому, что дорога туда проходит мимо гавани Суды, которую ныне греки не очень любят показывать иностранцам. Здесь до сих пор, несмотря на выход Греции из военной организации НАТО, располагаются военно-морская база США и ракетный полигон англо-американских войск. Даже афинские путеводители именуют этот район владением НАТО. Мы обратили внимание в этой связи на то, что греки Крита менее охотно, чем греки Кипра, говорят по-английски и в целом хуже знают этот язык, хотя реклам английских и американ-

ских фирм на Крите не меньше, чем на Кипре. Но здесь, на Крите, англо-американцы больше вынуждены считаться с присутствием японских, западногерманских и французских компаний.

Нам все же посчастливилось совершить поездку в глубь острова и своими глазами увидеть тех, за кем будущее Крита и всей Греции. Мы побывали в деревне Арханис, расположенной далеко к югу от Ираклиона, за развалинами Кнососа и еще долго идущими после них рядами виноградников и оливковыми рощами среди каменистых холмов. Арханис — скорее, поселок полугородского типа с асфальтированной главной улицей и грубо мощенными кривыми переулками, карабкающимися в гору от главной улицы. Сходство с городом подчеркивают многочисленные (не менее 20) лавки и мастерские, вполне городское кафе с выставленными на улицу столиками, с грохотом проносящиеся по улице мотоциклы. Примерно так же выглядят окраины Ираклиона, да и деревни Кипра.

Первое, что бросилось в глаза, — серп и молот — эмблема компартии Греции на большом доме у главной площади. В Арханисе очень сильно влияние коммунистов. Нас встретили приветственными возгласами, улыбками, рукопожатиями. Несмотря на сравнительно поздний час (вскоре после нашего приезда начало смеркаться), почти все население деревни вышло на улицу. И, глядя на этих просто одетых коренастых смуглых крестьян, сельскохозяйственных рабочих и ремесленников, можно было легко понять, почему эти труженики поддерживают компартию, почему так высок для них авторитет нашей страны и идей социализма. Для них, ценой тяжкого труда заставляющих плодоносить древнюю землю Крита, борьба за социальную справедливость и прогресс — такое же естественное, каждодневное дело, как и работа в поле, как посевная или сбор урожая. Кроме того, простые греки издавна привыкли видеть в русском народе своего друга. «Руссия! Руссия!» — повторял, улыбаясь, один очень старый житель Арханиса. И, казалось, в одном слове «Россия» для него сливалось все, что он хотел выразить: давняя культурная и политическая близость наших народов, вековые надежды греков на помощь России в деле национального освобождения, наконец, вполне современная тяга

честных людей труда во всем мире к первой стране социализма.

Мы запомнили улыбки простых людей Крита, их полные уверенности и надежды взгляды, свидетельствовавшие о том, что жизнь этого острова интересна не только легендами о мудрости всемогущего Миноса и мрачной романтикой старинных крепостей и дворцов, копьевидных турецких минаретов, напоминавших о давности связей Крита с Востоком. Ныне жизнь прославленного в тысячелетиях, много видевшего и много страдавшего Крита — в упорном движении к счастливому будущему, в мужественном преодолении всего, что этому мешает, в подлинном торжестве издавна провозглашенных на острове идей демократии и справедливости.

Сицилийская нация

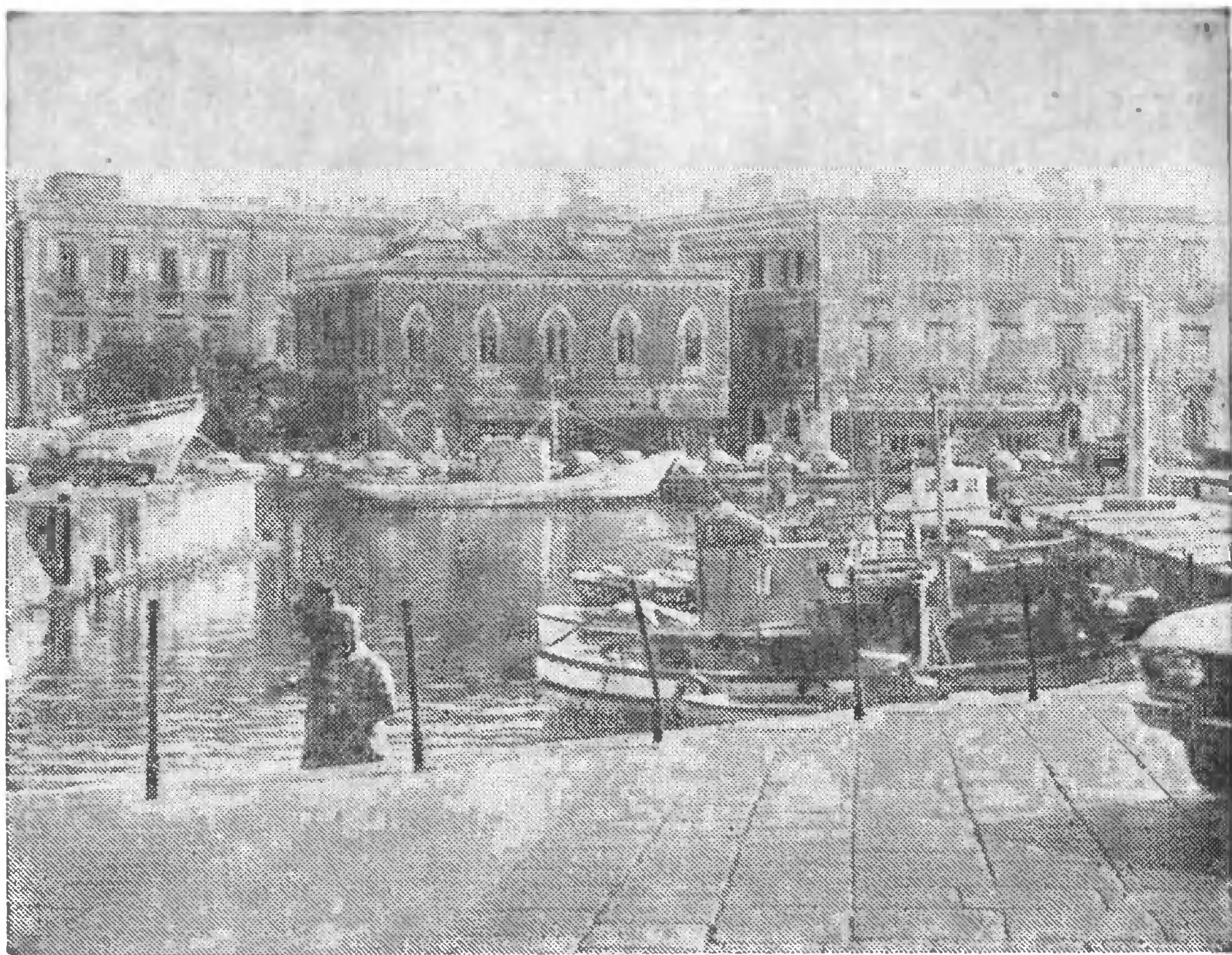
Сицилию мы увидали после материковой Италии. Вопреки ожиданиям, нам не пришлось выискивать, чем они отличаются друг от друга. Отличия сами бросались в глаза. Первое из них — особый песочный цвет сицилийской почвы (далеко не всегда песчаной), старинных стен средневековой крепости г. Сиракузы, в порт которого мы вошли, стен домов и чуть ли не самого воздуха над ними. Этот цвет — не какой-то визуальный эффект, порождаемый слепящим солнцем и фоном густой синевы моря. По крайней мере, дома и крепостные стены при ближайшем рассмотрении — такие же, как и издали. Создается впечатление, словно солнечные лучи, тысячелетиями выжигавшие землю Сицилии, как бы материализовались и своего рода плотной оболочкой навечно залили все незатененные места сицилийского пейзажа. Снега здесь не бывает, самая холодная температура года $+12^{\circ}$.

Мы едем из южного, Большого порта города по улице Мальты (судьбы Мальты и Сицилии долгое время были связаны), минуем остающуюся слева и тесно забитую лодками всех калибров гавань восточного, Малого порта и по мосту Умберто въезжаем в самую старую часть города, расположенную на о-ве Ортиджа. Сюда, по сведениям Фукидида, приплыли в 734 г. до н. э. греки из Коринфа и, изгнав местных жителей — сикулов,

основали свою колонию. Сиракузы поэтому вошли в историю как древнегреческий город, игравший в античную эпоху выдающуюся роль в западном Средиземноморье. Здесь сохранились остатки древнего храма Аполлона и Артемиды VI в. до н. э. (ныне они в углублении, метра на два ниже уровня современного города) и храма Афины Паллады V в. до н. э. (от него остались лишь шесть дорических колонн), названного в местных путеводителях — по установленному в Италии пиитету ко всему древнеримскому — храмом Минервы (соответствовавшей у римлян Афине древних греков).

С эпохой греческой гегемонии в Сиракузах связано, пожалуй, большинство памятных мест. Примерно через 200 лет после основания города его жители владели большей частью Сицилии, успешно отбивая атаки периодически высаживавшихся на острове карфагенян и местных племен сикулов, часть которых грекам удалось ассимилировать. Сиракузские тираны вели активную завоевательную политику. Сицилия при них стала наиболее экономически мощной частью эллинского мира, снабжая железом, серебром, медью, зерном, оливками, виноградом, фруктами все греческие государства. В 413 г. до н. э. сиракузцы разгромили военную экспедицию Афинской морской державы, а в III в. до н. э. тиран Агафокл вел войну с Карфагеном в Африке.

Нам показали «Латомию рая». Это большой сад в гигантской пропасти. В древности эта пропасть (очевидно, искусственно вырубленная: «латоме» по-гречески значит «вырубать») была покрыта крышей и служила местом заключения, где умерли тысячи пленных афинян. Но умерли не все: сиракузцы отпустили на родину тех, кто... знал наизусть стихи величайшего поэта того времени Еврипида. Вернувшиеся в Афины пленники не знали, как благодарить 67-летнего поэта. Этот эпизод, при всей его странности, был одним из свидетельств высокой эстетской рафинированности культуры Сиракуз. Достаточно напомнить, что примерно за полвека до этого при дворе сиракузского тирана Гиерона жили знаменитый лирический поэт Пиндар, великий трагик Эсхил и другие крупные писатели. До наших дней в Сиракузах сохранился один из древнейших театров (V в. до н. э.), выстроенный недалеко от «Латомии рая». Он и сейчас вполне пригоден для представлений,

Сиракузы. Порт

но только вечером, так как яркое солнце придает полукруглой орхестре и отлого поднимающимся от нее рядам для зрителей нестерпимо слепящий блеск.

Самая большая набережная Сиракуз именуется Ривьерой (т. е. берегом) Дионисия Великого. Этот «архонт Сицилии», как называли его в Афинах, 40 лет правил в Сиракузах, вел самую большую войну с Карфагеном (с которым все-таки вынужден был поделить остров), владел югом Италии, господствовал со своим флотом на всем Средиземном море, покровительствовал философии и искусству, да и сам пытался сочинять трагедии. В западной части Сиракуз до сих пор сохранились остатки возведенных им укреплений («Стена Дионисия»), а в «Латомии рая» гигантский (длиной 65 м) грот в форме треугольника со звучным эхом назван «Ухо Дионисия». Имя «архонта Сицилии», как и других знаменитых греков античности (например, Демосфена), нередко встречается и в других названиях в Сиракузах и вообще на Сицилии.

Что касается связей с Востоком, то они в древности не ограничивались лишь войнами с Карфагеном и участием в общегреческой торговле с Египтом и Финикией. По данным итальянского историка Антонио Скандуры, одно из местных племен — сиканы — вело свое происхождение из Африки. Частично смешавшись с греками, сиканы приняли участие в колонизации африканского побережья, в частности в основании сицилийцами колонии Триполи во II в. до н. э. Подобный симбиоз был типичен для эпохи эллинизма.

Выдающимся поэтом-лириком эпохи эллинизма был сицилиец Феокрит, который, потерпев неудачу в Сиракузах (здесь ему не удалось получить место при дворе), переехал в Александрию, где и стал лучшим поэтом так называемой александрийской школы, прославляя в стихах греко-египетского царя Птолемея II. Пасторально-любовные идиллии Феокрита — высокие образцы поэзии своего времени. Ныне, спустя более двух тысяч лет, Сиракузы отдали должное Феокриту, назвав его именем одну из своих улиц.

Почти в центре о-ва Ортиджа, в самом высоком его месте, расположена красивая площадь с круглым фонтаном, украшенным скульптурами. Это площадь Архимеда. Великий ученый и изобретатель был уроженцем и гражданином Сиракуз, много сделавшим для обороны родного города от осадившей его римской армии. Открытые Архимедом законы механики, разработанные им основы гидростатики, геометрии и тригонометрии стали достоянием всего эллинистического мира, в том числе эллинистических государств Востока. Известно, что Архимед некоторое время работал также в Александрии и изобрел так называемый архимедов винт — водоподъемный механизм для орошения полей, применявшийся впоследствии египетскими земледельцами.

К сожалению, родной город Архимеда явно недостаточно отдает долг памяти своему великому гражданину, оказавшему такое огромное воздействие на развитие всей мировой науки. Могила Архимеда (да и то предполагаемая, ибо точно не установлено, где похоронен ученый, погибший при взятии Сиракуз римлянами) — это довольно бесформенное нагромождение каменных глыб, мимо которого нас провезли на полной скорости, даже не остановившись и лишь ограничившись простым

упоминанием о нем наряду с прочими мелькнувшими мимо достопримечательностями не первого класса, вроде современного спортивного комплекса и какой-то не самой важной очередной «латомии» (их здесь несколько).

Период римского владычества на Сицилии был черным временем для Сиракуз, подвергшихся разгрому. Эксцессы местных римских правителей вызывали осуждение даже в Риме, где разрушение Сиракуз страстно обличал Цицерон. Только почти через 250 лет римского владычества Сиракузы были восстановлены, но теперь уже в качестве римского города. От эпохи императорского Рима в Сиракузах остались архитектурный комплекс гимназиума с невысоким амфитеатром, портик и три гранитные колонны на площади Форо Сиракузано, а также римский цирк, расположенный недалеко от греческого театра и напоминающий его ухудшенную копию с вскрывшимися от времени подземными ходами. Вообще же культура древнего Рима в Сиракузах укоренилась сравнительно слабо: во времена императора Августа здесь чеканились монеты с греческими надписями и даже во II в. местное население говорило не столько на латыни, сколько на греческом и пуническом языках.

К римскому периоду относится ряд раннехристианских легенд. Конечно, и здесь три дня пробыл, направляясь в Рим, апостол Павел (поскольку до этого мы узнали, что он регулярно высаживался, терпя кораблекрушения, и на Кипре, и на Крите, и на Мальте, то в Сиракузах это уже удивления не вызывало), обративший язычников в истинную веру. Здесь же чтится Санта Лючия. В Сиракузах мы узнали наконец, кто она такая (в Неаполе, где есть и квартал и улица Санта Лючии, о ней самой нам ничего не сказали). Это была девушка из Сиракуз, одна из первых христианок в городе, ослепленная во время гонений на христиан при римском императоре Диоклетиане. В 304 г. она была канонизирована как святая мученица.

...Мы стоим перед собором, который в 640 г. был возведен на месте прежнего храма Минервы. Колонны храма искусно включены в архитектурный ансамбль собора. Наш гид Франко спешит ознакомить нас со всеми превратностями судьбы этого храма: сначала он по-

свящался Афине, потом пострадал от землетрясений, затем был превращен в церковь, разрушенную арабами и вновь отстроенную в романском стиле при норманнских завоевателях. Ныне в церкви — мощи первых христиан, извлеченные из катакомб, алтарь в стиле барокко с латинской надписью над ним: «В честь славной девы Марии» (собор посвящен ей). Интерес представляет именно сочетание элементов разных эпох в архитектуре собора. Внутри него есть также часовня Санта Лючии. Когда-то здесь была и ее гробница, которую византийцы, господствовавшие на Сицилии в VI—IX вв., вывезли в Константинополь. После захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. венецианцы, в свою очередь, увезли оттуда гробницу Санта Лючии в Венецию, где она сейчас и находится.

Переехав с о-ва Ортиджа в основную часть города, направляемся к катакомбам св. Марциана. Камни древних Сиракуз настолько насыщены памятью о минувшем, что почти нет какого-либо места или руин, принадлежащих лишь одной эпохе. В частности, по судьбе бывших храмов Минервы и Аполлона можно проследить всю историю острова в средние века. Храм Аполлона, например, рассказывает Франко, последовательно превращался в византийскую базилику, арабскую мечеть, норманнскую церковь, испанскую казарму. Пример еще более хронологически широкой, буквально через тысячелетия, переклички эпох мы видим, спустившись в катакомбы. Здесь тысячи ниш с захоронениями I—IV вв. И тут же торгует сувенирами сытый, довольный монах с физиономией вполне современного дельца, а на стене рядом с ним — свеженькие плакаты правящей в Италии христианско-демократической партии.

Подходим к руинам церкви Сан-Джованни (иногда и катакомбы называют этим же именем). «Арабы разрушили многие византийские церкви Сицилии, в том числе стоявшую здесь, — говорит Франко. — Пришедшие после них норманны выстроили церковь святого Иоанна, впоследствии разрушенную землетрясением». Видим остатки обветшавших стен, поросших мхом, и сохранившуюся аркаду явно мавританского вида, «Здесь, как и в других церквях, были византийские фрески, но все они уничтожены арабами», — сообщает Франко. Неужели арабы на Сицилии только уничтожа-

ли? «К сожалению, — отвечает гид, — на востоке Сицилии память сохранила лишь это. Но на западе острова, особенно в Палермо, есть фантастически прекрасные памятники арабской архитектуры». Какие же? Франко называет мечети, дворцы, куббы (т. е. куполообразные мавзолеи, встречающиеся главным образом в Магрибе). Очевидно, он несколько преувеличивает, как ранее перебарщивал с арабскими «разрушениями».

Арабы впервые появились на острове в 652 г. Но это была лишь своего рода разведка боем арабской Божьей армии (Джунд Аллах), прибывшей тогда из Сирии. Набеги с моря повторялись впоследствии уже из Африки, особенно с территории Барки (ныне восточная Ливия). В первую очередь от них страдали Сиракузы, подвергшиеся разграблениям в 669, 705 и 740 гг. Но с 827 г. арабы, призванные местным узурпатором Эуфимием, начали систематическое завоевание острова: 11 тыс. воинов во главе с кайруанским кадием Асадом Ибн аль-Фуратом, фанатиком «джихада», приплыли на 85 кораблях и захватили мыс Гранитола, названный ими Рас аль-Биляд («Голова страны»). Отсюда они начали медленное продвижение в глубь острова. В 831 г. арабы взяли Палермо, а к 859 г. фактически завершили завоевание острова, хотя отдельные крепости еще долго оставались в руках византийцев (последняя из них сдалась лишь в 965 г.). Сиракузы, упорно сопротивлявшиеся до 878 г., были взяты штурмом после долгой осады и голода, подвергнуты жестокому разгрому, после которого большинство уцелевших попали в плен.

Очевидно, память о тех событиях и особенно красочно описанные в латинских и греческих хрониках (составлявшихся монахами) «зверства мухаммедан» и «грубых эфиопов» (среди арабских воинов были негры) стали причиной непопулярности арабов, несмотря на все последующие их достижения, в глазах сиракузских христиан. Кроме того, на востоке острова власть арабов всегда была менее прочной. Именно отсюда византийцы предпринимали попытки отвоевать остров, и не всегда безуспешно. В частности, в 1038—1042 гг. арабы были изгнаны из Сиракуз византийским полководцем Георгием Маниакосом, но вскоре опять завладели городом. Об этом эпизоде ныне напоминают тыся-

щиеся на южной оконечности о-ва Ортиджа стены старинного замка Маньяче (Маниакоса).

Пришедшая на Сицилию «Джунд Аллах» была крайне неоднородна: в ее состав входили арабы Востока, берберы, магрибинцы ливийско-пунического происхождения и африканцы. Стычки и противоречия между ними препятствовали как завершению завоевания Сицилии, так и управлению ею (в 80-х годах IX в. на острове вспыхнула арабо-берберская «гражданская война», а воспользовавшиеся ею местные жители восстали против завоевателей). Тем не менее правившие на острове наместники магрибинских эмиров Аглабидов не только справились с внутренними неурядицами, но и использовали Сицилию как плацдарм для завоеваний в Италии. В 837 г. они совершили набег на Неаполь, в 840 г. — на Рим, в 841 г. — на о-в Бари, которым владели 30 лет. Еще раньше они фактически подчинили себе юг Италии, захватив византийские крепости в Апулии и Калабрии. Римский папа вынужден был два года платить арабам дань (после разгрома ими Рима в 846 г.). Опираясь на свои базы в Сицилии, арабский флот вплоть до 1071 г. постоянно нападал на прибрежные области Италии, Франции и Испании, не щадя при этом и мусульманские государства (например, в 956—957 гг. он разграбил Альмерию в Кордовском халифате). Арабский флот в VIII—XI вв. был грозой для южной Европы, так же как флот норманнских викингов — для севера и запада Европы в VII—X вв.

Но на Сицилии в отличие от Кипра и Крита пребывание арабов было отмечено также достижениями в области культуры. При них процветало сельское хозяйство, широко применялось искусственное орошение, внедрялись ранее неизвестные в Европе шелковица, хлопчатник, рис, цитрусовые, сахарный тростник, финиковая пальма. Плодами своих полей, а также строительным лесом для кораблей Сицилия в изобилии снабжала Магриб и торговавшие с ней страны Европы. Торговые колонии сицилийских арабов постоянно проживали в Неаполе, Салерно, Амальфи. Многочисленные сады, реки и фонтаны Сицилии (некоторые «маврританские фонтаны» сохранились до наших дней) воспевались поэтами и путешественниками. Сицилия славилась великолепием и пышностью традиционных му-

сульманских праздников, справлявшихся с особым размахом. Здесь разрабатывали крупнейшие в мусульманском мире месторождения железа, получали нашатырь. Известный багдадский географ X в. Ибн Хаукаль писал: «Я не знал, что на земле есть что-нибудь подобное египетскому папирусу, но сицилийский тростник к нему приближается. Большая часть этого папируса идет на корабельные веревки. Из остальных готовят бумагу для султана». Он же сообщает о богатстве мусульман Палермо и обилии мечетей (до 200) в городе: «По чрезмерной гордости каждый хочет иметь мечеть исключительно для себя и своей семьи». Характерно, что в городе был особый квартал Сакалиба, т. е. славян. Принявшие ислам славяне (как правило, из числа освобожденных арабами византийских рабов и пленников) обычно были воинами, а в арабской Андалусии даже образовали особую династию одного из княжеств.

С 948 г. наместники Фатимидов на Сицилии стали наследственными эмирами из рода Хасана ибн Али аль-Кальби. При них арабская Сицилия достигла вершин расцвета, «воцарилась мир, торговля в городах, возделывание полей в селах, а также наука, архитектура и поэзия». Подъем экономики и культуры, сопоставимый с таковым в арабской Андалусии, сопровождался фактическим отказом от дальнейших завоеваний. «С распространением культуры и городской жизни, — писал академик В. В. Бартольд, — изменилось также отношение к джихаду. Для культурной Сицилии джихад в X в. был тягостной повинностью, от которой все меры старались освободиться. От выполнения этой повинности освобождались лица, избравшие педагогическое поприще, и арабский автор замечает, что по этой причине число педагогов в Сицилии далеко превышало существующую потребность»*. Действительно, Ибн Хаукаль сообщает, что только в Палермо было 300 учителей, над которыми, несмотря на всеобщее уважение к их профессии, подтрунивали, считая их уклоняющимися от военной службы.

На Сицилии шел активный процесс смешения местного (латинизированного и греческого) населения с завоевателями. Если берберы первое время селились в го-

* В. В. Бартольд. Сочинения. Т. VI. М., 1966, с. 401.

рах, держась особняком, то арабские племена с самого начала размещались в районах расселения коренных жителей и общались с ними. Сицилийские христиане становились «мувалладами» (т. е. обращенными в ислам лицами смешанного происхождения) или «мустарибами» (христианами, воспринявшими язык и обычаи арабов).

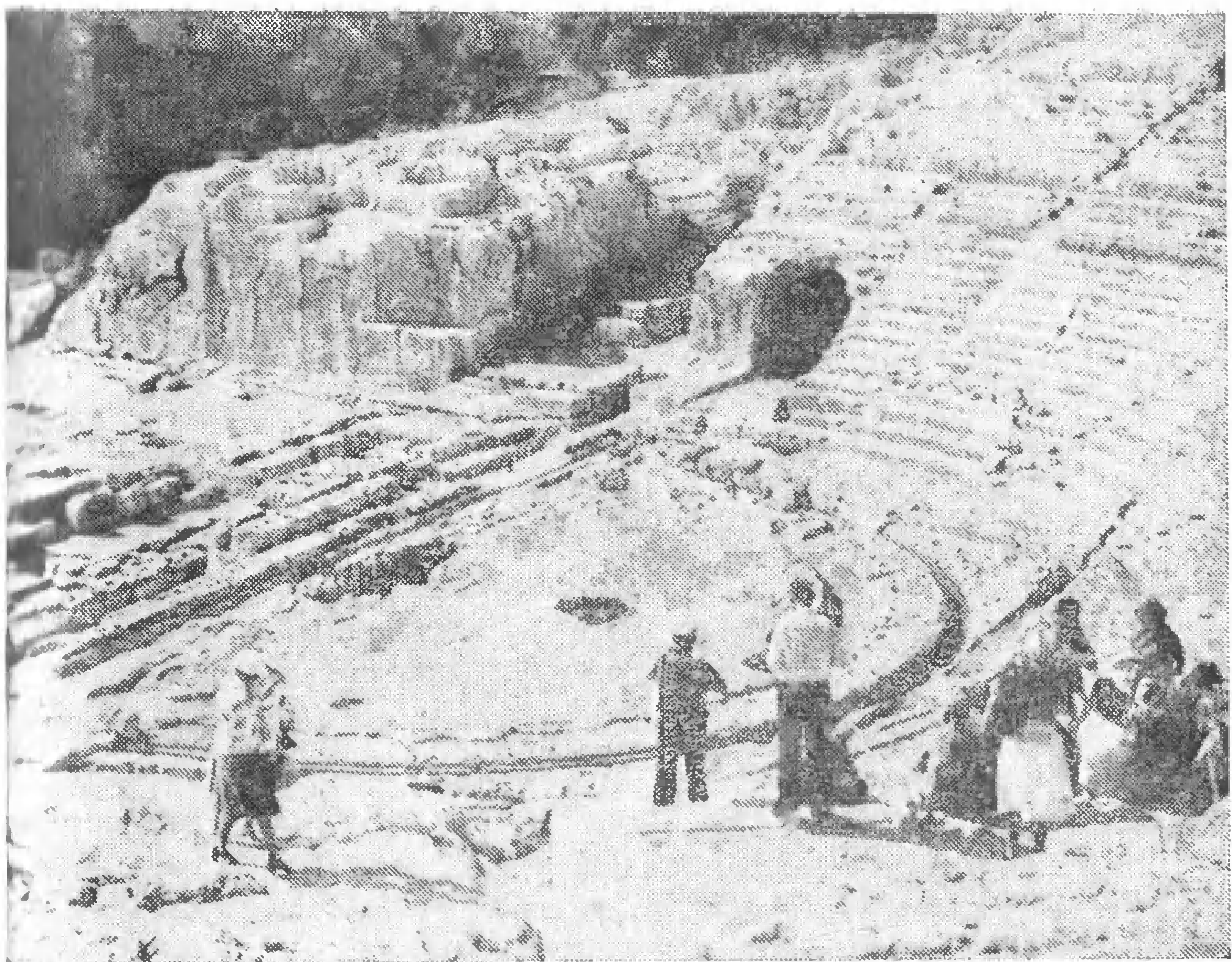
Часть их эмигрировала в Калабрию (прежде всего духовенство и византийские поселенцы), но другая часть христиан (особенно на востоке) упорно сохраняла свои прежние язык и культуру. Под властью арабов они пользовались религиозной независимостью и самоуправлением, платили меньше налогов, чем при византийцах, сохраняли часть своих монастырей и связи с византийским миром (так что, вопреки мнению нашего гида, арабы далеко не всё «разрушили» или «уничтожили»). Но все же большинство на острове составляли, разумеется, мусульмане. В 972 г. их было более 1 млн. человек (ныне на Сицилии около 5 млн.). Интересно, что среди них кроме берберов и арабов, а также обращенных в ислам местных жителей были и пришедшие в свое время в Магриб и ранее арабизировавшиеся в Азии племена из Индии (Айн Синди), Ирана (Бану ат-Табари) и Бухары (Баррани). Они оставили память о себе в названиях селений: Даниссини (от первоначального Дар Синди — «дом уроженца Синда»), Буккери (от Буххари — «бухарский»), а также и в современном словечке «табарану» — «глупец». То же можно сказать и об арабских племенах Хигази (Хиджази), Кайс и Гаут (Джаут), которые оставили след в наименованиях Гацци, Каос и Джато. Соответственно берберские племена Андара, Кутама и Санхаджа ныне напоминают о себе названиями Андрани, Кутамия и Санаджия.

Арабские корни звучат в названиях и многих других мест Сицилии. Только в окрестностях Сиракуз, если взглянуть на дорожные указатели, надписи на автобусах и туристические проспекты, можно прочитать: Кассаро («каспр» — «замок»), Мелилли («малила» — «уоставшая»), Бушеми («абу шами» — букв. «отец сирийца»), Марцамемми («марс амами» — «передний», т. е. «выдвинутый в море», «порт»). Есть здесь и долина Сан-Мауро (св. Мавра). На западе таких наимено-

ваний еще больше. Итальянский востоковед Микеле Амари считает, что ныне на Сицилии арабское происхождение имеют 328 названий населенных пунктов (включая города), в свое время основанных или заселенных мусульманами.

В 1040 г. династия аль-Кальби пала в ходе междоусобной борьбы арабских правителей Магриба и Сицилии, после чего остров разделился на мелкие княжества, враждовавшие друг с другом. В ходе этой вражды эмир Сиракуз Ибн ат-Тимна, поспорив из-за Катании с Ибн аль-Хаввасом, эмиром Джирдженти (так арабы называли Агригентум, и это название употреблялось до 1927 г.), пригласил на Сицилию норманнов. Предводители норманнов обосновались на юге Италии с 1016 г., когда впервые помогли герцогу Салерно избавиться от осаждавших его арабов. В 1038 г. среди них выдвинулись Роберт Гюискар (Хитрец) и его братья — знаменитые 12 сыновей Танкреда де Отвиля, мелкого феодала из Нормандии, легко переходившие от службы герцогу Салерно на службу к византийскому императору. Они приняли участие в походах византийцев Маниакоса на Сицилию, и в одной из битв старший из братьев, Вильгельм Железная Рука, прославился тем, что проткнул копьем мусульманского военачальника Сиракуз — силача, внушавшего всем страх. Затем братья воевали с византийцами, и с местными феодалами, и с римским папой, которого взяли в плен в 1053 г. и получили от него в лен весь юг Италии и тогда еще арабскую Сицилию.

В 1059 г. Роберт Гюискар стал именовать себя «милостью Бога и святого Петра герцогом Апулии и Калабрии и с их помощью — в будущем — и Сицилии». Для реализации этого будущего Роберт направил на Сицилию своего брата Рожера, захватившего в 1061 г. Мессину. Дальнейшее продвижение задержалось из-за гибели в 1062 г. союзника норманнов Ибн ат-Тимны (будучи из рода аль-Кальби, он пользовался авторитетом и претендовал на управление всем островом) и ссоры между братьями. Однако отсутствие единства между давно утратившими боевой пыл мусульманскими эмирами, всесторонняя поддержка местных христиан и военная сила норманнов постепенно сделали свое дело: в 1072 г. норманны захватили Палермо, в 1086 г. —

Знаменитый древнегреческий театр V в. до н. э. в Сиракузах

Сиракузы. Последний важный пункт — Ното — был взят ими в 1091 г.

Фактически завоевание Сицилии было одной из первых попыток папского Рима начать крестовые походы. Вместе с тем и с арабской стороны многие склонны были придать этой войне непримиримо религиозный характер.

Не дожидаясь окончательного завоевания норманнами острова, покинул родной дом в Ното в 1079 г. 24-летний Ибн Хамдис, один из крупнейших и талантливейших арабоязычных поэтов XI—XII вв. Происходя из христианской в прошлом (и, очевидно, европейской по этнической принадлежности) семьи, Ибн Хамдис был ревностным поборником ислама и арабской культуры, горячим «арабо-сицилийским» патриотом. Все оставшиеся 53 года своей жизни он провел на чужбине (в арабской Андалусии, на о-ве Майорка и в Магрибе), по всюду неизменно воспевал красоту родного острова и призывал к его освобождению. Это было лейтмотивом

его творчества — и лирической поэзии, и классических панегириков приютившим его правителям, и даже эротических стихов. Ностальгия по Сицилии и родному дому в Ното (хотя родился он, по некоторым данным, в Сиракузах), плач об «изгнании из рая», «тоска в душе воспоминаний» были воплощены Ибн Хамдисом с исключительной силой и искренностью, выделявшей его из круга других гедонистов в арабской поэзии того времени. Радость жизни для него — в победах мусульман (особенно славил он арабо-сицилийского полководца Аббада) и в красоте Сицилии, где девушки — самые прекрасные, вино — самое лучшее, а поля — самые цветущие. При этом Ибн Хамдис, к старости ослепший (от плача по Сицилии, как уверяли его арабские биографы), не ограничивался элегическими мотивами, не уставая призывать к борьбе за возвращение Сицилии в лоно арабского мира.

Одной из причин безрезультатности всех этих призывов, несмотря на весь талант и страстную непримиримость их автора, была политика норманнов на острове. За 30 лет завоевания, сопровождавшегося насилиями и разрушениями, Сицилию покинула, переехав в Египет и Магриб, значительная часть образованных горожан-арабов. Однако основная часть арабского населения осталась на острове. Некоторые племена (аль-Кураши, Бану Хаммуд) даже помогали норманнам и впоследствии приняли христианство. Начался обратный процесс деисламизации местных жителей и массовый переход в христианство как обращенных в ислам за 200 с лишним лет арабского господства, так и арабо-берберов по происхождению. Этому способствовала замедленность процесса деарабизации: арабский язык (в том числе в официальных документах) сохранялся наряду с восстановленными в правах латинским и греческим, не были тронуты многие обычаи и даже учреждения арабов.

Правивший Сицилией до 1101 г. граф Рожер в отличие от своего сюзерена Роберта Гюискара в Италии не спешил вводить феодальные порядки (хотя в деревнях многие мусульмане были превращены в крепостных), подражал арабским правителям в религиозной терпимости, назначил многих арабов на военные и административные должности, а арабским торговцам и

ремесленникам оставил в городах их особые кварталы с мечетями и кадиями. Он же поддерживал православную церковь (формально будучи католиком) и основал 14 греческих монастырей, чем привлек на остров многих греков из разных стран Средиземноморья. Такая политика, продолженная преемниками Рожера, положила начало созданию на Сицилии замечательной синкретической культуры, объединившей достижения арабской и византийской цивилизации, намного превосходивших в то время культуру Европы.

Особого расцвета норманнское государство достигло при Рожере II, сыне Рожера I, правившем Сицилией в 1112—1154 гг. и сделавшем ее центром созданного им королевства, включавшего Сицилию, южную Италию с Неаполем и ряд других территорий, в том числе часть Магриба от Триполи до Туниса. В своей армии Рожер использовал арабские войска и арабских инженеров. Его флотом, одно время штурмовавшим Константинополь, командовал «великий эмир эмиров» (амир аль-умара, отсюда — адмирал) Георгий Антиохийский, сирийский христианин, ранее служивший магрибским эмирам Зиридам, но потом передавший «в распоряжение короля свое глубокое знание арабского языка и африканского побережья». Во флоте Рожера II служил и бербер Юсуф, впоследствии вернувшийся в Магриб и ставший адмиралом у альмоходского халифа Абу Якуба, флот которого был самым сильным в Средиземноморье в конце XII в.

Король Рожер был прозван церковниками Язычником за его любовь ко всему арабскому. Он воспитывался арабскими учителями и с детства знал арабский язык. Королевская мантия Рожера при коронации была украшена арабскими письменами и датой хиджры (мусульманского летосчисления) его официального восшествия на трон. При нем и всех его преемниках блеск королевского двора славили арабские поэты-панегиристы, имели хождение монеты с арабскими надписями, датами хиджры и даже мусульманскими религиозными формулами. Многие христиане продолжали одеваться и говорить по-арабски, а переписка между ними нередко тоже велась на этом языке. Даже греческие или латинские стихи христианских гимнов нередко записывали арабскими буквами (одну такую запись впослед-

ствии обнаружили на стене церкви в Палермо и приняли сначала за текст из Корана).

При дворе Рожера жил великий арабский географ и путешественник Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед аль-Идриси. Лично хорошо ознакомившись с Западной Европой, Магрибом и Малой Азией, аль-Идриси на основе своих впечатлений, а также трудов арабских историков и географов, рассказов моряков, торговцев, пилигримов и лиц, специально направлявшихся королем для изучения разных государств, создал в 1153 г. свое знаменитое «Развлечение истомленного в странствии по областям», называемое также из-за его посвящения королю «Китаб ар-Руджар», т. е. «Книга Рожера». Это был фактически самый достоверный для своего времени свод географических, а также историко-экономических и других сведений о Европе, Азии и Африке. Огромную ценность этого свода составляли 70 карт, наиболее точно воспроизводившие картину известного тогда арабам и европейцам мира. Хотя в то время господствовало представление, что земля плоская, аль-Идриси описал ее как шарообразную. На одной из его карт впервые показаны истоки Нила, впоследствии определенные только в XIX в. И хотя в конце жизни аль-Идриси вернулся на родину, в Магриб, труд его, долгие века сохранявший свою ценность и для христиан, и для мусульман, навсегда остался не только важным источником по истории и географии достаточно подробно описанных им стран, но и памятником оригинальной смешанной культуры Сицилии. Вполне закономерно, что сочинение аль-Идриси было написано здесь, на центральном острове Средиземноморья, средоточии торговли, мореплавания и взаимной информации выходцев из разных земель, народов и религий.

«Мы говорим, — писал аль-Идриси в своем труде, — что остров Сицилия — это жемчужина века по своей красоте и плодородию почвы, первая страна в мире по обилию даров природы, по числу жителей и по давности ее цивилизации. Туда приходят путешественники и купцы из всех стран, из столиц и провинций, и все в один голос хвалят этот остров, признают его высокое значение, любят его блестящей красотой, говорят о тех счастливых условиях, в которых он находится, о различных преимуществах, которые выпали на его до-

лю, и о богатствах других стран мира, которые привлекает к себе Сицилия». Особенно интересно писал аль-Идриси о Сиракузах, процветавших в отличие от древнеримского периода и при арабах, и при норманнах: «Сиракузы по числу и богатству рынков, по обширным своим кварталам, дворцам, баням, великолепным постройкам и большим площадям стоят наравне с лучшими городами в мире. К ним принадлежит большая и широкая местность с мызами, маленькими деревнями, богатыми поместьями и превосходными полями. Из этой области во все земли и страны на кораблях вывозят хлеб с другими дарами земли. Садов и фруктов там невероятное количество».

В конце XII в. проезжавший через Сицилию валенсийский мавр Ибн Джубайр с восторгом описывал цветущие города острова (правда, добавляя после описания каждого города фразу «Да возвратит его Аллах мусульманам!»), отмечал большое число мусульман и в селах, и в городах, «каковы, например, Сиракузы», а также сходство городов Сицилии с арабскими городами (например, Палермо с Кордовой). Он же сообщал, что норманнский король Вильгельм II (внук Рожера Язычника) «питает большое доверие к мусульманам и полагается на них даже в самых важных делах», из окружающей его мусульманской свиты набирает «визирей, камергеров, а также государственных и придворных чиновников», подражает арабским правительствам в «законодательстве, распределении по рангам подданных, в королевской роскоши и во всем блеске своего двора». Этот король читал и писал по-арабски, избрал своим девизом изречение «Хвала Аллаху и праведна его похвала», допускал не только тайное, но и явное исповедание ислама своими арабскими сановниками.

Норманнские правители возвели сохранившиеся до наших дней дворцы Куба и Зиза в Палермо по всем канонам мавританской архитектуры. Эти дворцы имеют сходство в плане залов и внутренних двориков, в лепке и форме украшений колонн (вплоть до надписей «Во имя Аллаха»), арок и куполов, даже в использованном материале (мраморе и его заменителях) и характере элементов (ниш, сталактитов, сюжетов орнамента) с дворцами магрибских эмиров Зиридов (в Ашире) и Хаммадидов (в Калаа Бени Хаммад). Точно так же

в архитектуре возводившихся в то время соборов, тем более тех, что перестраивались из бывших мечетей, современные исследователи (например, алжирец Рашид Буруиба) без труда определяют черты сходства с архитектурой главных мечетей Магриба, в частности городов Тлемсена и Кайруана.

В эпоху норманнов христианские храмы часто строили архитекторы-арабы не только в арабском стиле (обычно в сочетании с типично византийскими золотыми мозаиками и резьбой по цветному мрамору) со всеми элементами и характерными приемами мавританского зодчества Магриба и мусульманской Андалусии, но даже с арабскими куфическими надписями вокруг изображений христианских святых. Впрочем, в то время встречались и более удивительные примеры арабского влияния на Европу: в XI в. в Кастилии во времена реконкисты имела хождение монета с арабскими надписями, где король Альфонс именовался «эмиром католиков», а римский папа — «имамом церкви Христа».

Арабские надписи (или их стилизация), долго считавшиеся в европейском Средиземноморье неотъемлемым атрибутом самого высокого изобразительного искусства (как и изображения любых восточных персонажей, особенно библейских, в арабских тюрбанах), встречаются на полотнах всемирно известных итальянских художников XIII—XV вв., в частности Джотто, Фра Анджелико, Фра Филиппо.

Сицилия при норманнах продолжала оставаться очагом воздействия арабской культуры на южную Европу. Здесь пользовались для письма бумагой в XI в. (в Германии и Италии ее научились делать только в XIV в.). Норманны быстро переняли у арабов все, что касалось военной техники, в первую очередь осадных средств, а также мореплавания, в том числе и треугольный парус, позволявший плыть против ветра и неверно названный впоследствии латинским. Передавались и достижения в области духовной культуры. Отсюда, как и из Андалусии, трубадуры и менестрели черпали сюжеты своих легенд, привозили мелодии, музыкальные темы и даже инструменты. До наших дней арабское влияние ощущается в испанских мелодиях и музыке европейских цыган, в народных песнях Мальты, Сицилии и Сарди-

нии. Мальтийский музыковед Чарлз Камиллери считает, что многие формы европейской музыки имеют в конечном счете арабское происхождение, а музыка южной Европы до сих пор испытывает влияние арабо-берберских мелодий и ритмов, не имеющих гармонии. Существуют и другие мнения, например о наличии в арабской музыке гармонии и системы ладов, отличных от европейских.

Замена власти норманнов в 1194 г. правлением швабской династии Гогенштауфенов мало что изменила. Особенно процветала арабская культура при короле Фридрихе (1215—1250). К этому времени большинство арабов Сицилии уже смешались с местными жителями, но многие еще сохраняли свой язык и религию. Даже арабы Джирдженти, выселенные Фридрихом за мятеж 1224 г. в Лучеру (Апулия), на новом месте и через 40 лет еще строго выполняли все предписания ислама, в частности о пятикратной ежедневной молитве. Однако после 1249 г. официальные документы на арабском языке более не составлялись, а разговорный арабский язык на Сицилии исчез в начале XIV в. (сохранившись до XVIII в. на близлежащем итальянском острове Пантеллерия).

Королю Фридриху, несколько раз отлучавшемуся от церкви, приписывали свободомыслие в духе великого арабского философа XII в. Ибн Рушда (Аверроэса), атеизм и арабофильство, выражавшиеся в покровительстве арабским ученым и философам, арабским обычаям и даже костюмам. При его дворе был культ арабской поэзии, музыки и танцев. По поручению Фридриха много переводов с арабского на латынь (трудов Аристотеля, Ибн Рушда, Ибн Сины) сделал известный в то время ученый Майкл Скотт. Фридриха за почти «кордовские» изысканность и роскошь двора сравнивали с его дедом — первым сицилийским королем Рожером. Обоих называли «крещеными султанами Сицилии».

Судя по всему, арабское влияние при Гогенштауфенах на Сицилии было сильнее, чем это принято считать. Возможно, оно отразилось и в том, как называли сторонников этой династии по всему Апеннинскому полуострову. В частности, не выяснено до конца происхождение термина «гибеллины», применявшегося по отношению к Гогенштауфенам и их приверженцам в Ита-

лии. Вряд ли он происходит от «Вейблинген» (родовой замок Гогенштауфенов в Швабии), как почему-то принято считать. Вернее было бы предположить, что слово «гибеллины» образовалось от арабо-итальянского «джибеллини», т. е. «горные», «люди гор», так как Гогенштауфены владели Сицилией, где в горах было множество замков и крепостей. В названиях же сицилийских гор преобладал арабский корень «джебель» или «джибиль» («гора»), например, Джибиллина («горянка»), Джибильроса («Розовая гора») и т. п. Самая высокая гора Сицилии — Этна — тогда называлась Монджибелло, т. е. Гора гор, на характерной тогда латино-арабской смеси языков.

В конце XIII в. наступает закат арабской культуры на Сицилии. Лишь некоторые из правителей (например, король Карл Анжуйский) интересуются переводами арабских трактатов по медицине и астрологии. Окончательно латинизируются названия мест. Самые ранние примеры этого — Луката (от «Айн аль-Аукат», т. е. «Глаз времен»), Калатубо (от «Калаат Айюби», т. е. «Замок Иова»), Кальтаниссета (от «Калаат ан-Ниса», т. е. «Замок женщин») — сообщал еще аль-Идриси. Но в целом, несмотря на стремления сменявших друг друга в течение почти шести последующих столетий иностранных властителей Сицилии (французов, арагонцев, австрийцев, савойцев, испанцев) искоренить все арабское, следы арабского влияния на острове сохранились до наших дней и в замечательных памятниках архитектуры, и в музыкальном фольклоре, и в топонимике, и в народной речи. В разговорных диалектах Сицилии — сотни арабских и греческих слов (греческий язык бытовал здесь до XVIII в.), утверждает профессор Лондонского университета Фрэнсис Гуэрчио, сицилиец по происхождению. В своей книге «Сицилия — сад Средиземноморья» он приводит около 40 употребляемых сицилийцами слов арабского происхождения, например «тальяри» («смотреть»), «джуммара» («пальма»), «джарра» («водонапорная башня»), «дзубба» («кафтан», теперь — «куртка»), «мескину» («бедный») и т. п. Об этом же пишет профессор университета Катании Санти Корренти, приводящий и другие примеры («дда» — «который», «фуннаку» — «гостиница», «джеббия» — «бассейн» и др.). Кстати, называя свой остров цветком,

сицилийцы также употребляют арабское по происхождению слово «загара».

Превращение Сицилии в XIV—XIX вв. в отсталую провинцию Арагона, потом Испании Габсбургов и Неаполитанского королевства Бурбонов (экзотически именовавшегося королевством Обеих Сицилий), упадок культуры и производительных сил привели к замедлению темпов развития местного общества, к консервации феодализма в самой худшей форме, к применению жесточайших форм классовой борьбы. При всевластии местных баронов для крестьян Сицилии всегда существовала дилемма: терпеть почти рабское состояние или уходить в горы и становиться мстителем, в глазах властей — «бандитом». Отсюда, от народной антифеодальной основы подобной формы протеста, и родилось на Сицилии несколько особое сочувственно-уважительное отношение к понятию «бандит». Даже обозначающее его слово «мафиусу» всегда имело и второе значение — «хороший», «приятный», «достойный гордости». Это не столько грабитель, сколько «благородный разбойник» и антипомещичий партизан. Для борьбы с такими людьми бароны всегда вооружали своих прислужников и нанимали настоящих бандитов, в том числе из неимущих бедняков, у которых не было выбора. Так в виде наемных помещичьих дружин и возникла своего рода сицилийская «черная сотня», называемая здесь мафией (по-итальянски «маффия» — «бедность», «нищета»)*.

В подобной борьбе неизбежно должны были сложиться традиции клановости, скрытых ударов, таинственности, зерна которых могли быть посеяны на ост-

* Проф. Гуэрчио считает, однако, что, хотя мафия возникла во времена Бурбонов, т. е. XVIII в., само это сицилийское слово («маффие») арабского происхождения и обозначало каменоломни туфа близ Трапани, где прятались сицилийские заговорщики прошлого века, помогавшие Гарибальди. Независимо от этого предположения возможно, что само слово «маффия» в его значении «нищета» тоже арабского происхождения, так как в большинстве арабских диалектов слово «мафи» (теперь обычно «мафиш») означает отсутствие чего-либо. Проф. Корренти полагает, что это слово в значении «неведение», «таинственность», очевидно, арабского происхождения. К тому же он подчеркивает, что мафия всегда была сильна на западе острова (где большинство населения долго составляли потомки арабов), возникла будто бы еще при норманнах и представляла собой при испанском правлении «род секретного народного трибунала угнетенных бедняков».

рове еще в арабский период ввиду наличия среди пришельцев из Магриба сектантов различных толков, нередко скрывавших свою принадлежность к той или иной секте либо направлению в исламе (хариджитов, шиитов и пр.). Закреплению подобных традиций должны были способствовать нередкие смены господствующей религии, преследования на этой почве в IX—XIV вв. (исключение — лишь норманнский период), выработавшиеся в связи с этим фанатизм и подозрительность, особенно острое отчуждение между народом и господствующим классом, постоянно формировавшимся из иноземцев с более значительным, чем в самой Италии, удельным весом греческих, арабских, скандинавских (норманнских), германских (швабских и австрийских), а также испанских (особенно каталонских) элементов. Должны были тому способствовать и долго сохранявшиеся отношения недоверия между разными по происхождению группами населения (потомками греков, пунийцев, римлян, византийцев, арабов, норманнов, швабов, испанцев и др.), различия между которыми в силу замедленности развития сицилийского общества сохранялись дольше, чем в остальной Италии. Например, в период арагонского правления были весьма сильны противоречия между «латинской» знатью (из Италии и местных сицилийцев) и пришлым каталонским дворянством. Очевидно, весь этот груз традиций не самого лучшего свойства и породил пресловутую «омерта» (т. е. введенный мафией закон полного, под угрозой смерти, молчания о всех ее действиях).

Исторически сложившиеся культурные, социальные и психологические особенности населения Сицилии в сочетании с вопиющим неравенством в уровне экономического развития между севером и югом Италии и поныне составляют один из важнейших факторов так называемого южного вопроса в Италии. Специфика Сицилии — реальный факт. Вполне официально говорят не просто о сицилийцах, а о сицилийском народе и даже сицилийской нации. Книга упоминавшегося выше Корренти так и называется — «История Сицилии как история сицилийского народа». За этим народом признается этническая, в том числе языковая, фольклорная и иная самобытность. Изображения эмблемы этой самобытности, «карретто», — двухколесной тачки, сплошь сле-

пяще цветастой и ярко расписанной по бортам сценами из средневековой жизни Сицилии, — всюду бросаются здесь в глаза: на афишах, суперобложках, красочных туристических открытках, в витринах магазинов.

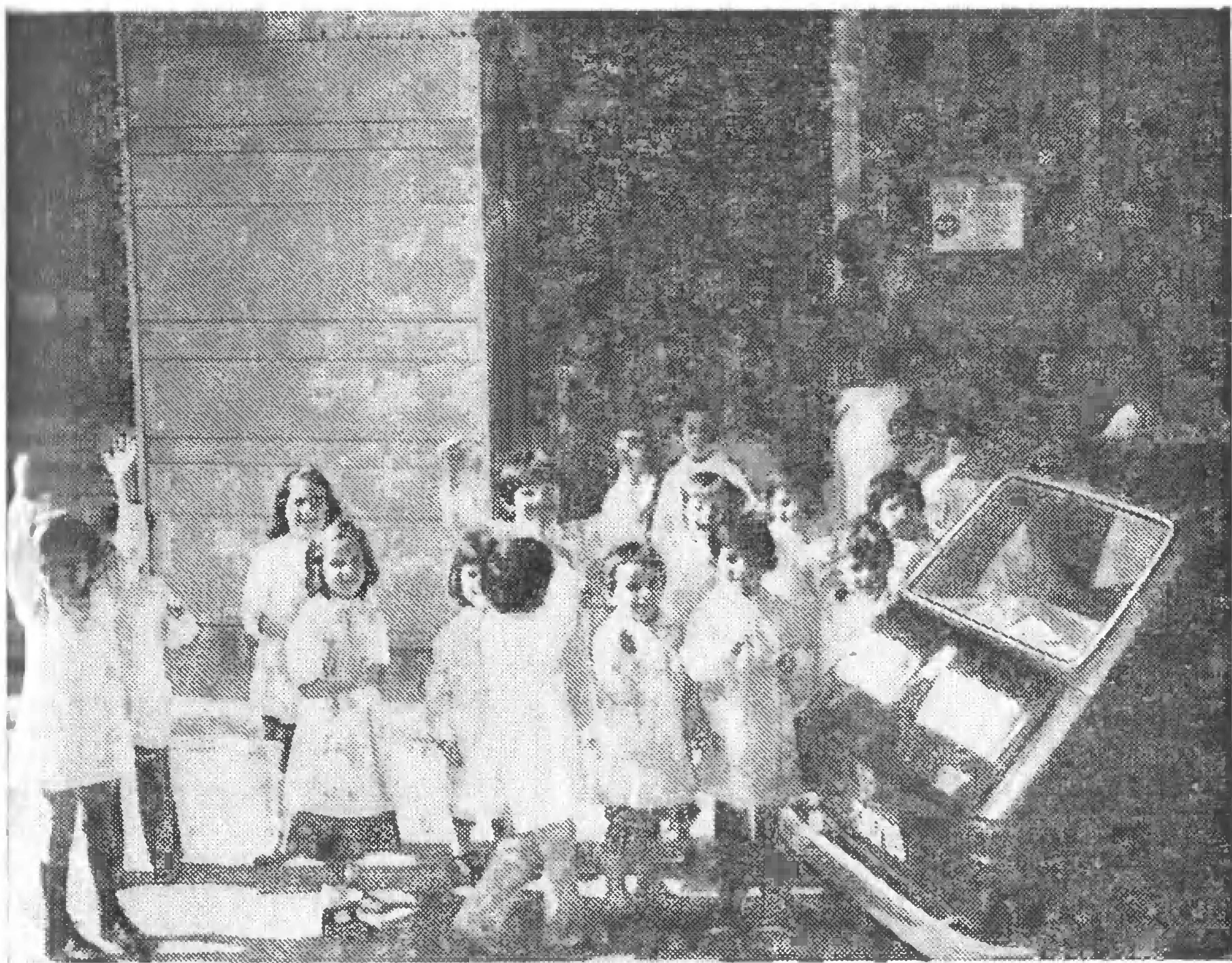
Обо всем этом мы или читали, или слышали, или были заранее предупреждены. Поэтому, оказавшись на земле Сицилии, мы жадно искали «сицилианство» во всем и всюду. Однако иностранцу, да еще за короткое время, увидеть его приметы довольно трудно.

Сами сицилийцы говорят, что их остров «наименее островной из островов», так как он всегда был открыт вторжениям и влияниям извне и выполнял роль своего рода проходного двора Средиземноморья, почти не имея возможности замкнуться в себе. Здесь распространено представление о том, что в приморских районах Сицилии преобладают главным образом потомки заморских пришельцев, а во внутренних областях — оставшийся неизменным в течение тысячелетий тип сицилийца — невысокого круглоголового брюнета. Однако на улицах Сиракуз можно встретить и высоких блондинов (потомков норманнов, согласно приведенной выше точке зрения), и вообще людей самой разной внешности, ничуть не отличающихся в основной своей массе от жителей, допустим, центра Италии. Нет на Сицилии, во всяком случае в Сиракузах, и преобладания какого-то определенного типа (как, например, на Мальте), хотя историки и уверяют, что основу населения Сиракуз и вообще восточной Сицилии составляют потомки греков. Во всяком случае, неаполитанцы, в массе своей черноглазые и черноволосые, выглядят однороднее, нежели сицилийцы, представляющие более сложное смешение этнических и антропологических типов. Невольно вспоминается, что некоторые сицилийцы считают Сицилию «скорее дополнением Италии, чем ее частью». И это несмотря на признаваемую ими быструю «итальянизацию» острова за последние десятилетия.

Сиракузы всегда были ближе к тому, что происходило на континенте. Поэтому вряд ли их можно считать «типичной» Сицилией, тем более сицилийской «глубинкой». Здесь есть очень бедные, как мы сказали бы «аварийные», дома с полуразрушенными стенами, но такое можно увидеть и в некоторых кварталах, на-

пример, Неаполя. Здесь несколько больше полиции, чем в самой Италии, но зато значительно меньше духовных лиц, чем, скажем, в Риме, хотя присутствие христианских демократов, особенно их прессы, объявлений и афиш, столь же ощутимо. И, пожалуй, никак не заметна здесь та, пусть легкая, но все же чувствуемая, например, на Крите и в самой Греции, особая средиземноморская «полувосточность», проявляющаяся в таких почти неуловимых внешних признаках, как отсутствие женщин на улицах с наступлением темноты, обилие откровенно кейфующих мужчин в кафе и ресторанах под открытым небом, томная замедленность движений прохожих. Ни в Неаполе, ни на Сицилии теперь, пожалуй, не увидишь примеров столь расписанного любителями экзотики прошлого века «дольче фарниенте» — пресловутого «сладкого ничегониделания». Италия ныне вся — и Сицилия не составляет исключения в этом отношении — упорно трудится, умея ценить время, рациональную постановку дела и современную технику. Среди празднующихся на улицах — главным образом старики, заезжие иностранцы, туристы. И если среди них мелькнет иногда черное, похожее на мальтийскую накидку — фалдетту платье крестьянки из провинции, то оно останется почти не замеченным и не повлияет на общий облик личной толпы.

Сиракузы — город портовиков, железнодорожников, нефтехимиков, ремонтников. Здесь бросаются в глаза уверенность рабочего движения, его превосходство над силами реакции. На улицах города почти сразу вспоминаешь, что всего на Сицилии 78 тыс. коммунистов и не более 1 тыс. членов мафии. Жители восточных областей, в том числе и Сиракуз, гордятся тем, что мафии здесь, в сущности, никогда не было. Проходя по главному в приморской части города проспекту Умберто Первого или по медленно поднимающемуся к центру о-ва Ортиджи Корсо Маттеотти, легко определить, какие главные политические силы здесь борются и что волнует современных сиракузцев. Плакаты правящей христианско-демократической и главной оппозиционной коммунистической партии отпечатаны типографским способом, отличаются спокойствием и уверенностью тона. Как и в Италии, эти партии здесь имеют наиболее прочные позиции. Реже видны плакаты социалистической

Дети Сиракуз сегодня

партии, украшенные изображением серпа и молота (как и издания компартии). А вот эмблема партии социал-демократов иная: слово «социализм» на фоне лучей поднимающегося из-за горизонта солнца.

Особо следует сказать о так называемой войне надписей. На Сицилии, как и в Италии, и на Кипре, и вообще по всему Средиземноморью, поражает обилие надписей на стенах. Обычно они делаются трудносмысливаемой синей или белой краской (в зависимости от фона стены) и решительно противостоят друг другу. Если, например, какой-нибудь лозунг пишут левые (на Сицилии, как и в остальной Италии, много различных оттенков левых, а также ультралевых, вроде Лиги коммунистов, подписывающейся сокращенно «Л. К.»), то немедленно рядом, сбоку, сверху или снизу правые «опровергают» его, малюя собственный лозунг, разумеется, совсем иного направления. Скажем, вздумалось какому-то чересчур спешащему поборнику прогресса назвать площадь Архимеда в Сиракузах «Красной пло-

щадью», реакционеры тут же снабжают его надпись рифмованным издевательским продолжением. Кое-где надписи правых и профашистов сразу можно узнать по значкам-символам, среди которых довольно часто встречается кельтский крест, в свое время бывший эмблемой действовавших в Алжире военно-фашистских террористов из ОАС. Однако гораздо чаще можно увидеть надписи: «Нет фашизму!», «Смерть фашизму!», «Больше революции, меньше реформизма!» и т. п. Как видно, политический темперамент на родине Дионисия и Архимеда, Ибн Хамдиса и Агафокла в наши дни отличается не меньшей страстностью, чем тысячу или две тысячи лет назад.

Существует и особый род надписей, которые мы встречали только на Сицилии. Они заставляют вспомнить заметки упоминавшегося Ибн Джубайра, который в XII в. восторгался тем, с каким искусством сицилийские женщины следуют самым передовым обычаям того времени «в изяществе своего языка, в манере носить свои плащи и покрывала», многочисленные украшения и ожерелья. Судя по всему, сегодня сицилийкам не до этого. И вот одна из объединяющих их организаций выдвигает такое кредо: «Женщины, мы убиваем себя кухней, объединимся же, чтобы покончить с этим!» Мы видели и другие надписи такого же характера, протестующие против неравноправного положения женщины и грубого обращения с нею. Они свидетельствуют о том, что и на Сицилии, по традиции наиболее социально-консервативной области Италии, где до сих пор крепки корни патриархальщины, религиозности и культа мужчины, наиболее отсталые формы человеческих отношений отходят в прошлое, уступая дорогу новому.

Конечно, старое цепко и не отступает без сопротивления, не уходит безбоязненно, особенно из сознания людей. Среди надписей в центре Сиракуз, вполне современного города, можно прочесть и такие, которые зовут не вперед, а назад, например: «Больше деревень, меньше городов!» Но не они определяют общую картину, общий облик города и впечатление от него. Это впечатление составляется прежде всего ощущением неуклонного роста сил демократии и прогресса на многострадальном острове с полной драматизма историей,

со сложной судьбой живущего здесь мужественного и самообытного народа, упорно, несмотря на все преграды, строящего свое будущее. «Побольше счастья!» — взывает к сицилийцам одна из самодельных надписей в центре Сиракуз. Этот бесхитростный призыв как бы подобрал в себя то главное, в чем так долго отказывали народу Сицилии и к чему ныне он так неудержимо стремится.

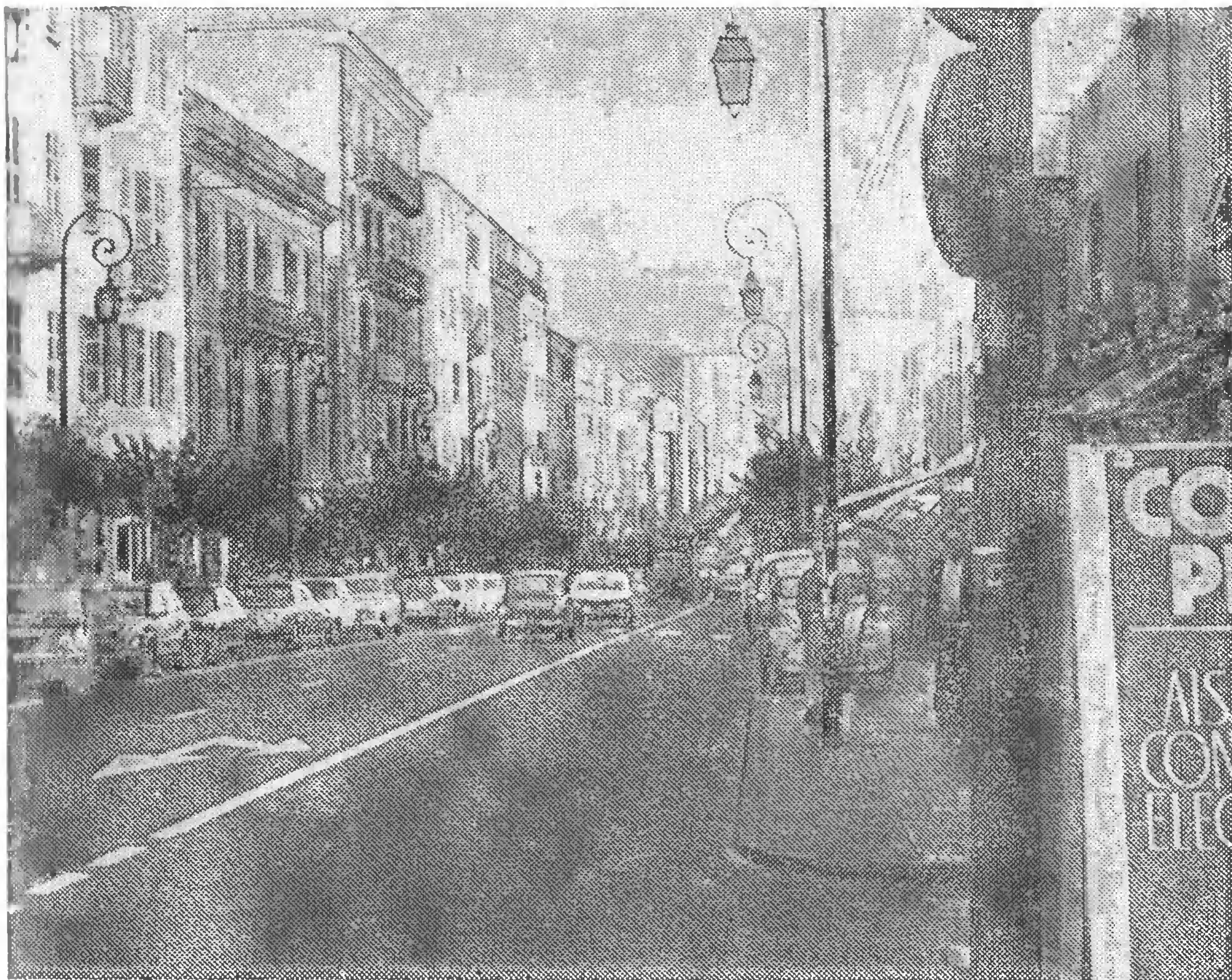
Голова Мавра

На Корсике мы побывали еще до Сицилии, сразу же после Мальты. И хотя лично мне панорама главного города острова — белоснежного Аяччо, свободно раскинувшегося на берегу широкой бухты и легко взбирающегося вверх по крутым склонам темно-зеленых гор, — отчасти напомнила Алжир, внешне, с первого взгляда, Восток здесь отсутствует. Корсика — это Европа, несмотря на дикие скалы, малонаселенность, суровые горные кряжи и густые заросли кустарников, которые сразу же приводят на память Кабилию и прочие берберские области арабской Африки. Здесь — европейские лица, европейские постройки, одежда и образ жизни на фоне почти североафриканской природы. Некоторые французские авторы, правда, пишут об арабском влиянии на антропологический тип корсиканца: «Овал лица и пламя взгляда лучше, чем какие-либо археологические памятники, свидетельствуют о том, что здесь проли арабы». Но мы сначала этого совершенно не заметили. Первыми обитателями Корсики, которых мы увидели, были два красавца полицейских, светлоглазые блондины с щеголеватыми усиками, субтильные, жантильные и галантные, с изящными манерами истинных парижан. Достаточно было взглянуть на них и с минуту понаблюдать за их жестами и предупредительностью в отношении дам, чтобы почувствовать, что мы во Франции.

Разумеется, полицейские могли быть заезжими французами. На Корсике это принято: многие корсиканцы служат в качестве солдат, полицейских и чиновников во Франции, а на остров для той же службы присылают французов (частично с целью ослабления

местного сепаратизма). Однако и другие корсиканцы в Аяччо, с которыми мы вступали в контакт, внешне были совершенными европейцами. Портовый рабочий-коммунист, которому мы подарили открытки с видами Красной площади и могилы Неизвестного солдата в Москве, показал их своим товарищам и тут же стал им объяснять по-корсикански, что именно изображено на открытках. При этом все эти простые люди, говорившие с нами по-французски, а между собой на родном языке, очень похожем на итальянский, выглядели, скорее, как северяне — рыжеватые, с голубыми глазами — и не имели никаких черт, хотя бы отдаленно напоминавших арабский тип. Впоследствии мы узнали, что большинство горожан-корсиканцев на побережье — потомки генуэзцев, пизанцев и арагонцев, что и объясняет преобладание среди них сугубо европейских типов внешности. По утверждению французского адмирала прошлого века Жюрьена де Ла Гравьера, даже самый великий корсиканец — Наполеон Бонапарт (Буонапарте) родился «в семье, генуэзское происхождение которой было почти забыто». Настоящих потомков корсиканцев догенуэзской поры ныне следует искать преимущественно в горных селениях внутренних областей.

Дальнейшее наше знакомство с Аяччо — «белой жемчужиной Корсики» — лишь подтверждало, что мы находимся во Франции, во всяком случае в той части Европы, где Востоком и не пахнет. Нам показывали прежде всего памятные места, связанные с Наполеоном Бонапартом: огромный памятник императору на высоком холме с длинной лестницей (специально для фотографирующихся на ней бесчисленных туристов); мемориальную панораму всех деяний Бонапарта; сероватый четырехэтажный дом в узком и грязноватом переулке Сен-Шарль (место рождения Наполеона), бюст его сына («Римского короля», как его называли при жизни отца) в небольшом садике напротив; местный собор на улице Нотр-Дам (где крестили будущего императора); памятник Наполеону и его братьям на центральной площади города — довольно бездарное творение (выполненное в отличавшуюся редкой для французов безвкусицей эпоху Наполеона III), изобразившее всех пятерых братьев Бонапартов в условно-римском стиле, в тогах и с веночками, а главное, совершенно на одно, условно-

Проспект Наполеона в Аяччо

бонапартовское лицо. К сожалению, нам не удалось попасть в музей Наполеона (он был закрыт на ремонт), где хранятся подлинные вещи и реликвии семьи Бонапартов. Зато мы вдоволь насмотрелись в витринах местных магазинов на нескончаемое изобилие сувениров, преимущественно изделий из фарфора, с изображением самого императора и его матери Летиции Бонапарт, пользующейся здесь не меньшей популярностью.

Как нам говорили, корсиканцы не столько сами чтят Наполеона и других Бонапартов, сколько отдают дань всемирному восхищению своим великим соотечественником. Возможно, это объясняется полустершимися воспоминаниями о некорсиканском происхождении семьи Буонапарте (недаром на острове сложился почти культ именно Летиции Бонапарт — истинной корсиканки). Но, скорее всего, корсиканцам не нравилось, что Наполеон, как никто другой, крепко связал Корсику с Францией, покончив со всеми утопиями о возможности «самостоятельного» существования острова.

На деле, однако, трудно провести грань между тем, где кончается воздание должного и где начинается подлинное чувство. Надо полагать, что корсиканец, особенно житель Аяччо, с детства привыкает к культу Наполеона, так как он постоянно видит памятники, мемориалы, музейные реликвии и сувениры, посвященные Бонапартам, проходит по обширному авеню Наполеона, дугообразно пересекающему город от одной части залива к другой, бывает на улице Бонапарта, на площади Летиции, около красивого оранжевого с голубым орнаментом лица кардинала Феша (тоже родственника Бонапартов), наблюдает интерес к имени Наполеона со стороны многочисленных туристов. Все это, несомненно, должно было уже давно заставить корсиканцев гордиться Наполеоном, даже если раньше они и не были к этому особенно склонны.

Кроме Корсики Бонапарта мы, конечно, повидали и Корсику совсем иную, поездив по побережью, а также совершив утомительную, по сложным горным дорогам с крутыми виражами и замысловатыми изгибами, экскурсию на север, к Розовым скалам Пианы, которые корсиканцы считают «самым красивым пейзажем в мире». Мы были у так называемых Кровавых островов (сюда высылали в средние века прокаженных, у которых, по поверью того времени, была «черная кровь») и видели на самом крупном из них — Сангино — развалины старинной башни. Остатки таких же башен из выжженного солнцем кирпича с боковой лестницей и квадратными зубцами по окружности верхней площадки мы заметили и в других местах побережья. В свое время эти башни были сторожевыми постами генуэзцев и возводились на случай нападения арабов, а потом турок.

Башни сооружались так, чтобы господствовать над окружающей местностью и сообщаться друг с другом (путем условных знаков днем и сигнальных огней — ночью). Обычно они строились в 12—17 м высотой и 8—10 м в диаметре. Некоторые из них (в Порто, Марсилье и других местах), квадратные в поперечнике, сооружены явно по образцу башен, возводившихся в свое время арабами Северной Африки и Андалусии. Но большинство башен имеет цилиндрическую форму. Всего генуэзцы построили около 90 башен менее чем за

100 лет (с 1512 по 1608 г.). При этом скалистые обрывы южного побережья, труднодоступные с моря, почти не были защищены (здесь было возведено лишь 5 башен), а изобилующие удобными бухтами западные и северные берега были усилены 64 башнями. На каждой из них всегда находился склад оружия, припасов и наряд из трех-пяти воинов. Сюда немедленно спешили жители близлежащих селений, едва увидев на горизонте корабли вражеского флота. Отсюда же сигнал тревоги передавался на соседнюю башню.

Эти башни, хоть и выстроенные уже в позднее время (но, безусловно, под влиянием горького опыта предшествующих столетий), невольно напомнили о том, что некогда и здесь, как и на прочих средиземноморских островах, побывали арабы и оставили свой след. Об этом говорят и гигантские африканские пальмы, которых в Аяччо, кажется, даже больше, чем на более южных и близких к Африке островах Средиземноморья. И, конечно, прежде всего напоминают об этом сами арабы. Если чернокожий африканец в белом бурнусе и феске, торговавший на пристани Аяччо явно некорсиканскими сувенирами, еще мог показаться нетипичным, как бы случайно попавшим на Корсику, то трудно тоже самое подумать об алжирских и вообще магрибинских эмигрантах, часто попадающихся на улицах Аяччо, где в сплаве корсиканского и французского языков с англо-немецкой речью иностранных туристов нередко довольно четко выступает протяжно-гортанный, как бы взрывающийся резкими интонациями арабский говор. Это — реальный парадокс современной Корсики: сами корсиканцы эмигрируют во Францию в поисках работы, а на Корсику, тоже в поисках работы, прибывают (обычно не сумев найти себе занятие на юге Франции) молодые, но не улыбочивые и замкнутые уроженцы стран Магриба. Сталкиваясь с ними, начинаешь другими глазами смотреть на корсиканскую действительность, невольно сопоставляя ее со всем, что видел раньше на родине этих скромно одетых юношей. На острове с середины 60-х годов постоянно проживают несколько тысяч алжирцев, тунисцев и марокканцев, составляющих около $\frac{1}{5}$ местных иностранцев. Судя по тому, что некоторые из них часами просиживают с чемоданами около порта, им и здесь не очень везет.

Если проникнуться впечатлениями такого рода, то далее без особого труда замечаешь почти арабский колорит узких кривых переулков Аяччо и более мелких городов, специфически «алжирского» наклона улиц, крутых сквозных спусков к морю, нередко крытых, но не полукруглой, а квадратной аркой. Некоторые дома, проходы, даже отдельные фрагменты домов (стены, их окраска, оформление окон) напоминают то Касбу столицы Алжира, то авеню Хабиба Бургибы в Тунисе. Совершенно «тунисскими» кажутся нарядные, за решетчатыми оградами, виллы Аяччо, утопающие в садах с обилием высоких пальм. Только здесь гораздо чаще, чем в Тунисе, эти виллы заняты не частными лицами, а общественными учреждениями: институтами, клиниками, ассоциациями, издательствами. Впечатление от этих зданий содержит своеобразный налет «ориентализма», даже когда в них размещается, скажем, британское вице-консульство, неизвестно зачем здесь оказавшийся немецкий (т. е. западногерманский) клуб автомобилистов или филиал редакции малоизвестного американского журнала. Этот налет создается, очевидно, характерным почерком местных архитекторов, французов и корсиканцев, склонных строить в так называемом колониальном стиле или в подражание ему, что объяснить можно как их стремлением использовать южный колорит и средиземноморские краски Корсики, так и желанием применить свой опыт работы в колониях (многие корсиканцы активно участвовали в колониальной экспансии Франции и подолгу жили в Алжире, Тунисе, Марокко и Тропической Африке). Нельзя исключить и влияния определенной моды на «колониальный» стиль, оригинального преломления в архитектуре своего рода ностальгии по колониализму в те годы, когда колониальная система уже развалилась, а сами колонии вновь обрели самостоятельность.

Однако не только и даже не столько недавними «колониальными» реминисценциями, относящимися главным образом к периоду новой и новейшей истории, определяется нынешний облик корсиканской архитектуры. В нем гораздо более мощно представлен и заметен иной пласт — мрачного средневекового зодчества преимущественно фортификационного характера. В стиле подобного зодчества примерно за тысячелетие, предшество-

вавшее присоединению Корсики к Франции, строились не только крепости, замки, монастыри и городские укрепления, но даже сами города и деревни, обычно представлявшие собой труднодоступные и тесные скопления вытянутых вверх домов, лепящихся по крутым склонам гор и холмов и со слишком высоко от земли прорезанными окнами. В таком стиле выстроены, например, столица острова в XVIII в. Корте и самый крупный на юге Корсики город Сартен. Нам, к сожалению, не удалось побывать в них, но впечатление от многочисленных изображений этих городов на рекламных плакатах, проспектах, открытках можно получить достаточно полное. То же самое можно сказать о Бонифачо, городе-крепости, выстроенном в начале IX в. тосканским графом Бонифацием на неприступных скалах южной оконечности острова в целях борьбы с арабами. Отсюда граф нападал на владения арабов как на Корсике, так и в других местах, в частности в Африке.

Бонифачо мне довелось увидеть в 1976 г. с самолета, летевшего из Москвы в Алжир. Небывалая жара, стоявшая в то лето в Западной Европе, поглотила даже намек на облачность. Поэтому все было видно как на ладони: залитые солнцем улицы, золотящиеся в его лучах дома и старинные крепостные стены, как бы пылавшие на фоне темной синевы моря, огромный собор, скалистые обрывы над проливом Бонифачо, который мы пролетели меньше чем за минуту. Через год, когда наш теплоход проходил по этому же самому проливу, я почти ничего не увидел: были уже сумерки, влево от нас берега Корсики окутал туман, и лишь справа отчетливо вырисовывались гребни гор Сардинии, издали похожие на спинки косяком идущей рыбы. Ширина пролива — всего 14 км. Понятно, какой неприступной крепостью должен был быть Бонифачо, если учесть, что арабы пробыли на Корсике после возникновения этого города еще примерно 200 лет, да и Сардиния, которой они владели еще раньше, была рядом.

Связи Корсики с Востоком, таким образом, лишь на первый взгляд не прослеживаются. Ведь еще римские авторы указывали на африканское (точнее, ливийское) происхождение сардов, частично населявших Корсику в древнейшие времена. Побывали на Корсике и финикийцы. В то же время иберы и лигурийские пле-

мена прибыли на остров позднее, хотя, по некоторым сведениям, они составили основу населения острова в античную эпоху. Судя по всему, связей с Востоком у Корсики было не меньше, чем у других островов Средиземноморья, но природные условия, прежде всего труднодоступность внутренних горных районов, давали возможность жителям острова более успешно сопротивляться любым нашествиям. Завоеватели, встречая отпор, в свою очередь, прибегали к более жестоким и разрушительным методам покорения. Возможно, это и является причиной сравнительной бедности территории Корсики историческими памятниками. Ведь новые пришельцы обычно стремились уничтожить все наследие своих предшественников!

Сами корсиканцы якобы стремились, как утверждают, в частности, французские авторы, к замкнутости, к невосприимчивости вообще каких-либо воздействий извне. Корсику поэтому считали примером «полного отхода от традиционных тенденций», ибо это был «остров, жители которого повернулись спиной к морю, от которого исходила опасность (повторявшиеся кровавые рейды варварийских пиратов, военные экспедиции иностранных „покровителей“): вместо того чтобы становиться морями, они придерживались обычаев горцев и чаще были пастухами, чем рыбаками». Любопытно, что примерно то же самое наблюдалось и в берберских районах Магриба — труднодоступных горно-лесных массивах с преимущественно натуральным земледельческо-скотоводческим хозяйством, с ревниво хранившим свою самобытность населением, не пускавшим завоевателей в родные горы и упорно сопротивлявшимся всем попыткам ассимиляции со стороны любых пришельцев: карфагенян, римлян, вандалов, византийцев. Арабам, прочно осевшим в Магрибе, удалось арабизировать местное население только через 500—600 лет, да и то в Алжире и Марокко этот процесс еще в прошлом веке был завершен лишь наполовину.

Жители Корсики на разных этапах истории оказывали примерно столь же сильное сопротивление. Местные жители практически сорвали попытки финикийской колонизации, предпринимавшиеся здесь в начале X в. до н. э. Фокейские греки, основавшие колонию Алалия (ныне — Алерия) в 557 г. до н. э., через четыре года

были изгнаны островитянами. Та же судьба постигала последовательно пытавшихся «цивилизовать» Корсику этрусков, карфагенян, греков из Сицилии. При этом интересно, что Корсика, несмотря на подобную «неприветливость» или, может быть, благодаря именно ей, была очень давно известна в цивилизованном античном мире и даже упомянута в 10-й песне «Одиссеи» Гомера. Древнегреческие историки последующих веков (а до них финикийцы) называли ее «Кирнос». В период римского владычества на Корсике жил изгнанный из Рима философ Сенека, считавший остров «однообразным, неприветливым и зловещим». О непокорности островитян писал историк Страбон, имевший на то основания. Римлянам пришлось покорять остров около 100 лет (260—162 гг. до н. э.) при активном участии таких знаменитых полководцев, как Гай Марий и Корнелий Сулла. Но корсиканцы так же не примирились с римским гнетом, как и с последующими нашествиями остготов и вандалов, непрочное господство которых сменилось в 552 г. н. э. властью Византии.

При византийцах на острове сложился культ святой Юлии — христианки, обращенной в рабство вандалами и принявшей мученичество за веру. Учитывая, что Юлия была уроженкой Карфагена и на Корсику попала после долгих лет жизни в Сирии, следует обратить внимание на то, что даже в географических подробностях раннехристианских легенд на Корсике нашли отражение связи острова с Востоком.

В борьбе с лангобардами византийцы не сумели надолго закрепиться на острове, тем более что в 713 г. (по другим данным, в 704 г.) на его побережье совершили первое нападение с моря арабы. Присутствие арабов здесь, как и на Кипре, носило преимущественно военный характер: нападения учащались по мере общего нарастания арабской гегемонии в Средиземноморье, направлялись из разных стран и сопровождались временной оккупацией различных частей острова. В 806—807 гг. особенно мощные атаки арабов из Андалусии и Сардинии отбили франкские полководцы, до того изгнавшие с Корсики всех остальных конкурентов. Однако в 810 г. арабы полностью овладевают Корсикой. Изгнанные вновь франками, они с 814 г. захватывают остров по частям и постоянно владеют то боль-

шей, то меньшей частью его территории вплоть до 1034 г. Борьба, которую они вели здесь с маркизами Тосканы с 846 г., временами приобретала столь ожесточенный характер, что многие корсиканцы вынуждены были покинуть родину и переселиться в Италию (в основном в окрестности Рима).

Все это и привело к тому, как отмечалось в издании прошлого века французской энциклопедии Лярусса, что «арабы прошли по Корсике как бич, не оставив на ней, как в Испании, следов своей цивилизации и гения, ибо навязанное ими корсиканцам военное иго никогда не превращалось в регулярное и приемлемое правление». К периоду борьбы с арабами относится, по общему мнению, давняя нелюбовь корсиканцев селиться на побережье, их стремление уйти далеко в горы и строить селения, расположенные ярусами на крутых склонах и обрывах, с целью сделать их как можно недоступнее. Последующая история острова закрепила эту тенденцию.

Некоторые авторы (например, Жак Грегори в своей «Новой истории Корсики», изданной в 1967 г.) утверждают, что арабы будто бы истребили $\frac{9}{10}$ населения острова, а до остальных просто не добрались, ибо не любили углубляться в горы, продираться сквозь чащу лесов, в то время весьма густых на Корсике, и лазать по скалам. Вполне возможно, что во время морских набегов арабов, а также при контратаках корсиканцев борьба шла на взаимное уничтожение. Однако трудно поверить, что так было всегда, особенно в IX—X вв., в период частичного господства арабов на острове. К тому же население могло резко уменьшиться за счет бегства многих жителей острова на континент.

Судя по всему, отношения с корсиканцами у арабов были не только враждебными, хотя этот вопрос и нуждается еще в серьезном изучении. Можно предположить, что иначе арабам не удалось бы оставить на Корсике никаких следов. А они (как признает тот же Грегори) все же занесли на остров культуру пальмы и других растений, внедрили в корсиканский язык некоторые слова, например глагол «шаларе» («быть всему к лучшему»), возводимый лингвистами к арабскому «ин шаа Аллах» («если пожелает Аллах»). Вряд ли это все было бы возможно благодаря только «расовому

вкладу» арабов, как выражаются буржуазные авторы, подразумевающие под этим участие арабов в этногенезе корсиканского народа путем смешения с корсиканцами в ходе длительного (около трех веков) сосуществования, а также последующего сохранения на Корсике еще в течение долгих веков арабских пленников, называвшихся мавританскими рабами. Эти пленники постепенно принимали христианство и также смешивались с местными жителями. Очевидно, ни эти пленники, ни тем более мавры, господствовавшие на острове, не смогли бы чему-либо научить островитян, что-либо им передать или как-то повлиять на их язык и обычаи, если бы оставались для них всегда врагами. Это маловероятно еще и потому, что арабы во всех без исключения завоеванных ими странах обычно отличались веротерпимостью.

Вряд ли таким исключением была Корсика. Скорее, ключ к абсолютно негативной оценке арабского присутствия на Корсике следует искать в последующей истории острова. Арабы были в основном изгнаны с Корсики в 1014 г. объединенными усилиями североитальянских купеческих республик Пизы и Генуи, оспаривавших друг у друга власть над островом. С 1077 до 1284 г. господствовала Пиза, но потом разгромившая ее Генуя вначале вынуждена была уступить власть над островом королевству Арагон (1296—1350 гг.). Постепенно генуэзцам все же удалось завладеть Корсикой примерно на 400 лет, в ходе которых на остров поочередно претендовали Арагон, Франция, Австрия, пытавшиеся изгнать Геную, а также не прекращалась освободительная борьба корсиканцев. Пользуясь тем, что арабы Сардинии, Сицилии и Андалусии, а затем так называемые варварийские пираты из стран Магриба, которых в XVI в. сменили турецкие корсары, не прекращали нападать на Корсику, генуэзцы максимально разжигали на острове антимусульманский фанатизм и «дух крестовых походов», ибо только это, с одной стороны, помогало им хоть на время мириться с многочисленными конкурентами, которые также боялись флота «неверных», а с другой — было почти единственным средством отвлечения корсиканцев от борьбы с генуэзским гнетом. К тому же этот фанатизм периодически усиливался дополнительными факторами: владычеством проводивших

антиарабскую реконкисту в Испании королей Арагона, успехами или неудачами крестоносцев, политикой римских пап, промусульманской позицией главного соперника генуэзцев — Венеции и т. п.

Фактически вплоть до присоединения к Франции в 1769 г. Корсика не была ограждена от нападений с моря, что должно было питать антимусульманские настроения, которые вскоре после 1769 г. естественно интегрировались в идеологию французского колониализма. Не в этом ли сложном переплете более чем тысячелетних традиций борьбы, вражды и ответной экспансии следует искать подлинные корни современной оценки далекого времени арабского присутствия на Корсике во французской литературе?

История Корсики еще скрывает много неразгаданных загадок. И одна из них — тайна нынешней эмблемы острова. Ее можно увидеть повсюду — на картах острова, на красочно оформленных видах и рекламах, открытках, гербах некоторых городов, например Сартена, более всего пострадавшего в свое время от арабов (как уверяют сами сартенцы, хотя главные сражения с арабами шли не на юге, а на востоке острова, на знамени «поле мирт» — опустошенной с тех пор долине). Эта эмблема — черный профиль головы африканца с белой повязкой на лбу. Купив открытку с ее изображением, можно на обороте прочесть следующее: «Голова Мавра появилась во времена крестовых походов. Она является символом победы над неверными. Изображена на гербе Арагона, на монетах короля Теодора. Принята в качестве герба Корсики Учредительным собранием в Кортэ 23 ноября 1762 г. Фигурирует на монетах и знаменах. Ныне — эмблема Корсики».

Несомненно, на гербе Арагона «голова Мавра» должна была иметь смысл именно символа победы над мусульманами. Но зачем она была нужна авантюристу Теодору фон Нейхофу — вестфальскому барону, называвшемуся без всяких на то оснований испанским грандом, британским лордом и пэром Франции, провозгласившему себя с помощью англичан в 1736 г. первым (и единственным) королем Корсики и несколько месяцев своего довольно странного правления (на исходе которого он оказался в Лондоне в долговой тюрьме) чеканившему монету со своими инициалами? Почему ее

приняло в качестве национального символа Учредительное собрание Корсики, руководившее в 1731—1768 гг. борьбой против генуэзцев? Очевидно, все далеко не так просто. Более того, известно, что в борьбе с Генуей корсиканцы неоднократно обращались за помощью к мусульманам. В частности, убитый в 1567 г. наемниками генуэзцев национальный герой Корсики Сампьеро ездил в Константинополь и заключил союз с турками. Не является ли религиозно-фанатическая интерпретация образа «головы Мавра» навязанной корсиканцам их более могущественными завоевателями — генуэзцами, арагонцами, французами? И не имеет ли этот образ иной смысл? Возможно, со временем на этот вопрос будет дан более обоснованный ответ, чем тот, который ныне можно прочесть на обороте рекламной открытки.

А пока что приходится мириться с тем, что надпись на открытке и суждения серьезных авторов совпадают. Отношение к арабскому периоду истории Корсики в литературе, в том числе и исследовательской, несколько напоминает то, что мы потом слышали от нашего сиракузского гида Франко, повторявшего без особых раздумий: «арабы разрушали», «арабы уничтожали». Жак Грегори, например, пишет: «Они принесли три века анархии, последовавшей вслед за двумя веками византийского хищничества и семидестью пятью годами грабежа вандалов». Но только ли анархию? Грегори считает, что арабы разрушили старые социальные связи, способствовали превращению островитян «из моряков в пастухов» и якобы научили их «внезапно налетать с гор и грабить долины», рассчитывать лишь на себя и делиться на кланы, соперничавшие из-за пастбищ. Отсюда, мол, и берут начало привившиеся на острове «анархия, бандитизм, вендетта, дух клана и мятежность», так же как, впрочем, «мужество, свобода и независимость». Но можно ли серьезно утверждать, что все это (если вообще это действительно было) занесли на остров именно арабы? Разве предыдущие века борьбы за свободу ничему не научили корсиканцев, в том числе методам противостояния пришельцам с моря, обычно не решавшимся идти в горы? И можно ли считать, что именно арабы якобы внедрили в местные нравы все то, что рождено психологией патриархальной родовой общины и замкнутым натуральным хозяйством,

существовавшими на Корсике тысячелетия до прихода арабов?

Западных интерпретаторов истории Корсики эти вопросы, судя по всему, мало волнуют. Концепции Грегори — лишь квинтэссенция пока что общепризнанных взглядов. Только французские авторы, например, путешественника по Корсике, изданного в 1957 г., пересказывают их короче, по-своему. По их мнению, «можно согласиться» с тем, что арабы «продержались на юге острова в течение двух столетий», но «их постоянные расширения привнесли в страну тяжкий обычай прибегать к насилию».

Надо полагать, что прочие иноземные завоеватели острова, как до арабов, так и после них, способствовали укоренению этого разрушительного «обычая» не в меньшей степени. Очевидно, этим и объясняется, в частности, почти полное исчезновение на Корсике каких-либо материальных памятников арабского присутствия (за исключением могил мавританских эмиров, обнаруженных случайно при выравнивании грунта в Аяччо). Сохранились лишь несколько названий местностей, где стояли войска арабов или происходили битвы с ними (Кампо-Моро, Мориччо, Моросалья, Мориани, Морсилья), а также несколько фамилий и имен собственных (Моро, Морати, Морони, Моретти, Мораццани, Моруччи), ведущих происхождение от прозвищ эпохи войн с арабами. Наследием той эпохи считается и воинственный танец, называемый у корсиканцев «мореска». Вместе с тем, по мнению некоторых французских исследователей, в старинных протяжных песнях корсиканских горцев (например, в «пагьелла», исполняемых мужским трио) слышатся «восточный резонанс» и «гор-таные возгласы», свойственные берберам. Джозеф Кьяри, автор изданной в Англии книги с сенсационным заголовком «Корсика — остров Колумба», отмечает, что старинные похоронные обряды у корсиканцев, и особенно традиционные плачи по умершим, «странным образом напоминают обряды кабилы».

Любуясь видами Корсики, диковатая природа которой словно специально создана, чтобы поразить воображение туриста («Корсика — это Бретань и Алжир, Норвегия и Полинезия вместе», — писал посетивший остров в 1956 г. австрийский журналист Фред Вандер),

постепенно замечаешь, однако, что этот «Остров красоты», как именуют его путеводители, отличается от Франции не только своими природными условиями. Белеющие вместе с чайками и катерами у многочисленных пляжей отели и рестораны нередко носят имена средневековых героев освободительной борьбы корсиканцев: «Чинарка», «Сампьеро» и т. п. Не по-французски звучат названия встречающихся селений: Сагоне, Каргезе, Порто, Пиана. Иногда автобус мчится, основательно вздрагивая, по скверным, неасфальтированным участкам пути, каковые здесь сами островитяне в шутку называют «корсиканской дорогой». Дороги на Корсике действительно не всегда образцовые, хотя им и уделяется немало внимания. Мы видели в разных местах, как их ремонтируют, расширяют или прокладывают новые дороги.

В Каргезе — высокогорном большом селении или среднем (по местным масштабам) городке с площадью, памятником павшим в первой мировой войне и многочисленными лавками вдоль круто взвивающейся вверх главной улицы — нас удивило наличие и обычной католической, и отличающейся своей полувосточной архитектурой греческой православной церкви. Дело в том, что в 1676 г. генуэзцы разрешили поселиться на западе Корсики (близ Сагоне) 700 выходцам из Пелопоннеса, бежавшим от турецких преследований. Часть из них через 100 лет перебралась в Каргезе. Генуэзцы, будучи сами католиками, проявили по отношению к пришлым иноверцам совершенно удивительную по тем временам заботу, не только разрешив им продолжать придерживаться православного вероисповедания, но и всячески стараясь поставить их в привилегированное по сравнению с католиками-корсиканцами положение. Результатом этой коварной политики, естественно, явились столкновения между корсиканцами и греками, что и нужно было генуэзцам, тщетно искавшим себе опору в течение почти четырехвекового господства на Корсике. «На западном побережье Корсики, — писал в 1961 г. Ф. Вандер, — еще сегодня можно встретить немногочисленных потомков греческих колонистов, уцелевших после кровопролитных побоищ».

Эпизод с греческими беженцами — не единственный пример запомнившегося корсиканцами контакта (пусть

косвенного) с турецкой экспансией в Средиземноморье. Постоянные налеты турецких корсаров из Алжира, Туниса и Триполи были столь же неотъемлемой частью жизни Корсики XVI—XVIII вв., как и юга Италии, Испании и Франции, не говоря уже о более уязвимых для нападений с моря островах, особенно Сицилии и Сардинии. Некоторые корсиканцы, захваченные корсарами в плен еще детьми, впоследствии принимали ислам и сами становились корсарами или, как выражались в то время европейцы, «турками по профессии». Один из таких корсиканцев, Хасан Корсо, даже был одно время, в 1556—1557 гг., правителем Алжира. Интересно, что именно в эти годы Корсика была временно захвачена французами при помощи турецкого тунисско-триполийского флота уже упоминавшегося корсара Драгута (правильнее — Тогруда), действовавшего здесь с особой яростью, ибо именно на Корсике, в бухте Джиралата, он был захвачен в плен в 1540 г. генуэзским корсаром Джаннетино Дориа, продан в рабство испанцам и выкуплен у них в 1543 г. знаменитым бейлербеем (т. е. «беем среди беев») Алжира, впоследствии адмиралом турецкого флота Хайрадином Барбароссой (по происхождению — греком с о-ва Лесбос). Драгут, войско которого состояло из «турок, мавров и ренегатов», т. е. принявших ислам христиан, наградил на Корсике «несметные богатства» (в основном в порту Кальви) и отослал в Константинополь 7 тыс. корсиканских пленников.

Было бы неверно изображать происходившую тогда борьбу в Средиземноморье как только нападения мусульман на Европу. Эта борьба была прежде всего реакцией мусульманских государств на крестовые походы XI—XIII вв., а также на усилившуюся после них экспансию европейцев. Только генуэзцы осаждали в 1234 г. Сеуту, в 1355 г. захватили Триполи, в 1390 г. вместе с Францией напали на Тунис, в 1415 г. — с Португалией — на Марокко, в XV—XVI вв. совместно с испанцами использовали восточный берег Корсики как базу для походов в Африку, из которых особенно известны экспедиции короля Испании (и германского императора) Карла V Габсбурга в Тунис (1535 г.) и Алжир (1541 г.). Эти походы были столь же разрушительны, как и ответная реакция на них. При этом обе

стороны, естественно, возлагали друг на друга ответственность за свои действия, представляя их как законную самооборону.

В целом набеги турецких пиратов причиняли Корсике огромный ущерб, способствуя обезлюдению побережья, запустению многих гаваней и уходу в горы сильно уменьшившегося населения. Но не только это было причиной того, что многие корсиканцы покидали родину. Они спасались от гнета генуэзцев, который был не лучше, чем грабеж и насилия пиратов. Большая колония корсиканцев образовалась в Венеции, по традиции охотно дававшей убежище всем противникам Генуи. Папа римский даже формировал из корсиканцев свою гвардию, а во французской армии они составили особый полк. Сын знаменитого корсиканца Сампьеро — Альфонс д'Орнано — стал в 1595 г. маршалом Франции.

Не меньше, чем пираты и генуэзцы, грабили корсиканцев местные бароны. В основном они были иноземного происхождения и вели родословную от тосканских и римских дворян, лангобардских, готских, греческих и франкских воинов, получивших титулы и земли за войну с маврами в VIII—XI вв. Пополнение рядов этой знати арагонцами и генуэзцами не прибавило симпатий к ней со стороны коренных корсиканцев. В то же время именно эта знать нещадно эксплуатировала арабских пленников, «мавританских рабов» и других мусульман, захваченных генуэзскими и прочими корсарями. Если принять это во внимание, то «голова Мавра» — нынешняя эмблема Корсики — приобретает совершенно иной, неожиданно социальный смысл. Рабы и бывшие рабы, переходившие в христианство, пополняли, разумеется, ряды простого народа, а не знати и подвергались такой же эксплуатации (если не худшей), как и зависимые от сеньоров корсиканские крестьяне.

«Остров красоты» отнюдь не заслуживал такого названия за долгие века генуэзского владычества. Постоянные войны и сопровождавший их климат насилия, смена властей и традиционное недоверие народа к ним (ввиду их иноземного происхождения), сохранявшаяся отсталость натурального хозяйства и замкнутый образ жизни горцев — все это резко обострило чувство родовой, клановой солидарности со всеми присущими ему пережитками. Наиболее значительным из них была вен-

детта — кровная месть. Закреплению этого пережитка способствовали помимо прочности долго не распадавшихся патриархально-родовых связей многие факторы: отсутствие авторитетного правосудия или неверие в его возможность, пренебрежение властей к вопросам защиты чести и интересов свободных общинников, более того, постоянные покушения на эти честь и интересы со стороны иноземных господ. В этих условиях человек полагался лишь на свое собственное право вершить суд над врагом или обидчиком, а также на помощь своих родственников. Совершенно несостоятельны поэтому попытки буржуазных авторов приписать изобретение вендетты арабам: условия, порождавшие вендетту, существовали задолго до прихода арабов и еще очень долго — несколько столетий — после их ухода.

Однако вендетта, если и использовалась иногда как орудие борьбы против произвола баронов и засилья иноземных поработителей, в большинстве случаев, как всякий пережиток первобытной дикости, вредила прежде всего самим корсиканцам. В результате складывалась реальная угроза постепенного исчезновения корсиканцев как народа, ибо в течение долгих столетий от войн, распрей баронов, нападений пиратов, репрессий властей, голода, болезней и опустошительного действия вендетты на острове каждые 30 лет умирали насильственной смертью 28 тыс. человек. Если к ним прибавить эмигрантов и похищенных пиратами, то картина станет еще более неприглядной.

Все видные корсиканцы выступали против вендетты — этого кровавого пережитка прошлого. Но особенно решительно боролся против нее Паскуале Паоли, до сих пор чтимый на острове как национальный герой. Возглавив в 1755 г. борьбу своего народа против Генуи, Паоли не побоялся ввести смертную казнь за вендетту, лично ездил по острову, примиряя враждующие кланы. И хотя полностью искоренить вендетту ему не удалось (в 1769 г. он вынужден был покинуть Корсику, которую Генуя уступила Франции), непререкаемый авторитет Паоли во многом способствовал подрыву и ослаблению этого страшного обычая. В 1790 г. он вернулся на остров и оставался вождем корсиканцев до 1795 г. Деятельность Паоли получила известность и за пределами Корсики. В частности, русская императрица Екатери-

на II приглашала Паоли приехать в Россию. Все это, очевидно, до сих пор раздражает французов, которые период правления Паоли несправедливо именуют «промежуточным Англо-Корсиканским королевством», пользуясь тем, что в попытке отстоять независимость острова Паоли прибегал к помощи англичан.

Культ Паоли помешал в свое время культу Наполеона на Корсике. Кстати, сам Бонапарт очень высоко ценил Паоли и в юности был его горячим приверженцем. Следует отметить, однако, что корсиканцы в целом очень чувствительны к памяти всех своих знаменитых соотечественников, список которых гораздо шире, чем это принято думать. Например, они считают своим земляком Христофора Колумба. В г. Кальви, на западном побережье Корсики, даже установлена мемориальная доска на доме, где, как предполагается, родился Колумб. Упоминаясь Джозеф Кьяри сообщает, что все корсиканцы убеждены не только в том, что Колумб их земляк, но и в том, что он корсиканец по происхождению, лишь имевший генуэзское гражданство (в то время в городах острова жило немало генуэзцев, поэтому родившийся на Корсике горожанин далеко не всегда был корсиканцем).

В корсиканской поэзии эта тема варьируется с XVI в. То обстоятельство, что даже факт рождения Колумба на Корсике (не говоря уже о его национальной принадлежности) является спорным, Кьяри объясняет прежде всего молчанием самого Колумба, скрывавшего от всех в Испании свою биографию (ибо ранее ему приходилось участвовать в морских экспедициях враждебных Испании Франции и Португалии), а также замалчиванием генуэзцами действительного места рождения Колумба, вызванного тем, что Кальви нередко выходил из повиновения Генуе. Так это или не так — сказать трудно. Во всяком случае, Колумб — не единственная в истории видная личность, о происхождении и месте рождения которой ведут спор несколько городов и даже стран.

С установлением власти Франции на Корсике стала исчезать вражда между коренными корсиканцами и бывшими генуэзцами в городах (в Аяччо еще долго происходили стычки зажиточных генуэзцев и корсиканских бедняков). Сейчас о ней никто и не вспоминает.

А в некоторых городах (например, в Бонифачо) даже хранят добрую память о Генуе и считают своим ее герб — прыгающего льва в короне и с кольцом в когтях. Кое-где сохранились и городские говоры, близкие генуэзскому диалекту. Как всегда, с уничтожением неравноправия и вражды в отношениях между людьми яснее стало, чем они обязаны друг другу и что их объединяет.

Привычка корсиканцев эмигрировать, сложившаяся издавна под влиянием бесконечных смут, ссор, стычек и войн, раздиравших остров, после присоединения острова к Франции приобрела целенаправленный характер. Помимо самой метрополии, где некоторые корсиканцы уже с XVI в. добились видного положения (род Орнано и сейчас принадлежит к элите французской высшей бюрократии и буржуазии), многие из них устремились в колонии, где зарекомендовали себя в качестве надежных чиновников и верных служак в армии и жандармерии. Это обстоятельство, как ни странно, повлияло на определенное освещение и осмысление истории Корсики во французской литературе и прессе. Они принялись восхвалять (вначале и впоследствии ими поносимые) «воинственные традиции» и «великое прошлое» Корсики с целью отвлечения корсиканской молодежи от идей местного патриотизма (и даже сепаратизма, существующего и в наши дни) и обращения ее энергии на колониальное «освоение» французских владений, прежде всего в странах Магриба.

И снова, как в средние века, корсиканцы ступали на арабские земли в Африке, на этот раз поселяясь там надолго и проявляя себя, согласно сведениям французских справочников, как «хорошие военные, видные администраторы и просто сознательные служащие». Среди европейской верхушки магрибинских колоний выдвинулись такие известные корсиканские фамилии, как Колонна в Тунисе (этот род возводит свою генеалогию к IX в.) и Поццо ди Борго в Оране. Во времена Наполеона прогремел его бывший одноклассник и приятель, ставший потом смертельным врагом, герцог Шарль-Андре Поццо ди Борго, изгнанный Бонапартом с Корсики в 1796 г. и последовательно служивший Англии, Австрии и России с главной целью — погубить своего великого соотечественника, осуществить по отно-

шению к нему политическую вендетту. Потомок герцога, Луи Поццо ди Борго, повел себя еще хуже, написав в 1957 г. истерически колониалистскую брошюру «Алжир вчера и сегодня». В ней он призывал убивать не только алжирских патриотов, но и «их христианских сообщников в Париже», всерьез уверял, что «туземцы наших старых королевских колоний испытывают тоску по благополучию, которое завещала им сладкая опека королей Франции», называл демократию «величайшим обманом всех времен» и всячески поносил национальный праздник французов 14 июля как «День ненависти и революции».

Разумеется, большинству корсиканцев, где бы они ни находились, были чужды подобные замшелый монархизм и патологическая ностальгия по средневековому колониализму. Среди них, в том числе и живших в колониях, всегда преобладали честные труженики, выступавшие за социальную справедливость и человеческое достоинство, уважение к которому у корсиканца в крови. Недаром еще в 30—40-х годах нашего века корсиканцами по происхождению были многие рядовые и руководящие коммунисты Франции, Алжира и Туниса, а в годы второй мировой войны Корсика стала одним из центров французского движения Сопротивления. В сентябре 1943 г. объединенными действиями 11 700 партизан и присоединившегося к ним восставшего населения Корсика первой из всех областей Франции была освобождена от фашистской оккупации. Среди бойцов частей Сражающейся Франции, прибывших через неделю из Алжира на помощь повстанцам, находились и арабские солдаты, главным образом марокканцы и алжирцы, впоследствии участвовавшие в освобождении Франции.

Когда едешь по Корсике, то кроме гор, скал и заливов, живописно врезающихся между скалами, замечаешь, что почти все незаселенные места (а таковые на острове преобладают) покрыты густой зеленью кустарника, среди которой лишь изредка прячутся желтоватые домики с двускатными черепичными крышами. Зелени нет только на дорогах, скалах, глинистых обрывах и на вершинах гор. Вся местность, преимущественно гористо-холмистая с вкраплениями ровных долин, сплошь поросшая этой смесью высоких трав и кустов

с небольшими островками маленьких круглокронных деревьев, кажется застывшими темно-зелеными волнами разной высоты. Кустарник называется «маквис» или по-французски «макí». Это не одно, а десятка два различных видов растений. Маки имеют характерный аромат, который, однако, теперь ослаблен прочими запахами, в частности асфальта и бензина на шоссейных дорогах, морских водорослей — у побережья. А может быть, просто не всем дано уловить «незабываемый», как считают авторы путеводителей, аромат маки. Наполеон, например, говорил: «С закрытыми глазами узнаю мой остров только по запаху лесных зарослей, принесенному волнами».

Маки служили отличным укрытием для партизан в годы войны. Само слово «маки» с тех пор служит во французском языке синонимом слова «партизан». Кое-где на побережье и сейчас еще виднеются следы боев: каменные доты с узкими амбразурами, явно приспособленные для этой же цели небольшие пещеры около пляжей, ныне выглядящих вполне идиллически. Бои на Корсике продолжались недолго — лишь две недели, но, судя по всему, к ним заранее готовились: немецко-итальянские войска оккупировали остров примерно за год до его освобождения и постоянно (но напрасно) опасались высадки англо-американского десанта. Остров был освобожден самими корсиканцами, легендарными «маки», слава которых распространилась далеко за пределами и Корсики, и Франции.

В городке Пиана, бело-желтые дома которого под черепичными крышами так напоминают некоторые выстроенные в горах Кабилии (в Алжире) поселки европейского типа, приезжие видят обычно лишь отель «Континенталь» да статую девы Марии на горной дороге в Порто. Но именно здесь, в Пиане, стоит памятник Даниэль Казанове (Винчентелле Перрини), погибшей в годы второй мировой войны национальной героине Франции, чьим именем одинаково гордятся и корсиканцы, и французы, в первую очередь Французская коммунистическая партия (ФКП). Позии компартии на Корсике сильны и сейчас. Корсиканцы помнят, что именно коммунисты руководили движением «маки» на острове, а после освобождения они же самоотверженно боролись за справедливое решение социальных проблем

местного населения. Около 20 мэров на Корсике — члены ФКП. Партией выстроен здесь санаторий для рабочих. На улицах можно видеть афиши и плакаты ФКП.

Одна из существеннейших проблем Корсики — постепенное уменьшение населения. Разумеется, сейчас уже речь не идет о гибели людей во время распрей или вендетт. Последний «бандит чести» (т. е. совершивший вендетту и прячущийся от полиции) скрылся в горах еще до второй мировой войны. Речь идет о социальной обусловленности отъезда во Францию молодежи и вообще наиболее трудоспособной части населения. Жизненный уровень на острове значительно ниже, чем в метрополии. К тому же почти все товары дороже, так как доставляются морем из Марселя или Ниццы. Главная статья дохода — туризм. Но туризм, рыболовство и отсталое сельское хозяйство, для эффективного ведения которого на острове нет благоприятных условий (очень мало равнин, преобладают каменистые, глинистые и песчаные почвы), не могут обеспечить занятость населения. Кроме того, на Корсике нет ни одного высшего учебного заведения и отсутствуют даже специальные школы для подготовки квалифицированных техников и мастеров. Это вынуждает покидать родину (обычно без возвращения обратно) не только желающих учиться, но и просто стремящихся к получению квалификации. Очень многие при этом пользуются родственными связями (до сих пор чрезвычайно крепкими у корсиканцев) с теми семьями, которые уже не одно поколение живут во Франции, работая на таможне, во флоте, полиции, различных ведомствах.

С 1962 по 1974 г. население острова уменьшилось с 280 тыс. до 180 тыс. При этом около $\frac{2}{3}$ оставшихся на родине сосредоточились на побережье (преодолев тем самым известную с арабского периода тысячелетнюю тенденцию селиться во внутренних районах). Причины этого — бум туризма с начала 50-х годов и некоторые успехи сельского хозяйства на восточном побережье (в той самой «долине мирт», где некогда шли бои с арабами). Получившие здесь развитие виноградарство и цитрусоводство — дело рук главным образом бывших колонистов, вернувшихся на Корсику из Алжира после обретения этой страной независимости. Так вновь зам-

кнулся круг взаимного обмена и взаимного влияния двух средиземноморских стран — Алжира и Корсики.

Еще в 1956 г. многие корсиканские землевладельцы предпочитали, продав землю, уезжать в Алжир, где помещение капитала в земледелие сулило большие прибыли. А уже через шесть лет они двинулись в обратный путь. Следует при этом отметить, что ранее агропредприниматели не проявляли охоты создавать на Корсике технически оснащенные современные хозяйства, а вернувшись из Алжира, они занялись именно этим. Причина, очевидно, заключается не только в получении ими с 1963 г. солидных финансовых дотаций от правительства (в соответствии с Эвианскими франко-алжирскими соглашениями), но и в накоплении опыта аграрного грюндерства на плодородных землях Алжира, освоении техники выращивания высокотоварных экспортных культур и вообще в ознакомлении с поставленным на широкую ногу многоотраслевым современным хозяйством, конкурентоспособным на рынке метрополии.

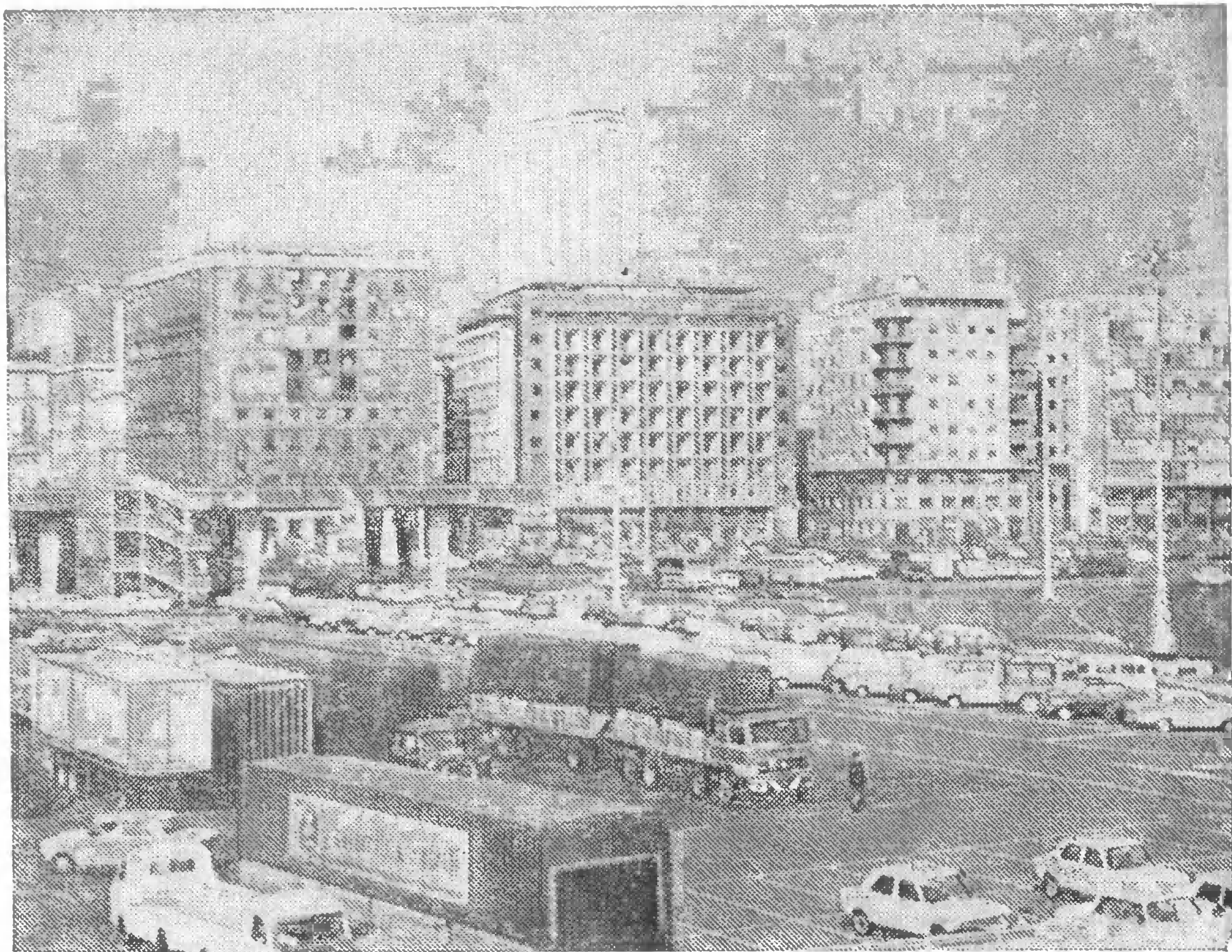
Однако внедрение аграрного просперити только в некоторых районах не может решить всех проблем острова. Характерно, что уменьшение населения более чем на треть произошло именно в годы этого внедрения. Проблемы Корсики, очевидно, будут решены тогда, когда она перестанет быть отсталой окраиной метрополии, своего рода «медвежьим углом» Средиземноморья, сохраняемым формально в виде самобытного заповедника для туристов, а по сути дела — в качестве заброшенного провинциального захолустья, не имеющего возможности пользоваться всеми достижениями современной цивилизации, более того, всем богатством культуры Франции — одной из самых высокоразвитых стран мира.

Об этом невольно думаешь, покидая Корсику с ее поросшими маки горами и холмами, памятниками и легендами, дикими скалами и бесчисленными заливами, карабкающимися в гору узкими улицами и светлыми ультрамодерновыми билдингами в окружении высоких пальм. Великолепная панорама залива Аяччо постепенно исчезала вдали. Ветер гнал туман в бухту из открытого моря, раскидывая темные волны с белыми барашками, нет-нет да и напоминавшими узкую повязку на примелькавшейся за дни пребывания на Корсике символической «голове Мавра».

Ворота в Африку

Тот, кто впервые попадает в Неаполь, естественно, поддается обаянию этого города, один лишь взгляд на который нельзя заменить никаким, даже самым красочным и выразительным рассказом. Гигантский залив, пологие откосы и повороты берега, плотно облотившие его городские предместья и старые пригороды, ныне слившиеся с Неаполем и как бы врезающиеся в море густо застроенными массивами новых домов, издали ослепительно белых (впрочем, с моря такими же кажутся и старые здания, особенно в утреннем тумане), грозная многобашенная глыба Анжуйского колосса (Маскио Анджоино) — старинного замка XIV в. у самого морского вокзала, высоко вознесшийся над городом холм Вомеро с крепостью XIII в., еле угадываемый в плотной дымке Везувий — все это сразу же рельефно запечатлевается в памяти. Панораму всего порта Неаполя с моря просто невозможно охватить взглядом. Для этого, очевидно, понадобилось бы подняться в воздух. Но и тогда вряд ли удалось бы разом увидеть весь город. Недаром все его виды на усиленно распространяемых здесь и бесконечных в своем многообразии цветных открытках передают лишь какой-то фрагмент панорамы города. Авторов открыток можно понять: зачем ослеплять блеском целой горы бриллиантов, когда спокойное разглядывание каждого из них доставляет не меньшее удовольствие?

Древние греки были правы, когда говорили, что один вид залива, у которого возник Неаполь, действует умиротворяюще и успокаивающе. В самом деле, бескрайнее море, широко раскинувшийся город, вздымающийся на противоположной стороне залива силуэт вулкана создают ощущение вечного и неколебимого величия, которо-

Неаполь. Современные кварталы

му чужды все мелкое и преходящее. Добавьте к этому по-особому щедрое в Неаполе и всюду проникающее солнце, густой замес смеющихся южных красок, шум большого промышленного города, по-современному сумасшедшую суету транспорта, в сравнении с которым сами неаполитанцы на редкость спокойны и неторопливы, обилие реклам и вывесок, торчащие кое-где над городом «среднего роста» высотные билдинги — и вы получите некоторое (и только!) представление о впечатлении, производимом Неаполем на всех впервые его увидевших. Очевидно, невозможно, да и не нужно подробно излагать то, что можно прочесть о знаменитом городе, многократно воспетом поэтами, художниками и композиторами, городе, оставлявшем неизгладимый след в памяти всех посещавших его — от француза Ламартина до норвежца Ибсена. Для великих творцов и просто для профессионалов искусства Неаполь всегда был своего рода Меккой. Недаром Гете, подобно древнему паломнику, воскликнул: «Можно увидеть Неаполь и умереть!»

Вероятно, в наши дни подобная крайняя степень восхищения вряд ли уместна. Неаполь сегодня — это в первую очередь огромный индустриальный массив со всеми печальными для экологии последствиями. Тот же смог, который мы впервые увидели над Стамбулом, еще больше отравляет воздух Неаполя и в какой-то степени мешает любоваться его видами. Достаточно сказать, что за те несколько дней, когда наш теплоход стоял в местном порту, мы не столько видели, сколько... угадывали очертания Везувия, да и то лишь в определенное время. Естественно, в полуторамиллионном городе, третьем в Италии по численности населения (после Милана и Рима), существует множество прочих острых социальных проблем, среди которых экологические далеко не на первом месте. Некоторое представление о них мы получили во время посещения автозавода Альфа-Суд под Неаполем. Здесь 16 тыс. рабочих и служащих этого государственного предприятия проводили своеобразную забастовку, выходя на работу лишь на 3 часа в сутки. Их требования — модернизировать производство и увеличить капиталовложения, с тем чтобы в перспективе расширить выпуск продукции и в конечном счете число занятых на заводе, что дало бы возможность избежать планировавшихся администрацией сокращений.

Проблема занятости — одна из главных, если не самая главная ныне на юге Италии. Правда, область Кампания, центром которой является Неаполь, экономически наиболее развита из южных областей и не идет в сравнение с Калабрией и Сицилией, поставляющими основную часть итальянской трудовой эмиграции в страны Западной Европы. Однако и в Неаполе, как сказал наш гид Бруно, 150 тыс. безработных, т. е. почти 10% населения. Фактически же их, очевидно, больше, так как в «большом Неаполе», включающем пригороды, ныне живут около 3 млн. человек (примерно $\frac{2}{3}$ всех жителей Кампании), а безработных в пригородах по крайней мере не меньше, чем в собственно Неаполе. Проезжая через некоторые из этих районов (Кармина, Сан-Джованни), даже не обозначенные на туристских схемах, несмотря на их значительную протяженность, мы видели бедные или уныло казенные дома рабочих кварталов, неказистые глухие стены складов и мелких предприятий, ощущали запах гари и копоти. Дым, ва-

Рим. Площадь Испании

ливший из многочисленных в Неаполе фабричных труб, убеждал в том, что вполне деревенским огородам, еще сохранившимся перед некоторыми домами, осталось существовать совсем недолго. Этот Неаполь в отличие от блестяще-суетливого центра никак нельзя было назвать «городом миллионеров»! Некоторые из рабочих предместий возникли совсем недавно. Например, завод Альфа-Суд выстроен всего семь лет назад в сугубо аграрном поселке Памильяно, где, как нам сказали, именно после этого «впервые появились рабочий класс и профсоюзы». Ныне здесь 960 коммунистов, состоящих только в заводской организации компартии, и немало их товарищей, работающих в ячейках партии по месту жительства.

Неаполь — это прежде всего Италия и главным образом Италия, ее вчерашний, сегодняшний и в какой-то степени завтрашний день. Хотя рекламные проспекты и уверяют в том, что «никакой другой город мира не владеет столь разнообразной гаммой архитектурных

Колизей. Вид изнутри

эпох, так живописно наслаивавшихся одна на другую», вся эта «гамма» вполне укладывается в амплитуду Возрождение — современность. При этом Неаполь в известной мере более современен в архитектурном отношении, чем Рим или Флоренция, где абсолютно доминирует, эстетически и пространственно, зодчество эпохи Возрождения, а все остальное либо портит впечатление, либо заведомо остается в тени. Конечно, в этом городе туристов есть здания и даже кварталы, являющиеся, скорее, музейными экспонатами. Но, пожалуй, этот рекламно-музейный «Неаполь для туристов» вовсе не заслоняет сегодня бурлящего и динамичного «Неаполя для неаполитанцев». Современная жизнь с ее напряженным ритмом, техницизмом и рационализмом, современная архитектура как богатых, так и бедных районов, современность (даже новомодность) в одежде и отношениях определяют сегодня лицо города.

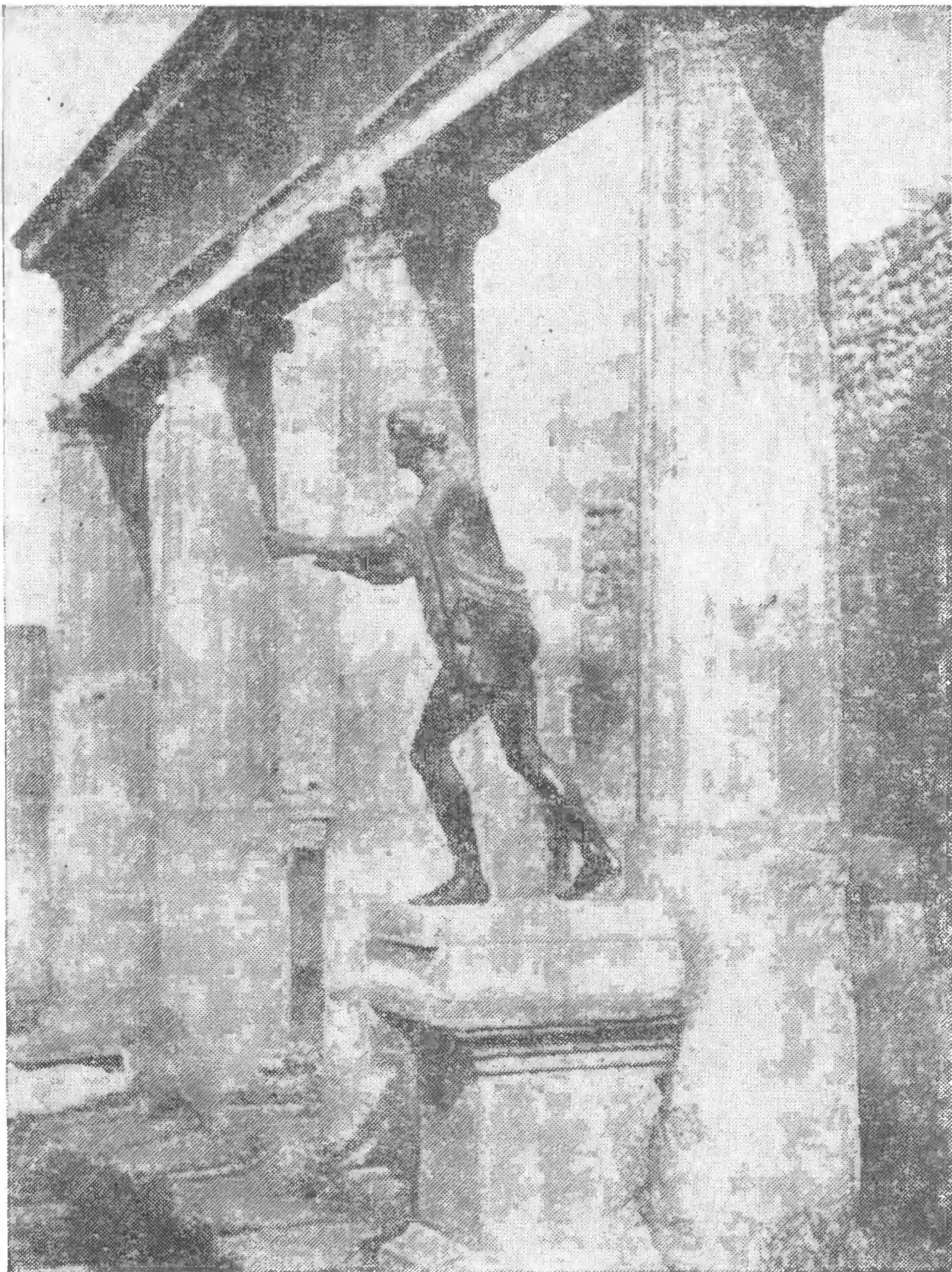
На первый взгляд кажется, что в Неаполе, как

нигде за все время нашего путешествия, мы столкнулись с Европой, и только с ней, вернее, с жизнью европейского Запада, с его проблемами и особенностями, характерными чертами и мироощущением, достоинствами и слабостями. Это бросалось в глаза при столкновении с повседневной жизнью на улицах города, при осмотре упоминавшегося выше автозавода Альфа-Суд, в беседах с гидом и другими неаполитанцами, особенно с работавшей некоторое время с нашей группой студенткой Сильваной, изучающей русский язык в местном университете.

Даже обращение к прошлому убеждало в этом. В национальном археологическом музее (начало которому было положено еще в XIII в. коллекциями королевы Елизаветы Анжуйской) собраны различные предметы, ларцы, статуэтки, музыкальные инструменты из погибших при извержении Везувия древнеримских городов Помпеи, Геркуланум и Стабия. Немало здесь римских копий, а также греческих оригиналов, античных скульптур Аполлона, Геракла, Гермеса. Еще более сильное впечатление в этом плане производит знакомство с руинами Помпей, рассказ о которых мог бы стать основой совершенно особого повествования. Ограничусь лишь цитированием одной, представляющейся мне теперь, после визита в Помпеи, особенно верной фразы из блестящего рассказа об этих замечательных руинах-памятниках С. Л. Утченко, многократно их осматривавшего: «Помпеи — лучшее и наиболее убедительное доказательство того, что в истории человеческого общества — как, кстати сказать, и в природе — ничто не умирает, не исчезает бесследно» *.

Если это утверждение верно, то в Неаполе просто не могли исчезнуть следы имевшихся в его истории контактов с Востоком. Некоторые из этих следов можно обнаружить в археологическом музее Неаполя, хотя он и посвящен целиком античности. Неаполь был основан древними греками («Неаполис» — по-гречески «новый город») на месте их прежней колонии Партенопеи в 600 г. до н. э. (здесь есть руины греческих построек V в. до н. э.). На окружавшей его территории непрерывно происходила борьба греков с этрусками и союз-

* С. Л. Утченко. Глазами историка, с. 158.

Аполлон в Помпеях

никами последних — карфагенянами. Контакты с карфагенянами, очевидно, осуществлялись и позже, после установления в Кампании господства самнитов, а затем римлян. Этому, в частности, должна была способствовать на редкость удобная гавань Неаполя. Связи Кампании с Востоком поддерживались и непосредственно через греков, а затем греко-македонцев. Кстати, именно в музее Неаполя среди вывезенных при раскопках Помпей мозаик и фресок на видном месте выставлена известная еще по нашим школьным учебникам картина с изображением битвы между Александром Македонским и персидским царем Дарием. Это поздняя римская копия греческого оригинала, но самого оригинала теперь нигде нет.

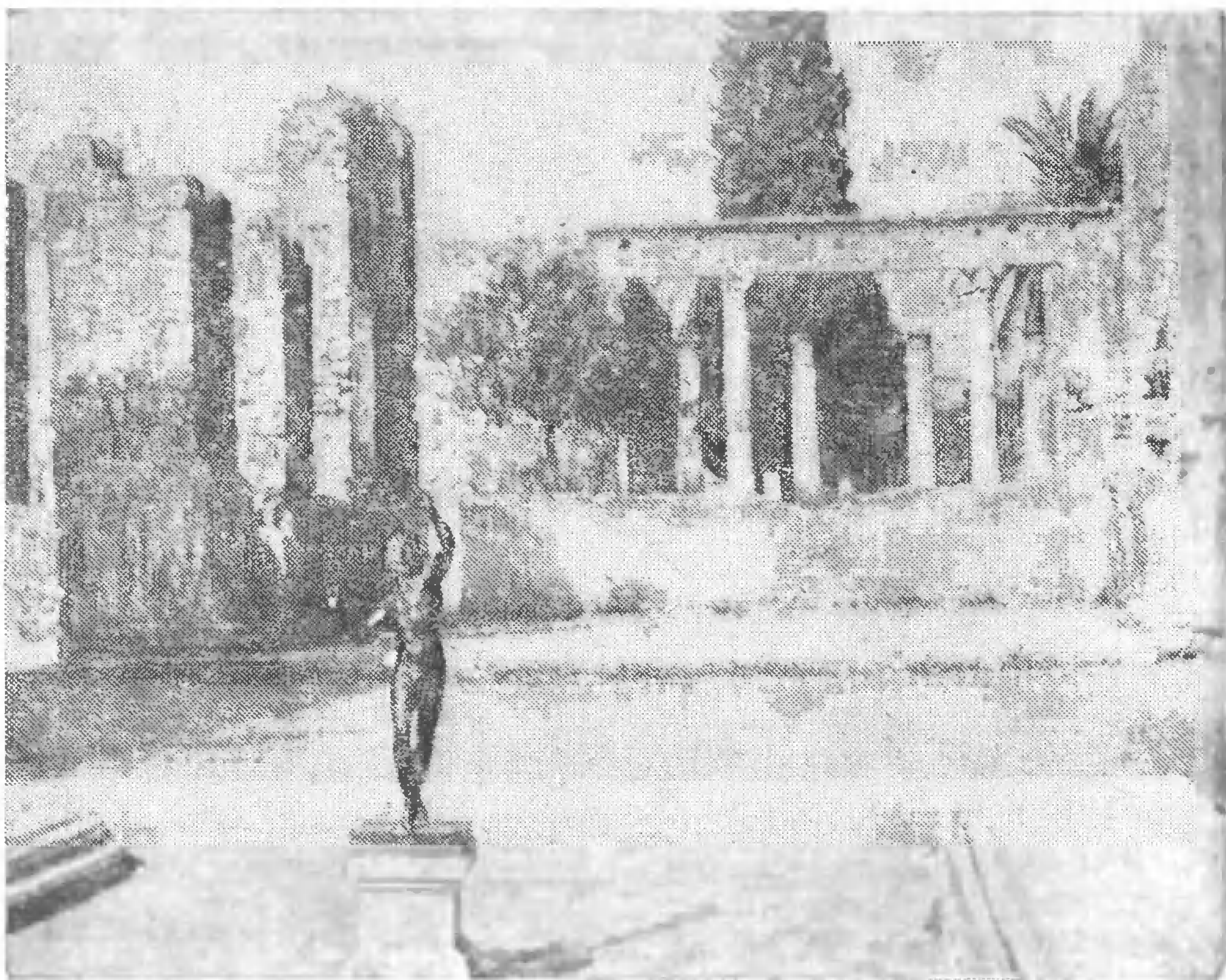
В Неаполе улицы и площади называются главным образом в честь тех или иных видных государственных деятелей, поэтов и национальных героев. Здесь есть площадь и проспект Гарибальди (который взятием Неаполя в 1860 г. разом завершил свой самый известный революционный поход, ликвидацию Неаполитанского королевства и объединение Италии), площади Мадзини, Данте, Беллини, главы неаполитанских карбонариев генерала Пепе, улицы Микеланджело и Торквато Тассо. Однако некоторые места города связаны своими названиями с Капуей — древней этрусской колонией, располагавшейся недалеко от Неаполя, оказывавшей римлянам упорное сопротивление и даже перешедшей на сторону Карфагена после разгрома римлян Ганнибалом. В Неаполе есть старые Капуанские ворота, Капуанский замок и т. д. Во времена римского господства Капуя была известна школой гладиаторов (доспехи гладиаторов нам показывали в национальном музее). В Капуе началось восстание Спартака — самое грозное и самое интернациональное из всех восстаний рабов в древнем Риме (среди восставших были представители почти всех покоренных Римом народов, в том числе уроженцы Африки и Азии).

У самого национального музея на площадь Кавура выходит улица Константинополя. Она явно получила свое название в византийские времена, когда в VI—IX вв. город, фактически сохранявший независимость, формально находился под властью Византии. Много позже неаполитанские короли поддерживали самые

разные отношения с Византией: то устанавливали родственные связи, а то и не прочь были что-либо у византийцев отнять вооруженной рукой. Тем не менее само название улицы говорит о давних связях Неаполя с Востоком.

Еще более напоминает об этом небольшая улица Медина, затерявшаяся и почти не обращающая на себя внимания рядом с большой площадью Муничипио, недалеко от порта. На площади расположены привлекающие туристов муниципалитет, Анжуйский колосс и памятник королю Виктору Эммануилу II, формально считающемуся объединителем Италии, хотя всем известно, что объединил Италию Гарибальди. На улице Медина никаких достопримечательностей нет, но само ее название привлекает внимание. «Медина» означает по-арабски «город». Расположена эта улица как раз в старой части Неаполя. И хотя она в общем ничем не выделяется из прочих «средненеаполитанских» улиц, можно предположить, что ее название если и не обозначает места проживания арабов в средневековом Неаполе, то, во всяком случае, восходит к тем временам, когда у них здесь была постоянная резиденция.

Арабы впервые появились под Неаполем в 812 г., подвергнув разгрому близлежащий о-в Искья. Затем они продолжали свои нападения на Неаполь или окружающие его города (например, Салерно), заставив некоторые из них, в частности процветавшую тогда купеческую республику Амальфи (да и сам Неаполь в 838 г.), вступить с ними в союз. Набеги продолжались до 916 г., а в последующие 300 с лишним лет арабы приходили в Неаполь либо в составе флота Фатимидов, удерживавших до середины XI в. Сицилию и часть юга Италии, либо в составе армий владевших городом норманнов или швабов. Таким образом, Неаполь примерно в течение почти пяти веков видел арабские войска у своих стен или даже в составе своего гарнизона. Помимо воинов в городе постоянно бывали и арабы-купцы. Ближайший сосед Неаполя — Амальфи — вел оживленную торговлю с Тунисом, Египтом и Сирией, одним из первых среди городов Италии проложив путь в арабский мир. А в 1139 г. Неаполь, присоединенный к Сицилийскому королевству, стал жить по тем же порядкам, которые приняты были в Сицилии и которые преду-

Вакх в Помпеях

сма тривали свободное проживание арабов в городах королевства.

В прилегающем к порту Неаполя квартале Сан-Фердинандо, на бывшей Королевской площади, ныне площади Плебисцита (имеется в виду плебисцит 1946 г., покончивший в Италии с монархией), по фронту бывшего королевского дворца (теперь — Национальной библиотеки) стоят статуи наиболее известных королей Неаполя. Первая из них — скульптура могучего викинга с длинными усами и волосами до плеч, в почти древнерусской кольчуге и варяжском шлеме, внешне похожего на Рюрика из дореволюционного учебника по истории России. Это Рожер Язычник, основатель Сицилийского королевства. При нем Неаполь перестал быть автономным княжеством и впервые стал частью феодальной монархии. Рядом с ним — несколько более условный и менее суровый германский рыцарь в традиционных доспехах и с гордо поднятым забралом. Это внук Рожера, король Фридрих II Гогенштауфен, назы-

ваемый в Италии Швабом как по происхождению его династии, так и для того чтобы отличить его от императора Фридриха Барбароссы, другого знаменитого деда короля Фридриха, иногда еще называемого Сицилийским. Очевидно, нельзя считать случайным, что неаполитанцы первыми из своих королей чтили именно этих «крещеных султанов Сицилии». Они оставили наибольший след в истории Италии и всего Средиземноморья, и не в последнюю очередь благодаря тому, что в их царствование были наиболее прочны и плодотворны связи южной Италии с Востоком.

О Рожере и вообще о норманнах выше говорилось вполне достаточно. Хотелось бы лишь добавить, что норманнские короли Сицилии и Неаполя интенсивно поддерживали связи с Востоком еще и ввиду своих родственных отношений с династиями правителей христианских государств, созданных крестоносцами в Сирии и Палестине. Основателем династии принцев Антиохии (1099—1268) был Боэмунд Тарентский, двоюродный брат Рожера Язычника. Потомки Боэмунда в 1187—1287 гг. были одновременно и графами Триполи (после правившей здесь ранее тулузской династии Раймунда де Сен-Жиль), а также состояли в родстве с латинскими королями Иерусалима (1100—1225). Таким образом, семейные и династические интересы, кроме, конечно, военных и экономических, поддерживали постоянное внимание сицилийских норманнов не только к близлежащим арабским странам Магриба, но и к более далекому восточному берегу Средиземноморья. Судя по всему, духовные и кровные узы с властителями крестоносцев сказывались на южноитальянских норманнах, которые все свои войны с мусульманами рассматривали, помимо всего прочего, и как религиозные. Даже король Рожер, отличавшийся в этом вопросе широтой взглядов и свободомыслием, в конце жизни попал под влияние церковников и устроил первое в Сицилии публичное сожжение на костре человека, обвиненного в вероотступничестве.

Следующий известный сицилийско-неаполитанский король — Фридрих Шваб — был одновременно императором Германии (с 1212 г.), а также еще королем Иерусалима (1229—1239) после брака с Иоландой, правнучкой латино-иерусалимского монарха Амори I и ви-

зантийской принцессы Марии Комнин. Свой титул этот второй из «крещеных султанов Сицилии», вольнодумец и любитель всего восточного, воспринимал так серьезно, что даже сумел получить обратно Иерусалим в 1229 г. у владевших городом египетских султанов Айюбидов (окончательно Иерусалим был утрачен в 1244 г., когда в результате шестого крестового похода был разрушен мир, заключенный Фридрихом с мусульманами). Впоследствии титул иерусалимского короля он передал своему сыну и внуку. Впрочем, «антисарацинское» рвение Фридриха ему мало помогло. Он умер официально низложенным (но не фактически) и отлученным от церкви именно за то, что не был «крепок» в отстаивании веры истинной, а вернее, за нежелание подчиняться диктату римских пап.

В памяти неаполитанцев Фридрих оставил добрый след, основав в 1224 г. Неаполитанский университет, один из старейших в Европе. Сейчас в нем учится несколько десятков тысяч студентов. Сам Фридрих отличался редкой для монархов того времени образованностью, владел несколькими языками и написал трактат «Об искусстве охотиться с птицами». Его политика, в том числе по отношению к арабским соседям, отличалась трезвым реализмом. С 1239 г. он установил, например, консульские отношения с государством Хафсидов в Магрибе (это государство признавали также Арагон, Венеция, Генуя и Пиза). При нем была продолжена практика своего рода «мирного сосуществования» с Магрибом, которая постепенно установилась вскоре после вытеснения норманнов из Туниса в 1160 г. Хафсиды платили дань норманнам, а затем Гогенштауфенам, чтобы, по словам французского историка Шарля-Андре Жюльена, «обезопасить себя от сицилийских пиратов и свободно продавать зерно в портах острова». Стоит напомнить, что подобный компромисс, действовавший и при преемниках Фридриха, осуществлялся в обстановке роста религиозного фанатизма как в Европе, так и на Востоке вследствие взаимного ожесточения крестоносцев и отбивавшихся от них мусульман.

Третий король, статуя которого украшает фронтон бывшего дворца владык Неаполя, выглядит менее внушительно, чем первые два. Это тоже рыцарь в средневековом панцире, но более изящный; его фигура слегка

откинулась назад, как бы выражая крайнее удивление. Единственный из всех, он увенчан короной. Это Карл Анжуйский, брат французского короля Людовика Святого, ставший сицилийским королем в 1266 г. и перенесший столицу королевства в Неаполь. Основанная им династия правила до 1442 г. и находилась в родстве с королями Англии, Франции, Венгрии и Иерусалимского королевства. Это определило неуемность международных амбиций Карла, претендовавшего на восстановление Латинской империи крестоносцев в Константинополе и Иерусалимского королевства, от которого к тому времени в руках западноевропейских рыцарей оставалось лишь несколько прибрежных городов и замков. Однако воевать Карлу Анжуйскому пришлось в основном с последними Гогенштауфенами, а затем с тунисскими Хафсидами, которые отказались платить ему дань и приняли бежавших из Сицилии политических противников нового короля, организовавших ряд налетов из Туниса на Сицилию. В связи с этим Карл Анжуйский принял участие в походе Людовика Святого в Тунис в 1270 г. (официально — в восьмом крестовом походе) и после смерти брата заключил мир с хафсидским правителем Абу Абдаллахом аль-Мустансиром, по которому Хафсиды обязались выплачивать ему вдвое больше дани, чем они платили Гогенштауфенам.

Несмотря на заключение мира, условия которого обе стороны в основном соблюдали, Магриб послужил плацдармом для врагов Карла Анжуйского. Воспользовавшись междоусобицей среди Хафсидов, арагонский король Педро III при поддержке одного из претендентов на трон государства Хафсидов обосновался со своей армией на п-ове Колло в Кабилии (на территории нынешнего Алжира) и в 1282 г. высадился в Сицилии, вмешавшись в борьбу сицилийцев против насажденных Анжуйской династией французских феодалов. Эта борьба, начатая знаменитым восстанием, известным в истории под именем «Сицилийская вечерня», в дальнейшем вылилась в длительную 20-летнюю войну, в ходе которой Сицилия, попав под власть Арагона, окончательно отделилась от королевства (и оно стало называться уже не Сицилийским, а Неаполитанским).

Характерно, что продолжавшие периодически воевать до 1372 г. преемники Карла Анжуйского в Неаполе

и арагонские правители Сицилии активно вмешивались и в дела Магриба, поддерживая там враждовавшие друг с другом группировки. Так, например, если «законные» Хафсиды сохраняли в основном неплохие отношения с Неаполем, то арагонцы из Сицилии неоднократно нападали на Тунис, на длительный срок захватывали принадлежавшие ему острова (например, Джербу в 1284—1335 гг.), помогали авантюре Ибн аль-Лихьяни, узурпировавшего в 1311—1318 гг. власть в Тунисе и Триполи.

Очевидно, к этому времени контакты между Неаполем и арабами начинают слабеть: в 1291 г. утрачены последние опорные пункты крестоносцев в Сирии и Палестине, а в 1307 г. папа Климент V запретил всякую торговлю с мусульманами. Запрет этот, конечно, нарушался, но главным образом венецианскими и генуэзскими купцами. К тому же с XIII в. Европа начинает выходить вперед в кораблестроении и превосходить арабов и по военному, и по торговому флоту. Вследствие этого арабам западного Средиземноморья приходится страдать от европейского, в основном генуэзско-каталонского, корсарства не меньше, если не больше, чем югу Европы от мусульманского каперства. В связи с этим алжиро-тунисское «варварийское корсарство» XIV в., по мнению некоторых историков, «было реакцией на возрождение христианского пиратства». Арагонцы, всячески поощрявшие контролировавшихся ими каталонских пиратов, организовывали ответные контрналеты: в 1390 г. (совместно с Генуей и Францией) — на столицу Туниса, в 1399 г. — на Бон (ныне — Аннаба в Алжире).

В 1442 г. Альфонсо Арагонский объединил под своей властью Сицилию и Неаполитанское королевство, сделав Неаполь своей главной резиденцией. Статуя этого короля также стоит на площади Плебисцита, ничем примечательным не выделяясь, кроме недовольного и предельно надменного выражения лица. В истории он получил прозвище Великодушный за то, что принимал у себя многих ученых, литераторов и живописцев, бежавших из захваченного турками Константинополя. Но этим внимание Великодушного к восточным проблемам не ограничивалось. Альфонсо еще до присоединения Неаполя успел дважды опустошить территорию

Магриба, напав с арагоно-сицилийским флотом в 1424 г. на о-ва Керкена, а в 1432 г. на о-в Джерба. И все это не мешало тому, что с XIV в. арагонские купцы, в том числе сицилийские (а позже, очевидно, и неаполитанские) подданные Арагона, наряду с купцами Венеции, Генуи, Флоренции и Пизы имели своих консулов и фундуки (гостинные дворы со складами товаров) на той же Джербе, в Тунисе (Сфаксе и Габесе) и Алжире (в портах Бон и Бужи, хотя последний был основной базой «варварийских пиратов» в государстве Хафсидов). Эта своеобразная смена торговли войной, а войны торговлей была так же характерна для отношений южной Италии с Магрибом при Альфонсо и его преемниках, как и при его предшественниках.

Таким образом, четыре самых выдающихся короля Неаполя, несмотря на разницу времени и методов их правления, их вкусов и склонностей, так или иначе были связаны многообразными — когда враждебными, а когда и дружественными — отношениями с арабским миром. Характерно, что все они, будучи иноземцами в Неаполе, — скандинав, немец, француз и испанец — не могли не считаться с заинтересованностью неаполитанцев в делах их арабских соседей и прежде всего магрибинцев. Своеобразная сцепленность истории южной Италии и Северной Африки, уходящая корнями еще в греко-карфагенское и римско-карфагенское соперничество, усилившись в период арабской гегемонии в Средиземноморье, получила свое дальнейшее выражение при норманнах, гибеллинах, анжуйцах и арагонцах.

Альфонсо Арагонский был первым монархом, принявшим титул «короля обеих Сицилий». Но после его смерти (1458 г.) Неаполитанское королевство и Сицилия вновь разъединились. Тем не менее с 1504 г. они снова вместе оказались в составе владений Испании. С тех пор разрыв между ними если и случался, то не был продолжительным (например, в 1714—1720 гг., когда Неаполь принадлежал австрийским Габсбургам, а Сицилия Савойской династии герцогов Пьемонта, будущих королей Сардинии, а впоследствии и всей Италии). В 1735 г. (формально — с 1748 г.) было восстановлено независимое королевство обеих Сицилий под эгидой испанской ветви династии Бурбонов. Все это

предопределило значительное сходство социально-экономической и прочей жизни Сицилии и юга континентальной Италии.

Различие между ними заключалось помимо некоторых частных особенностей лишь в большей отдаленности собственно неаполитанской территории от Магриба и Востока вообще, а также в присутствии в Неаполе французского влияния. Если на Сицилии французские феодалы были практически истреблены в 1282 г., то в Неаполе почти 200 лет анжуйского правления не прошли бесследно. В XIV в. эта итальянская земля представляла собой испанскую провинцию с частично французской по происхождению аристократией, что получило отражение даже в художественной литературе. Достаточно вспомнить Лопе де Вега, героиня пьесы которого «Собака на сене» графиня Диана жила в Неаполе и носила французскую фамилию (де Бель-Флер). Французский элемент не мог не усилиться и за более чем вековое правление Бурбонов (1735—1860), французов по происхождению, и тем более за кратковременный период существования Неаполитанского королевства (1806—1815), фактически зависимого от наполеоновской Франции.

Если снова вернуться на площадь Плебисцита и окинуть взглядом навсегда застывшие в памяти неаполитанцев королевские статуи, то среди замыкающих этот ряд довольно ординарных фигур обратит на себя внимание импозантный красавец в маршальском мундире и высокой треуголке, лихо надвинутой на выставленный вперед лоб. Это Иоахим Мюрат, маршал и зять Наполеона, семь лет пробывший в Неаполе в качестве «короля Джоакино», после того как Наполеону, сначала посадившему на неаполитанский престол своего брата Жозефа, угодно было сделать Жозефа королем Испании. Именно при Мюрате в Неаполитанском королевстве началось движение революционеров-карбонариев, которое он тщетно пытался сначала подавить, а затем поставить себе на службу. При жизни Мюрат не был популярен среди неаполитанцев, но после того как он был расстрелян ненавистным народу правительством Фердинанда Бурбона, он эту популярность наконец обрел. Кроме того, само его имя как бы привнесло в историю Неаполя отблеск славы Бонапарта. Очевидно,

поэтому неаполитанцы и решили увековечить память «короля Джоакино», считая его по крайней мере не хуже прочих своих королей.

Французское влияние в Неаполе на протяжении средних веков и нового времени еще раз напоминает об определенном единстве истории Средиземноморья и тесной связи проходивших в его пределах экономических, политических, социальных и культурно-этнических процессов. В данной книге речь идет не о том, чтобы любой ценой везде и всюду отыскать влияние Востока или следы его взаимодействия с Европой, а о другом — увидеть, что это влияние и это взаимодействие представляют собой органические составные части отмеченного выше единства средиземноморской истории.

В эпоху испанского владычества в Италии и на Сицилии бесконечные войны (с французами, арабами, турками) сопровождалась экспансией испанцев в Магрибе, захватом прибрежных городов в Алжире (откуда они ушли лишь к концу XVIII в.) и Марокко (откуда они не ушли до сих пор), оккупацией Туниса и почти полувековой борьбой за него с турками. В этой борьбе погибла династия Хафсидов. Предпоследнего ее представителя, Ахмеда, испанцы выслали на Сицилию, посадив вместо него в 1573 г. его брата Мухаммеда, которого в 1574 г., в свою очередь, свергли и выслали в Константинополь окончательно захватившие Тунис турки. Господство турецкого флота, установившееся к этому времени в Средиземноморье, привело к новому усилению мусульманского пиратства. Иногда пустели целые города (например, разграбленное Драгутом Реджо в Калабрии в 1588 г.), жителей которых уводили в плен и обращали в рабство.

Однако в данном случае порабощение далеко не всегда было однозначно, суля только страдания, унижение и смерть. Оно имело и другие перспективы, каковыми многие из плененных спешили воспользоваться. Именно из них, захваченных пиратами жителей Сицилии, Сардинии, Калабрии и других бедных областей южной Италии (а также остальной Европы), формировалась ударная сила магрибинских корсаров в эпоху османской гегемонии. Пленники, будучи рабами и гребцами на галерах, становились свободными, переходя в ислам, и обычно их охотно принимали в таифу (кор-

порацию корсаров) Алжира, так как они хорошо знали средиземноморское побережье Европы. Из таких «рenegатов» состояла почти вся таифа. Нередко и среди правителей Алжира оказывались «рenegаты», подобные калабрийцу Ульдж Али и другим выходцам из итальянских земель: Али Сардо, Хасану Венециано, Хусейну Меццоморто, сардинцу Рамадану. Янычарская пехота, присылавшаяся в Алжир из Турции (в Алжире их называли «анатолийскими быками»), обычно уступала по численности этим бывшим европейцам. Например, в 1540 г. в гарнизоне г. Алжира их было 1400 человек, а янычар всего 800. Кстати, янычар в Турции тоже набирали в основном из детей христиан, отнятых в возрасте 13 лет у родителей и воспитанных по-мусульмански, и они были не столько турки по рождению, сколько «турки по профессии».

Географическая, историческая и иная близость юга Италии к Магрибу оборачивалась в ряде случаев сходством экономическим и даже социальным, особенно на Сицилии, где архаичные формы феодальных порядков, существование тайных обществ, полувосточные нравы и обычаи, чудовищный деспотизм пришлых иноземных угнетателей накладывали свою печать на всю жизнь народа. Недаром некоторые современные зарубежные востоковеды считают, что, скажем, Алжир в 1830 г. в целом жил не хуже «Испании, Греции и Сицилии того времени». Однако подобное сходство — не всегда доказательство взаимосвязи и взаимовлияния. В данном же случае доказательством служит фактическая непрерывность контактов юга Италии (да и всей Европы) с Востоком в той или иной форме, в том числе в конфликтной, а также неиссякаемый в Италии интерес к своим заморским соседям.

Это наблюдалось и после прекращения войн и столкновений, упадка корсарства в XVIII в. и ликвидации всех его негативных последствий. Даже сюжеты произведений итальянской литературы и музыки, в частности в начале прошлого века (особенно известны в этом плане оперы Россини «Итальянка в Алжире» и «Турок в Италии»), свидетельствуют о прочности этого интереса. Периодически он подогревался и некоторыми политическими событиями. Так, в 1830 г. французы, захватив Алжир, выслали из страны последнего дея,

Хусейна, который нашел себе прибежище в Неаполе. В свою очередь, в Тунисе дважды, в 1835 и 1848 гг., оказывался национальный герой Италии и вождь борцов за ее объединение Джузеппе Гарибальди. Неаполитанцы и сицилийцы в эти же годы стали переселяться в Магриб.

В начале колониальной экспансии Европы именно с юга Италии и Испании, политически и экономически не пытавшихся тягаться с крупными империалистическими державами, хлынула в арабские страны Африки волна эмигрантов, составивших значительную часть низовой базы переселенческой колонизации. В середине прошлого века в Алжире, например, было уже около 9 тыс. итальянцев и столько же мальтийцев. А еще через 30 лет известный русский ученый П. А. Чихачев проезжал по восточному побережью Алжира сквозь сплошные, как он выразился, «генуэзско-неаполитанские» деревни, которые вели оживленную торговлю с Неаполем и Ливорно. Еще больше итальянцев жило в Тунисе, где они и после установления протектората Франции продолжали раза в три по численности превосходить французов. В 20-х годах нашего века их насчитывалось здесь почти 100 тыс.

Итальянские эмигранты в странах Магриба в массе своей были вовсе не колонизаторами, а неимущими бедняками, «лишними людьми», покинувшими родную землю. Но внутри их общин наблюдалась дифференциация. Если среди итальянцев Туниса преобладали сицилийцы, то среди итальянцев Алжира тон задавали уроженцы несколько более богатых областей, например Тосканы и Неаполя. Внуком неаполитанского рыбака был один из богатейших коммерсантов и судовладельцев Алжира накануне революции 1954 г. — Лоран Скьяффино. Таким образом, даже на чужбину переносились исторические различия между итальянскими областями.

И хотя после достижения странами Магриба независимости в Италию не хлынул обратный поток колонистов (как во Францию и на Корсику), так как большинство итальянцев Магриба ассимилировались, став либо французскими гражданами, либо (гораздо реже) гражданами Алжира, Туниса и Ливии, все же связь с соотечественниками за морем сохранилась до настоящего времени. Не случайно Италия и в области изу-

чения стран Магриба занимает в Европе одно из ведущих мест. А некоторые из магрибинских итальянцев известны сейчас не только в Италии, но и за ее пределами, например знаменитая киноактриса Клаудиа Кардинале, родившаяся в Тунисе.

Остается последний вопрос: как сами неаполитанцы относятся к давним традициям связей с Востоком, что они думают об этом? Неаполитанский гид Бруно откровенно сказал, что жизнь в Неаполе — «нечто среднее между европейской и восточной по своим традициям». Конечно, за те несколько дней, которые мы провели в Неаполе, лично удостовериться в правильности этой оценки очень трудно. Тем более что некоторые сообщавшиеся нам сведения, как оказалось, были неточны. Например, мы в первый же день слышали, что в Неаполе и вообще на юге Италии женщины, как правило, не заняты на производстве и что вообще работающая вне дома женщина типична лишь для севера Италии. Однако на заводе Альфа-Суд, где мы побывали, работали 350 женщин. Их, правда, совсем не было в цехах, а среди 3 тыс. конторских служащих они составляли чуть больше $1/10$. Но факт остается фактом: даже на юг проникают «северные нравы», подтачивающие местные устои. То, что было правилом еще вчера, сегодня уже под вопросом.

Традиции связей с Востоком ныне не являются проявлением какого-либо консерватизма или отсталости, тем более бытовых особенностей. Было бы странно, если бы они здесь сохранились, в то время как Восток от них освобождается или почти освободился. Правильнее будет определить, продолжается ли отмечавшаяся ранее сцепленность истории юга Италии и севера Африки и если продолжается, то в чем выражается? Ответ на это заключен уже в самой повседневности Неаполя — одного из крупнейших портов Италии, через который осуществляется значительная часть торговли страны с арабскими странами и другими государствами Востока и почти весь итальянский экспорт на Африканский континент. В частности, в Африку вывозится немалая часть продукции и завода Альфа-Суд, и множества других заводов Италии. Это и неудивительно: ведь местный порт — второй в Италии по грузообороту. «Неаполь — ворота Италии в Африку», — слышали

мы от Бруно в первый же день пребывания в городе. Слова гида всплывали в памяти каждый раз при взгляде на необъятную панораму порта Неаполя.

Но не только связи, рожденные современной экономикой, следует учесть, когда думаешь о том, в каких формах реализуется сегодня уходящее в глубь веков средиземноморское единство. Мне вспомнились прежде всего молодой алжирский учитель Аззеддину, бегло говоривший по-итальянски (и еще на трех-четыре языках) и предлагавший учиться у него этому языку, и другой алжирец — юный искусствовед, окончивший неаполитанский университет. Вспоминается и беседа в 1973 г. с Ахмедом Акришем. Это был немногословный, но хорошо знающий свое дело (которому он научился, получив образование в Неаполе) преподаватель нового, только еще выстроенного тогда университета в Константине. Даже гид Юсеф (с которым я познакомился в том же году), предпочитавший итальянский язык всем остальным западноевропейским, как бы символизировал духовную связь между народами Алжира и Италии. Именно такие люди, использующие богатство итальянской культуры для создания новой жизни в молодом арабском государстве, в климате, природе и самом облике которого так много от Италии, особенно от Неаполя и Неаполитанского залива, наиболее полно воплощают продолжающееся взаимодействие и взаимовлияние народов, живущих по обе стороны Средиземного моря.

Гавани и флаги

Средиземное море, как никакое другое, исключительно богато удобными гаванями, надежно укрывающими корабли от бурь и штормов. Обилие таких гаваней — одна из причин раннего развития судоходства на средиземноморских путях и, следовательно, раннего развития взаимных контактов, взаимопознания и взаимообогащения народов и цивилизаций Средиземноморья. А от интенсивности и скорости такого взаимообогащения нередко зависели судьбы различных культур и государств. Кто раньше овладевал мастерством и познаниями соседа, иногда очень далекого, тот, как

правило, оказывался наиболее искусственным, разносторонним и в конечном счете наиболее сильным. Вот почему гавани Средиземноморья с незапамятных времен заселялись и улучшались, застраивались и расширялись, всегда будучи предметом острого внимания и особой заботы.

Этот процесс продолжается и сейчас. Нам, в частности, довелось своими глазами увидеть, как расширяется порт Ларнаки, увеличивается его территория, строятся новые причалы. Судя по всему, правительство Кипрской Республики отводит Ларнаке, хотя бы временно, функции ныне занятой турецкими войсками Фамагусты. Модернизация и усовершенствование Ларнакского порта сможет, очевидно, в какой-то мере восполнить утрату Фамагусты, так же как переоборудование и превращение в международный местного аэропорта — утрату международного аэропорта в Никосии. Уже сейчас в Ларнаке принимают корабли различного тоннажа и различных стран, хотя, конечно, этому порту еще очень далеко до самых крупных портов Средиземноморья.

При самом беглом взгляде на любую гавань Средиземного моря бросаются в глаза изощренный вкус и развитое эстетическое чувство средиземноморцев, рожденные великолепными видами родного моря и, как правило, чистого неба, яркими красками южной природы и всюду проникающим в этих краях солнцем, заботливо высвечивающим и выявляющим все мыслимые оттенки этих красок. Усовершенствованные и обогащенные в процессе длительной эволюции и многосторонних связей средиземноморских культур, эти вкус и чувство в немалой степени проявились и в оформлении гаваней и портов, в котором неразрывно слиты природа и искусство, цели сугубо прагматические и чисто художественные. Панорама почти каждого средиземноморского порта поражает именно этим.

Вряд ли есть необходимость что-либо добавлять к уже известным описаниям неповторимой красоты Неаполитанского залива и залива Аяччо на Корсике, воспетого в канцонах Сорренто или врезающейся многими выступами в море бухты Алжира, над которой необозримо гигантским амфитеатром раскинулся самый многоярусный в Средиземноморье город с редким оби-

лием подъемов, спусков, лестниц и террас. Своевременно при этом упомянуть и великолепное полукольцо Лунгомаре (т. е. Приморья) в Триполи, и очень похожую на него нескончаемую набережную в Александрии, акватория порта которой — первая в мире по площади поверхности спокойной воды. Можно немало слов сказать о своеобразной прелести и других прибрежных городов Средиземноморья, в частности о пологом пляже тунисского Габеса, напомнившем мне в свое время нашу Евпаторию, о многолюдном Ороне. Последний издали кажется «маленьким Нью-Йорком» из-за высоко вздымающихся и тесно прижавшихся друг к другу ультрасовременных зданий, а при ближайшем рассмотрении оказывается «обыкновенным Парижем», только несколько провинциальным и потому более гостеприимным. Однако сейчас хотелось бы сказать о другом: ныне облик средиземноморских гаваней во многом определяется не только, так сказать, их «природными данными» и архитектурой построек, но и заходящими в эти гавани кораблями, их флагами и пассажирами.

Вряд ли, например, гавань Неаполя украшает огромный американский авианосец, стоящий на внешнем рейде. Увидев его, начинаешь обращать внимание и на густоту американских флагов в гавани самого порта, и на постоянно шныряющие под этим флагом катера, высаживающие на берег целыми взводами переодевшихся по случаю увольнительной американских моряков в штатском. Нередко у них за спиной туристские рюкзаки, обычно пустые (в городе действуют «черный рынок», рынок контрабандных товаров и немало «барахолок» более мелкого масштаба). Италия — член НАТО, а Неаполь — местопребывание одного из штабов этого блока. В городе Кастелламаре-ди-Стабия, расположенном на побережье Неаполитанского залива, по дороге из Неаполя в Сорренто, обосновалась военноморская база США.

Присутствие иностранцев и даже их обилие сами по себе вовсе не создают впечатления какой-то потери национального лица. Было очень интересно наблюдать за большой группой японских туристов в Сорренто и Помпеях, проявлявших самое непосредственное внимание к истории и культуре Италии, столь далекой от их родины. Но, к сожалению, мы видели и другое. Зна-

менитый на весь мир и известный любителям неаполитанских песен во всех странах городок Сорренто очень нас разочаровал. Привольно раскинувшись в низине меж гор, на круто обрывающемся в море скалистом берегу прихотливо изгибающегося залива, Сорренто поначалу изумляет своей, если можно так выразиться, видовой безукоризненностью: на него откуда ни посмотри — сверху, сбоку, с гор, с моря — всюду красиво. Но если походить по главной улице — Корсо д'Италия — и постоять на главной площади городка, где воздвигнут памятник Торквато Тассо, родившемуся в Сорренто, то становится немного не по себе. Здесь, в центре Италии, рядом с памятником одному из ее всемирно известных поэтов, рядом с монастырем св. Франциска XIII в. (сложная аркада внутреннего дворика которого тут же напоминает об арабском влиянии на сицилийско-неаполитанскую архитектуру времен норманнов и гибеллинов) — ни одной или почти ни одной надписи на итальянском языке. На афишах, на указателях, на вывесках баров, отелей, магазинов, даже газетных киосков — везде сплошное англоязычие.

Город уже давно служит преимущественно местом отдыха. В этом отношении его облюбовала еще древнеримская знать. Приезжали сюда позже Байрон, Вальтер Скотт, многие знаменитые художники, в том числе Кипренский и Айвазовский. Здесь Рихард Вагнер написал своего «Парсифаля». Но ведь ехали-то сюда все знаменитости прежде всего, чтобы посмотреть Италию! А ныне Сорренто — почти не Италия, вернее, та Италия, которая нужна лишь англо-саксонским туристам, всецело приспособлена для их потребностей и вкусов. Для многих миллионеров в Англии и США считается особым шиком иметь виллу в Сорренто. Неудивительно, что почти все 10 тыс. соррентийцев заняты в сфере услуг, хотя городок выстроен, как сказал нам гид, «на плодороднейшей вулканической почве». Расположенный неподалеку Везувий пока спит. Когда он проснется, сказать трудно. Но, судя по обстановке в стране, пробуждается социальный Везувий итальянского общества. А это грозит немалыми неприятностями тем, кто, в сущности, скупает землю Италии, отводя ее под свои военные базы, а также виллы, отели и места для развлечений.

Особым очарованием обладают гавани и порты Греции. Мы долго стояли в порту Пирея, проехали по всему южному побережью прославленной в античную эпоху области Аттики (70 км от Пирея до Коринфа на запад, примерно столько же — до мыса Суньон на юго-восток), а также совсем немного по Пелопоннесу (от Коринфа до Микен — не более 50 км), миновали по дороге на Кипр и Крит ряд островов Эгейского моря. И всюду видели разнообразный, то мелко, то крупно изрезанный берег со множеством бухт, заливов, заливчиков, проливов и прочих удобных укрытий для кораблей. Кажется, что земля древней Эллады, особенно в Аттике, холмистая, каменистая, покрытая вековой пылью (зелень здесь, как сказала наш гид Хрисула, появляется весной, но за лето выгорает), с невысокими малоприветливыми горами, сознательно обрекла себя на аскетическую скудость, чтобы все богатство жизненных проявлений и зрительных впечатлений отдать морю. По-евпаторийски прозрачная морская вода, издали поражающая обилием темных оттенков бирюзы и изумруда, тихо плещется среди крутых откосов, пляжей, поросших мхом камней, вздымающихся из песка скал, над которыми лепятся белые, почти украинские мазанки рыбацких поселков, но гораздо чаще величаво высятся новые отели из бетона и стекла или частные виллы дачных комплексов. От Пирея до Суньона, например, весь «берег Аполлона» представляет собой почти сплошной пляж с тавернами, барами и ночными клубами. Здесь все к услугам туристов, особенно богатых. Везде — лодки, моторки, мотоботы, катера, а в портах — корабли различных классов и объемов.

Греция — страна древнего мореплавания. С незапамятных времен греки плавали в Малую Азию, пользуясь тем, что около 300 островов Эгейского моря находятся в пределах видимости в хорошую погоду и образуют своего рода естественную цепь привалов на большом водном пути. Возможность освоения этих островов и сильная изрезанность побережья материковой Греции (наряду с относительно малым количеством плодородных земель) издревле не могли не привлечь внимания значительной части греков к морю и ко все-

му, что с ним связано. Это внимание не утрачено и по сию пору. Ныне маленькая Греция, по своим экономическим показателям котирующаяся в Европе весьма невысоко, занимает шестое место в мире по тоннажу своего торгового флота. Имена крупнейших в мире судовладельцев — греков по происхождению — Ниархоса и недавно умершего Онассиса — широко (иногда скандально) известны во всех странах. Греческие моряки славятся своим мастерством, корабли под греческим флагом можно встретить во всех частях света, а в гаванях Греции развеваются флаги, пожалуй, всех государств, имеющих свой флот.

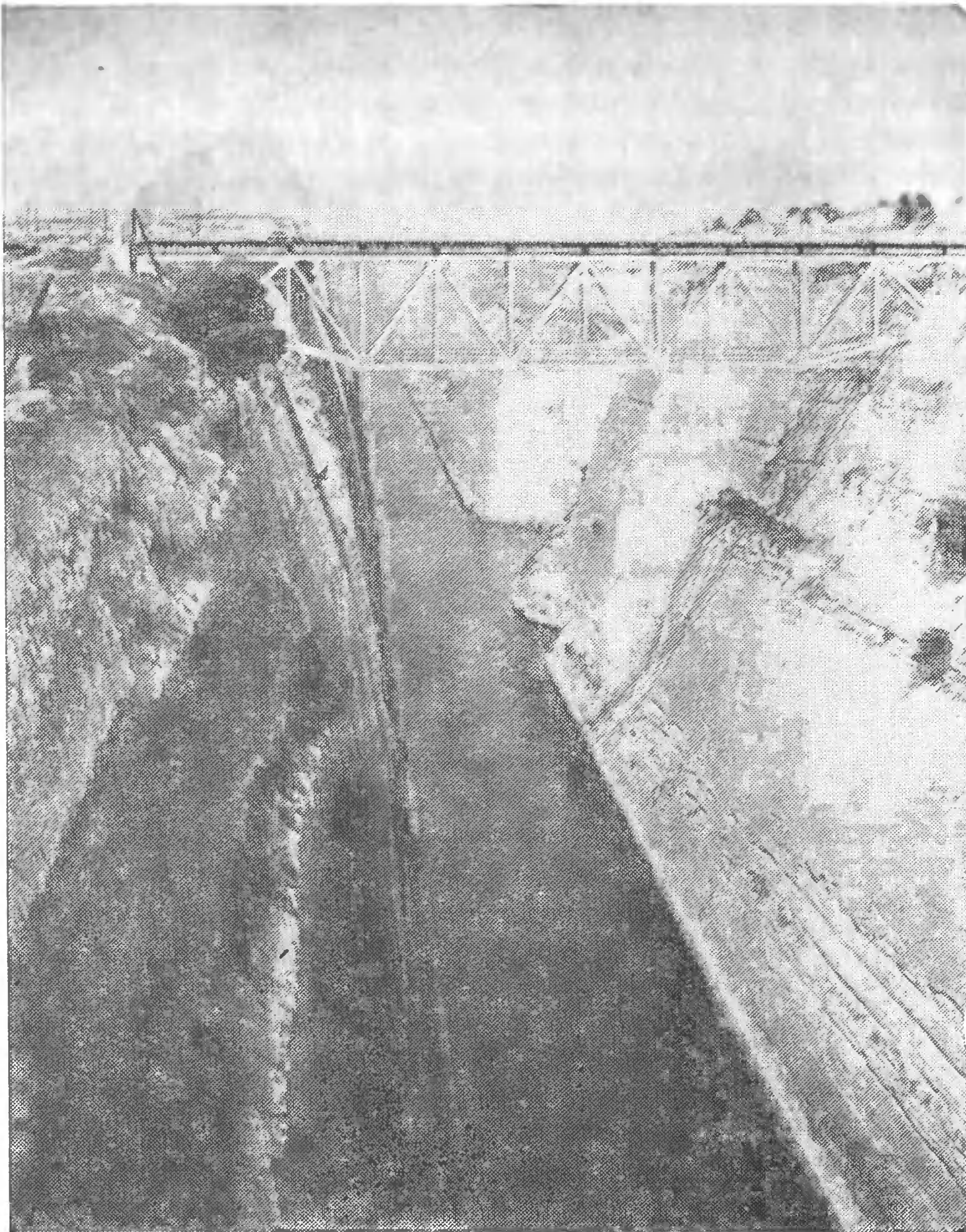
Пирей — не только главный порт Греции, но и один из важнейших портов всего Средиземноморья. Составляя теперь с Афинами фактически одно целое (хотя в административном плане они и разделены), Пирей сегодня — часть главного центра экономики и городской жизни страны, где проживает примерно треть (2,8 млн. из 9 млн.) всего населения Греции и более половины общего числа ее горожан. Поскольку Пирей был последней стоянкой нашего теплохода в Средиземном море, мы сразу же замечали прежде всего то, что уже видели в других портах — от Стамбула до Неаполя. С этими двумя городами Пирей действительно имеет определенное сходство и в архитектуре, и в определенном наклоне к морю прибрежных улиц, и в обилии киосков и сувенирных ларьков в прилегающем к порту квартале. По этим ларькам и киоскам, а также по количеству подозрительного вида личностей, промышляющих меновой торговлей и различного рода сомнительными сделками, Пирей, пожалуй, даже превосходит остальные средиземноморские порты, в которых нам довелось побывать. Больше в нем и других «пороков большого города». В этом самом бедном зеленом из всех виденных в путешествии нами портов воздух меньше заражен промышленными и выхлопными газами, но от воды идет запах какой-то давнишней гнили, на поверхности его густо плавают мусор. Иногда между складскими помещениями мелькает крыса. А на пристани постоянно «дежурит» огромная свора бродячих собак с грустными глазами.

Но это — первые впечатления, которые назойливо застревали в сознании, возможно, ввиду нашей утомлен-

ности от подходившего к концу путешествия и особой придирчивости местных таможенников (пассажиры туристических теплоходов, в сущности, лишь в Греции, в том числе на Крите, подвергаются таможенному контролю при каждом выходе на берег). Приглядевшись, мы оценили и площадь у порта, и памятник Фемистоклу, основавшему Пирей в V в. до н. э., и уютные древние гавани. Отсюда, по преданию, отправлялся на Крит Тесей, отплывали в поход на Трою корабли ахейцев. Здесь же Эгей, думая, что Тесей погиб, бросился в море, принявшее с той поры его имя. Сейчас эти гавани сплошь забиты рыбацкими шаландами и частными яхтами, в том числе парусными. Одна из гаваней — Зея — может принять на стоянку до 400 яхт. Таким образом, Пирей не только используется как коммерческий порт, но и служит развитию туризма, для которого в Греции приспособляется буквально все. Эта относительно небольшая страна с далеко не идеальными природными условиями и в целом небогатыми недрами, со сравнительно малочисленным (и в древности, и в настоящее время) народом полна совершенно неисчерпаемых богатств иного рода: памятников древних цивилизаций, предопределивших развитие всей европейской культуры; мест, связанных со всемирно известными историческими событиями и датами; классических образцов, которые легли в основу архитектуры, литературы, искусства, науки и философии последующих тысячелетий.

Подробно рассказывать обо всем увиденном на земле Греции не представляется возможным. Прежде всего это не тема данной книги. Кроме того, вряд ли то, что мы видели в Афинах, Пирее, Коринфе и Микенах, существенно дополняет общеизвестные сведения о сохранившихся до наших дней памятниках древней Эллады. Поэтому попробую из всей суммы впечатлений выделить те, которые имеют отношение к связи Греции с Востоком или к ее особой роли в Средиземноморье.

Мы ехали из Пирея в Коринф. Вначале дорога идет мимо каких-то предприятий, судоверфи, нефтеперерабатывающего и металлургического заводов. Затем проезжаем Элефсис (или Элефсин), где в древности славился храм богини плодородия Деметры, и видим, слева в густом тумане о-в Саламин, около которого в 480 г. до н. э. греками был разбит персидский флот.

Коринфский канал

Нас уверяют, что мы смотрим на Саламин с того самого места, откуда «царь персов Ксеркс наблюдал, как тонут его корабли». Может быть, это и так, хотя известно, что Ксеркс тогда стоял на горе, а не у ее подножия, где сейчас проходит трасса недавно выстроенного государственного шоссе. Минут через десять проезжаем Мегару.

С виду городок самый обычный. Но именно колонистами из Мегары в 660 г. до н. э. был основан Византий — будущий Константинополь, а еще раньше, в 728 г. до н. э., — Мегары Гиблейские на востоке Сицилии, не выдержавшие конкуренции с Сиракузами, возведенными всего за шесть лет до этого выходцами из Коринфа. В Коринфе мы оказываемся менее чем через полчаса после Мегары. Сначала осматриваем канал, прорезающий всю шестикилометровую ширину Коринфского перешейка, соединяющего Аттику с Пелопоннесом. Канал выстроен в 1887 г. Фердинандом Лессепсом, руководившим за 18 лет до этого строительством Суэцкого канала в Египте. Благодаря Коринфскому каналу Ионическое море непосредственно сообщается с Эгейским.

В древности и Коринф, и Мегара славились как центры торговли, искусств и ремесел. Ныне же это преимущественно сельскохозяйственные районы, покрытые главным образом оливковыми рощами, по площади которых Греция занимает третье место в Европе после Испании и Италии. Роши щедро разбросаны повсюду: рядом с предприятиями и шоссе, неподалеку от пляжей и вилл побережья Аттики, среди лесов и кустарников, а то и на фоне почти голых гор Пелопоннеса, где пейзаж иногда напоминает (в том числе благодаря оливковым рощам) южный Кипр. Только горы здесь повыше и покруче.

Старый Коринф сегодня — туристический поселок с бахчами и лавочками. Населения здесь ныне не более 3 тыс. человек. Хотя ведущую политическую роль в жизни Греции он перестал играть еще в V в. до н. э., выгодное стратегическое положение продолжало привлекать к нему внимание всех, под чью власть он попадал: спартанцев, македонцев, римлян, византийцев, франков (т. е. крестоносцев, главным образом итало-французских) и венецианцев. Окончательно он был разрушен

землетрясением в 1925 г., после которого и превратился в небольшой поселок.

В Греции, как ни странно, сравнительно мало памятников византийской эпохи, во всяком случае, меньше, чем в Турции, на Кипре и в Сирии, где среди множества действующих монастырей сохранились такие объекты паломничества и верующих, и туристов, как основанный самим императором Юстинианом в VI в. монастырь Седнайя и другие старинные христианские памятники. Византийские базилики в Афинах, как правило, более поздние — XI или XII в. Одну из них — Агиос Элефтериос — мы видели недалеко от центральной площади Синтагмы (Конституции). Сооруженная из крупных мраморных блоков с почти не поврежденными барельефами и геральдическими знаками, эта церковь в течение нескольких веков османского господства была резиденцией и местом официального богослужения афинских архиепископов.

Наиболее старинный памятник византийской эпохи — монастырь в Дафни (11 км к западу от Афин), выстроенный в VI в. на руинах храма Аполлона. Однако сохранившаяся до наших дней церковь Успения (в монастыре) с лучшими в Греции византийскими фресками была сооружена через 500 лет. Владевшие Афинами с 1204 г. франкские герцоги из Бургундии и Флоренции отдали церковь католическим монахам, изгнанным отсюда в 1456 г. турецким султаном Мехметом Фатихом. Этому султану, которому даже современные греческие авторы приписывают «искреннее восхищение античными памятниками», принадлежит заслуга спасения от разрушения многих древних святилищ и византийских базилик путем превращения их в мечети с помощью простого добавления минаретов. С подобного рода пристройками нам приходилось уже сталкиваться в Стамбуле и на Кипре.

Османское господство в Греции длилось почти 400 лет. У греков, которые постоянно вели борьбу против захватчиков (некоторые районы так и не были покорены, став базой партизан-клефтов), этот период оставил самые тяжелые воспоминания. Это чувствуется во всем, даже в рассказах гидов о памятниках античности. Например, при посещении Акрополя в Афинах нам сообщили, что турки устроили здесь пороховой

Стена Акрополя

Парфенон. Общий вид

склад, использовали камни акропольских храмов для строительства мечети, повалили колонны Парфенона (потом они были восстановлены). Территория Греции разорялась во время частых турецко-венецианских войн. В частности, большие разрушения в Акрополе произошли в 1687 г., когда артиллеристы венецианского полководца Морозини обстреляли турецкий арсенал, размещившийся в Парфеноне. Однако, как подчеркивал гид, еще больше вреда нанесло разрешение турецких султанов иностранцам вывозить из Греции начиная с XVIII в. мраморные статуи, барельефы и прочие ценные произведения античного искусства, большинство которых немедленно оказалось в Британском музее и частных коллекциях лондонских богачей. «Все растащили английские лорды», — так объясняют афиняне сравнительную немногочисленность произведений античного искусства на территории Греции.

В путеводителях всячески подчеркиваются «упадок страны» в эпоху турецкого правления, «пренебрежение» турок к памятникам античной цивилизации, их «неве-

жество» и прочие отрицательные качества, которые и привели к тому, что «турецкая оккупация... не оставила никаких положительных следов». Справедливости ради стоит напомнить, что «туркократия» (т. е. господство турок), как свидетельствуют исторические факты, далеко не всегда была ненавидима столь страстно.

В собственно Греции критически относились и к византийскому правлению (как прямому продолжению подавившего античную Грецию римского владычества и вообще не «чисто» греческой власти). До сих пор греческие историки упрекают императоров Византии в «осквернении» Акрополя и вывозе в Константинополь из Афин скульптур Фидия и других бесценных творений классического периода античности. Еще более резко греки осуждали (и осуждают сейчас) франкских феодалов и рыцарей-крестоносцев, господствовавших здесь после 1204 г. и снискавших всеобщую нелюбовь и презрение кровожадностью, грабительством, варварством и аморальностью. Их, а также союзных с ними венецианцев, еще долго потом оспаривавших Грецию у турок, осуждали также за преследование православия и навязывание католичества.

Турки учли это обстоятельство и проводили прямо противоположную политику: преследуя католичество, они поддерживали православную церковь, одновременно разрешив ей распространение образования на греческом языке, а греческим купцам — свободную торговлю по всей Османской империи. Более того, под покровительством султанов константинопольская патриархия проводила на Балканах эллинизаторскую политику, навязывая славянам, валахам и другим поработенным турками народам иерархов-греков и греческий язык, объективно тормозя развитие их национального самосознания.

Результаты такой политики на первых порах были в пользу турок: в знаменитой битве в 1571 г. при Лепанто, у западного побережья Греции, немало греческих моряков сражались на стороне турок против «христианской» эскадры Хуана Австрийского; вторжения венецианцев в Грецию в следующем веке турки отразили не без помощи греков; при прямой поддержке последних султану удалось также вернуть Пелопоннес, захваченный венецианцами в 1699 г. на 20 лет. Однако позитивные

аспекты «туркократии» для основной массы греков были исчерпаны после того, как перестала существовать угроза возврата венецианского или иного «латинского» гнета. Турецкое иго оказалось ничуть не лучше, а даже хуже, ибо сопровождалось еще более тяжелым налоговым гнетом, грабежами разнузданных янычар и периодическими вспышками резни на религиозной и национальной основе (на подавление движения партизан-клефтов и любых других выступлений греков, а также просто для налетов на мирные праздничные шествия христиан турецкие власти обычно бросали военные отряды из негреков, преимущественно мусульман-албанцев). Особенно тяжел был «налог кровью», т. е. насильственное разлучение с родителями мальчиков, которых забирали в янычарское войско.

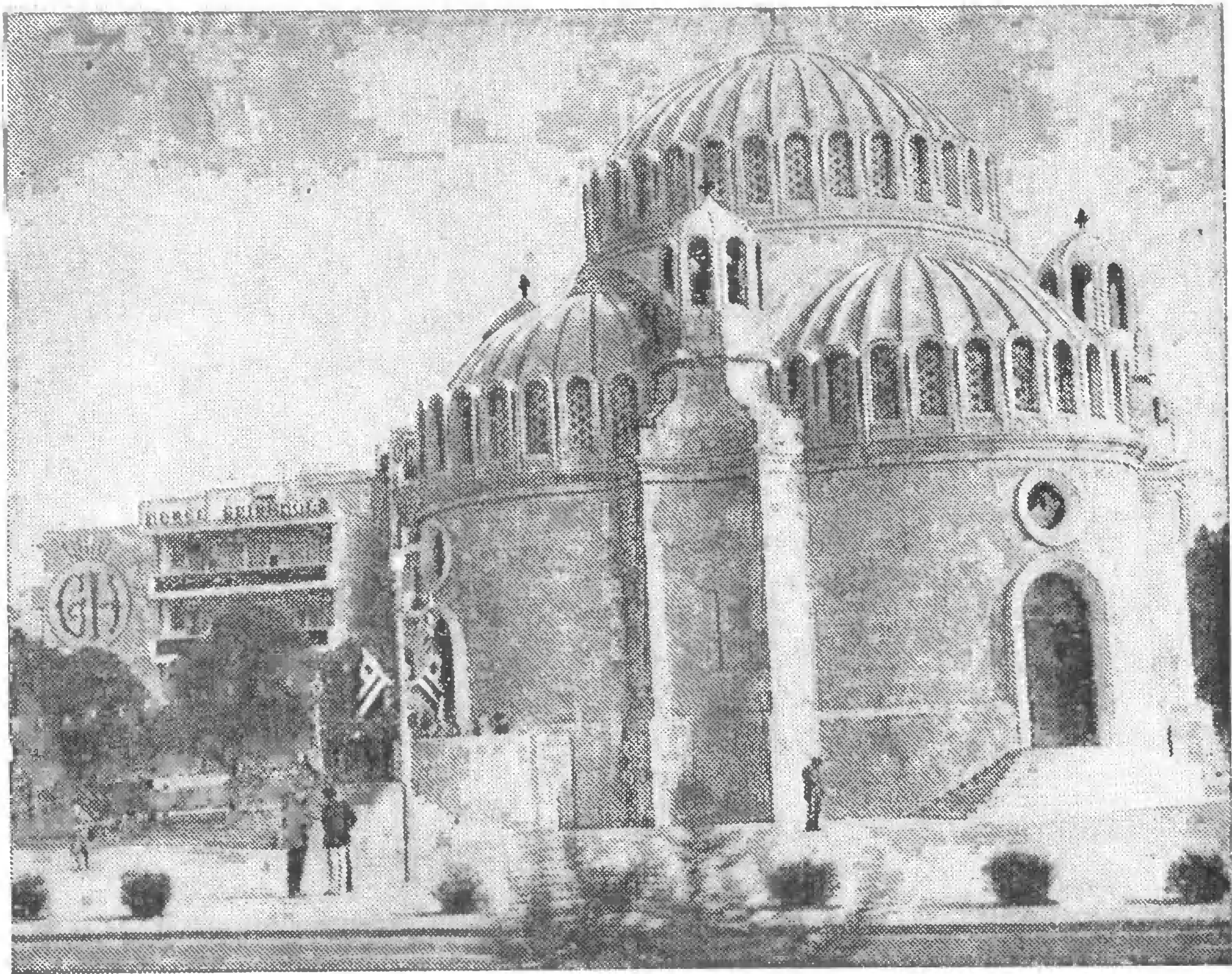
Все эти беды стали причиной массового бегства греков в Италию, Австро-Венгрию, Россию и другие страны. Вследствие этого, а также из-за частых репрессий, проводившихся янычарами самыми зверскими методами, население собственно Греции существенно сократилось за время турецкого господства, а в других странах, в том числе по всем странам Средиземноморья, вновь появились многочисленные греческие колонии. Именно в этих колониях и начала формироваться исключительно предприимчивая буржуазия, наиболее активно проявившая себя в сфере морского судоходства и посреднической торговли между Европой и Востоком. С этой буржуазией постепенно сблизилась и зажиточные верхи греческого населения Османской империи: богатое купечество (особенно на Эгейских островах, где они держали в руках значительную часть всего торгового флота Османской империи и транзитной торговли), высшее духовенство и чиновничество (особенно так называемые фанариоты, жившие в константинопольском квартале Фанар, где размещалась резиденция греческого патриарха, высших должностных лиц султанской администрации из числа греков и денежных тузов, наживавшихся на ростовщичестве, откупной системе и поставках султанскому двору).

После открытия черноморских проливов для русской торговли по Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. греческие фактории и торговые дома стали расти и на Черноморском побережье России, греческие офицеры

появились на русской службе. В дальнейшем помощь России, на которую греческий народ всегда возлагал самые большие надежды, сыграла значительную роль в деле освобождения Греции. И первым шагом в этом направлении явился средиземноморский поход эскадры Ушакова в 1799 г., способствовавший освобождению ряда греческих островов. Эпоха наполеоновских войн привела к усилению экономических и прочих позиций греческих общин Средиземноморья и Черноморья. Объединенными усилиями борцов за независимость внутри Греции и зарубежных греческих обществ, в том числе действовавшего в Одессе с 1814 г. «Общества друзей» («Филики этерия»), была подготовлена и осуществлена национальная революция греческого народа в 1821—1829 гг., завершившаяся возрождением Греции как самостоятельного государства.

Воспоминания о вековом турецком гнете, особенно усилившемся за столетие до обретения Грецией независимости, продолжавшиеся до 1922 г. греко-турецкие войны, мучительный процесс воссоединения с Грецией греческих земель, остававшихся еще долго (в некоторых случаях до 1913 г.) под властью турок, выселение греков из Турции и турок из Греции — все это, так же как и острые противоречия недавнего времени (из-за Кипра и нефтеносного континентального шельфа Эгейского моря), определяет напряженность и неприязнь в отношениях между греками и турками. Это сказывается даже в мелочах. Например, одна из малых гаваней Пирея, еще недавно называвшаяся Турколиmano (Турецкий залив), теперь называется Микролиmano (Малый залив). Какое-либо упоминание о турках в положительном смысле (и вообще упоминание о них) избегается. Исключение делается лишь для султана Мехмета Фатиха, который, завоевав и разорив Константинополь, впоследствии заселил его в значительной мере греками, но преимущественно из Мореи (Южной Греции).

Так в конце нашего путешествия мы опять столкнулись с той же проблемой, всю остроту которой могли оценить еще в начале своего средиземноморского круиза, когда оказались на Кипре. И у причала Пирейского порта мы видели множество кораблей под флагами СССР, Италии, Англии, США, Египта и других стран, но ни одного — под турецким флагом. Впрочем, я не

Новая церковь в пригороде Афин

помню, чтобы мы видели греческий флаг в порту Стамбула. Более того, известно, что в связи с ухудшением отношений между обеими странами многие греки, издавна жившие в Стамбуле, покидают его.

И все же, очевидно, рано или поздно вражда должна прекратиться. Во многом унаследованная от прошлого и питаемая воспоминаниями, она неизбежно пойдет на убыль при справедливом решении нынешних актуальных проблем, разделяющих эти страны. У турок и греков при всех их противоречиях и взаимных претензиях немало общего. Предместья Стамбула на берегах Босфора не так уж отличаются от прибрежных городков Аттики и очень часто имеют с ними какое-то неуловимое (иногда, впрочем, вполне определенное) сходство. Переполненные по вечерам кофейни на площади Омония (Согласия) и на других площадях Афин, похожие на фески шапочки, четки в руках многих греков не только пожилого, но и среднего возраста — во всем этом чувствуется дыхание «восточности» явно турецкого типа.

Тесные улочки в торговых кварталах Афин, особенно между Акрополем и Синтагмой, напоминают такие же улочки не только в Никосии, но и в Стамбуле, в частности в районе Нур-и Османийе, а распространенные по всему Средиземноморью политические надписи на стенах в Афинах и Пирее встречаются реже, чем в Италии, но чаще, чем в Стамбуле (при этом в Греции каждая партия делает эти надписи своим цветом: компартия — красным, социалисты — синим, правящие «неадемократы» — зеленым). Многие дома в Греции, особенно в сельской местности, напоминают виденные в окрестностях Стамбула или в турецких кварталах Ларнаки массивные башнеобразные здания, а еще чаще — типичные для всего Средиземноморья (особенно для арабского) белые кубики. Мне кажется (хотя, возможно, это и не так), есть сходство в музыке и танцах (особенно мужских) турок и греков, в некоторых деталях мужского национального костюма (насколько можно, конечно, судить об этом по тому, что мы видели и слышали в Стамбуле и на Кипре). Даже внешне турки и греки не очень отличаются друг от друга. На мой взгляд, среди греков не реже, а чаще, чем среди турок, можно встретить темноволосых людей с оливковой смуглостью лица, обычно характерной для африканских арабов и иракцев. Короче говоря, греки и турки, столь похожие друг на друга, несомненно, давно нашли бы общий язык, если бы не национализм, социально обусловленный буржуазным характером общества, в котором они живут, и в еще большей мере корыстная заинтересованность в нагнетании греко-турецкой вражды со стороны империалистических сил НАТО. С результатами политики и военным присутствием этих сил мы сталкивались и на Кипре, и на Крите, и на Мальте, и в Неаполе. Пока они еще отравляют политическую атмосферу Средиземноморья, мешая полнокровному оздоровлению международного климата в этом регионе.

Память о соседях

Когда мы отплывали из Пирея, завершая наше путешествие (на обратном пути мимо Стамбула мы прошли, не останавливаясь, едва различив в предве-

черних сумерках контуры собора Айя София и Голубой мечети), мне пришла в голову мысль о том, что все увиденные нами страны и народы в отношениях друг с другом руководствуются помимо политических и иных императивов сегодняшнего дня длительным опытом взаимного знакомства, подчас тысячелетнего соседства и даже совместного проживания. В сущности, все нации Средиземноморья так или иначе знают друг друга и каждодневно процесс этого познания продолжается.

Острова, на которых мы побывали, потому и кажутся «самыми средиземноморскими» из всех земель этого региона. Не только в их географическом положении, но и в культурно-бытовой специфике, архитектуре, этнографических и археологических данных этот процесс взаимопознания выступает во всем его многообразии, длительности и сложности. Прочности промежуточного положения между севером и югом, западом и востоком Средиземноморья способствуют и вековые связи между островами и островитянами (например, киприотами и критянами, сицилийцами и мальтийцами). К тому же в современную эпоху межостровные узы и вся жизнь островитян неизбежно интегрируются в комплекс отношений средиземноморских европейцев с народами средиземноморского Востока. А эти отношения определяются теперь как межгосударственными политическими и экономическими связями, так и ролью той или иной национальной общины европейцев на Востоке.

В Алжире в 1963 г. мне довелось разговаривать с французами: профессорами университета, владельцами ресторана, газетного киоска, филателистической лавки, парфюмерного магазина. Все они (разумеется, каждый по-своему) видели свое место в новой жизни страны и не собирались ее покидать. То же самое можно сказать и о беседах с алжирскими испанцами: агентом по продаже холодильников в Хусейн-Дее, барменом в Эль-Биаре, рыботорговцем в Оране. Особо следует остановиться на итальянцах, живущих повсюду — от Алжира до Ливана.

Поездка по Средиземноморью, чрезвычайно богатому памятниками цивилизации древнего Рима, сама по себе наводит на мысль о возможности широкого развития культурных связей с Италией всех стран средизем-

номорского ареала. Но и для развития экономических связей с Италией у этих стран достаточно оснований. Стремясь покончить с засильем нефтяных монополий США, они охотно сотрудничают с государственной итальянской компанией ЭНИ, обычно предлагающей развивающимся странам более выгодные и равноправные условия. Поэтому эмблема ЭНИ — многолапая волчица — всюду теснит символы американских компаний. Мы ее видели, в частности, во всех пунктах стоянок нашего теплохода.

Впервые живую итальянскую речь я услышал в Тунисе в 1962 г. Это было время крайне напряженных отношений Туниса с Францией из-за длившейся тогда еще войны в Алжире и спора за базу в Бизерте. Поэтому почти все французы страну покинули. Итальянцы же спокойно оставались на своих местах, работали, торговали и общались друг с другом (и с некоторыми тунисцами) на родном языке. Итальянцем был администратор принимавшей нас тунисской фирмы. Даже автобус, в котором нас возили по Тунису, был сделан в Италии.

Переехав из Туниса в Ливию, мы также столкнулись в этой стране с итальянским меньшинством, хотя и сократившимся по сравнению с колониальными временами, но еще значительным. Разговоры с некоторыми представителями этого меньшинства (врачом в Зуаре, хозяином трактира недалеко от руин древней Лептис-Магны, прохожими в Триполи) давали ощущение того, что корни у них здесь крепкие (впоследствии оказалось, что мы ошибались). К тому же наш гид Али, араб-ливиец, отлично говорил по-итальянски и очень сожалел, что не может с нами объясняться на этом языке. Он с удовольствием водил нас на итальянские фильмы, читал местную газету на итальянском языке, познакомил со своей девушкой-итальянкой.

Обычно итальянцы на Востоке оседают прочно, не собираясь ехать обратно. Иной тип итальянца мне довелось наблюдать в Египте года четыре спустя, в самолете рейса Луксор — Каир. Это был молодой человек, хорошо говоривший по-арабски и по-английски, но предпочитавший общаться с американцами и, судя по всему, мечтавший уехать в Европу. Возможно, это объяснялось сильными тогда антизападными настрое-

ниями в Египте. Но даже в то время на вывесках многих магазинов, особенно в Александрии, можно было прочитать итальянские фамилии.

Греков в арабских странах я видел меньше. В основном это были владельцы нескольких лавок и мастерских в Александрии и Бейруте да старый гид-полиглот в Дамаске, знавший помимо арабского, английского, французского и итальянского еще и армянский. В Каире в 1966 г. мне довелось впервые попробовать отличное греческое вино. Угощавшие им местные греки гордо называли его «королевским», так как сами они были поставщиками двора в Афинах (в Греции в то время еще была монархия). И тогда, и позже, в 1967 г. в Сирии и Ливане, мне показалось, что между греками, многочисленными на Арабском Востоке армянами и арабами-христианами существует определенная форма близости*. То же самое можно наблюдать сейчас и на Кипре. Очевидно, эта особенность корнями уходит в историю ближневосточного Средиземноморья, неоднократно сплетавшую судьбы всех христиан Востока (особенно православных), сплачивавшую их общими бедами и испытаниями.

Факт расселения той или иной национальной группы за пределами своей родины нередко прочно (или прочнее, чем раньше) сближает ее с каким-либо другим, более многочисленным или попавшим в те же условия народом. Так, корсиканцев на родном острове примерно столько же (если не меньше), сколько за его пределами. К середине 60-х годов около 100 тыс. корсиканцев проживали только в Марселе и столько же примерно в странах Магриба. Хотя после 1962 г. из этих стран, в первую очередь из Алжира, на родину вернулись 15—17 тыс. корсиканцев, все же нельзя говорить об их полной реэмиграции. Более того, они вместе с мальтийцами, испанцами и итальянцами составляют основу оставшегося в Магрибе европейского населения (главным образом офранцузенных нефранцузов). При этом для корсиканцев характерны глубокая привязанность к своему острову, где бы они ни находились, организация своих

* Исторически армяне также имеют основания считать себя средиземноморским народом, ибо Малая (Киликийская) Армения всегда имела выход к Средиземному морю и была самостоятельным государством в XI—XIV вв.

содружеств и ассоциаций от Парижа (где их около 10 тыс.) до Южной Америки.

В свою очередь, на Корсику эмигрируют уроженцы других островов Средиземноморья. В частности, сицилийцы и сардинцы доминируют среди 16 тыс. корсиканских итальянцев, преимущественно сельскохозяйственных рабочих на фермах вернувшихся из Алжира колонистов. А вот алжирцы да и другие арабы на Корсике, о которых речь шла выше, избегают наниматься к колонистам, предпочитая работать строителями, мусорщиками, ирригаторами. Как известно, около 1 млн. алжирцев проживают в Европе, в основном во Франции, где они составляют внушительную часть постоянной рабочей силы и ее резерва.

Особо интересны связи, например, Мальты с Тунисом, от которого остров отстоит на 389 км. Эмиграция мальтийцев приняла широкий характер с середины прошлого века. Так, к 1891 г. на Мальте и Гоцо жили 165 тыс. человек, а за их пределами — 40 тыс. (из них около 15 тыс. — в Алжире, около 12 тыс. — в Тунисе, остальные — в Египте, Ливии и других странах). В дальнейшем численность эмигрантов, фактически возрастая, формально уменьшалась, так как принявшие французское гражданство становились «французами». В результате число мальтийцев в Тунисе в 1946 г. составило 6,5 тыс. и в 1971 г. — лишь 525. Но это резкое падение во многом объясняется выездом во Францию мальтийцев-«французов» после получения Тунисом независимости, а также принятием значительной частью мальтийской колонии тунисского гражданства.

Большинство колонистов держатся сплоченно, активно поддерживая существующую в стране уже 95 лет Иссучита аль-мальтия (Мальтийскую ассоциацию). Тунисский ученый Хишам Скик находит, что язык мальтийцев Туниса испытывает сильное влияние и языка тунисских арабов, и сицилийского диалекта (сицилийцы всегда преобладали среди живших в Тунисе итальянцев). Последнее объясняется в основном тем, что мальтийцев и сицилийцев в Тунисе всегда многое объединяло, прежде всего религия и социальное положение. Среди них преобладали рабочие, ремесленники, мелкие торговцы. Еще французские власти беспокоились по поводу «чрезмерной силы итальянского и мальтийского

пролетариата» в Тунисе, а также его важной роли в рабочем и профсоюзном движении. В то же время социологи отмечают своеобразное промежуточное положение, которое всегда занимали мальтийцы в Тунисе между коренными жителями и европейцами с точки зрения нравов, обычаев, культуры, быта и правил поведения.

Связи между людьми, человеческие отношения в подлинном смысле слова (а не в утилитарно-прагматической интерпретации этого понятия западными буржуазными социологами) — вот что чрезвычайно характерно для средиземноморцев. Это, как правило, открытые, сердечные, иногда экспансивные оптимисты. Тысячелетние традиции сменившихся на их землях цивилизаций во многом служат противоводием от обезличивающей человека, лишаящей его гуманности и теплоты психологии корыстного собственничества и голого чистогана, привнесенной капитализмом и всячески стимулируемой империалистической пропагандой.

Именно человечность нередко позволяет средиземноморцам, привыкшим с детства к национальному, религиозному и культурному многообразию жизни, перешагнуть через многие барьеры и предрассудки, весьма живучие как на Востоке, так и на Западе. Мне довелось в Сирии познакомиться с арабом, у которого умерла жена-француженка и который усыновил ребенка от ее первого брака с итальянцем. Усыновленный юноша свободно говорил на всех трех языках, но носил арабскую фамилию и работал в Сирии. Думаю, что даже самый дотошный этнограф затруднился бы определить его национальную принадлежность. Сам он этим вопросом мало интересовался.

Средиземноморцы много знают друг о друге. Как между любыми соседями, между ними случалось всякое — и хорошее, и плохое. Память об этом, естественно, влияет на сегодняшние отношения. Однако процесс взаимопознания и взаимного сближения продолжается.

Один мой знакомый алжирец как-то сказал: «Вы не знаете средиземноморцев. Они работают страстно и увлеченно, но и отдохнуть любят по-настоящему». В данном случае важна не эта характеристика, которая сама по себе многим может показаться спорной или относящейся вовсе не только к жителям Средиземноморья. Важен сам обобщенный подход к средиземноморским народам, взгляд на них как на определенное единое целое.

У средиземноморцев много общего в этническом отношении. Французские ученые, например, многократно писали о внешнем сходстве североафриканских арабов с итальянцами, берберов с басками Испании и жителями центральной Франции. Однако вопрос стоит шире — о единстве группы антропологических типов, называемой средиземноморской расой и характерной для всего бассейна Средиземноморья — от Пиренейского полуострова до Греции и Северной Африки. Помимо возможных миграций и контактов доисторической поры это единство (естественно, относительное, как всякая общность, исторически возникшая в течение весьма продолжительной эволюции), очевидно, определялось и известными историей переселенческими движениями, охватывавшими все Средиземноморье или его большую часть.

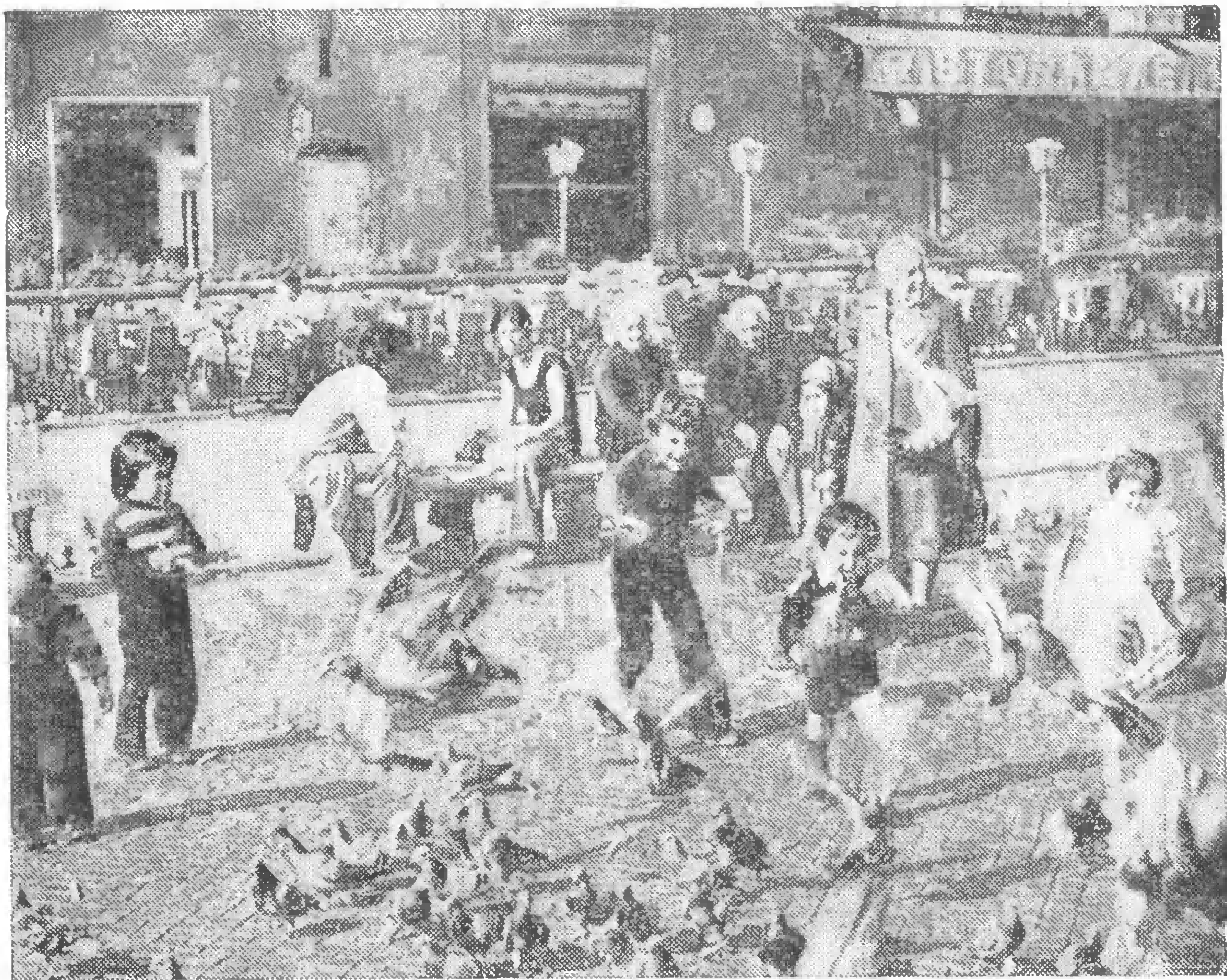
Длительное, по новейшим данным археологических открытий 60-х годов — не позднее чем с III тысячелетия до н. э., культурное взаимовлияние и взаимодействие в бассейне Средиземного моря ныне является не только общеизвестным фактом, но и предметом серьезного научного изучения. Ученые обнаружили следы сложного контакта и напластования различных культур, относящихся еще к древнейшим временам, и на северном (например, в Италии), и на южном берегу Средиземного моря (в Тунисе), но особенно на островах (Мальте, Си-

цилии, Сардинии). В частности, на Мальте, в святилище Тас-Силг (на севере острова), обнаружены следы последовательной смены характера религии (и соответствующей обрядности и формы отправления культа) в соответствии с доминированием в разные периоды истории острова его древнейшего автохтонного населения, финикийских колонистов, греческих и карфагенских завоевателей, римлян-язычников и римлян-христиан. При этом каждый раз храм не разрушался, а приспособлялся (изменяясь и достраиваясь) к новой религии, сохраняя тем не менее кое-что и от предшествовавшей ей.

Естественно, это не могло не придать местной культуре специфической неповторимости, прежде всего базирующейся на впитанности влияний различных эпох и народов Средиземноморья. Об этом же свидетельствует изучение статуй и стелл на западной Сицилии и в Сардинии, дающее представление о глубоком и давнем проникновении в эти регионы, как и на юг Италии (по некоторым данным, вплоть до стен Рима), отмеченных выше сплетавшихся и напластовывавшихся друг на друга влияний.

Данные научных исследований античных периодов истории Средиземноморья, смыкаясь с хорошо поставленным изучением этого региона в новую и новейшую эпоху, дают возможность всесторонне, во всем богатстве и многоплановости, рассмотреть то общее, что присуще средиземноморцам и способствует их близости. Одной из таких черт является смешение и взаимопроникновение населения разных стран.

В большинстве случаев сохранившиеся сейчас связи между этими странами — экономические, культурные, демографические (рожденные эмиграцией) — формировались в эпоху колониализма и до сих пор носят его отпечаток. Француз в странах Магриба, так же как итальянец в Ливии, а испанец в Марокко, представляет, хочет он того или нет, бывшую метрополию в освободившейся от ее власти колонии. Превращение его в «гражданина вне всяких подозрений» или лояльного иностранца, своим трудом приносящего пользу стране проживания, только еще происходит на наших глазах. Тем не менее сейчас можно сказать, что борьба бывших колоний за новые равноправные отношения с бывшими

Пьяцца Навона в Риме

метрополиями уже дает свои плоды. А это сказывается и на положении граждан бывших метрополий, которые во многих случаях «натурализовались», т. е. обрели вторую родину в стране проживания.

Во всех средиземноморских странах исторически сложилось множество инациональных групп, происхождение которых восходит к очень далекому прошлому, к различным этапам экспансии того или иного государства в Средиземноморье, к тем или иным важным событиям или поворотам в судьбах народов. Таковы, например, левантинцы — потомки еропейцев, в основном итало-французов, живущие в Сирии и Ливане с эпохи крестовых походов, воспринявшие арабский язык (а в некоторых случаях — ислам). Есть и другие меньшинства, сами по себе символизирующие исторические связи между народами (греки в Турции, Сирии, Ливане, Италии и Египте, турки в Сирии и Ливане, но особенно в Греции, где они составляют 2% населения).

Средиземноморье, как никакой другой регион земного шара, чрезвычайно богато сложными формами переплетения и совместного существования различных народов, культур, религий, этнических групп и меньшинств. Длительный опыт многообразных связей средиземноморцев на редкость плодотворен и поучителен. Вывод, который можно сделать на его основе, вполне очевиден. Подлинное сохранение национальной самобытности в нашу эпоху предполагает не изоляцию, а умелый учет и отбор влияний извне, способность усвоить из них все полезное и тем более необходимое. «Конечно, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в сентябре 1978 г., — один культурный обмен еще „не делает погоды“. Но когда он превращается в систему, когда растут связи в области политики и экономики, то, можно сказать, создается новый климат. Взаимное знакомство ведет к взаимопониманию, взаимопонимание — к взаимному доверию, доверие к сотрудничеству. А сотрудничество — это один из краеугольных камней укрепления мира и дружбы между народами» *.

У средиземноморских стран вполне достаточно оснований для взаимопонимания и сотрудничества. Все они, в том числе бывшие метрополии и ранее угнетавшиеся ими колонии, имеющие к первым справедливые претензии, заинтересованы в сохранении мира, наименее болезненной перестройке на началах равноправия традиционных отношений в различных сферах торговли, мореходства, судостроения, финансов, разделения труда и распределения взаимодополняющих видов производства. Есть у этих стран и общая забота, опасность игнорирования которой с каждым годом приобретает все большие масштабы. «Средиземному морю, — писал недавно французский журнал „Экспресс“, — традиционному источнику пропитания и радости для многих людей, прогресс грозит нанести страшный удар. Ведь оно представляет собой огромное озеро площадью в три с половиной миллиона квадратных километров, лишь слегка приоткрытое в сторону Атлантического океана. На обновление теплой и слабо перемешиваемой приливами

* «Правда», 7.IX.1978.

воды в этой чаше уходит почти столетие. Сегодня на его берегах живут сто миллионов человек. Через двадцать лет их число, как предполагают, удвоится. Чтобы их накормить, придется вылавливать вдвое больше рыбы, выращивать вдвое больше хлеба. Но поля отступают, на их месте вырастают заводы, которые, загрязняя воду, уничтожают жизнь в море» *.

Об экологической трагедии Средиземноморья давно уже оповещают 76 лабораторий, которые регулярно берут в 16 средиземноморских государствах пробы воды и почвы. Кроме того, по данным Всемирной организации здравоохранения, в воды Средиземного моря ежегодно сбрасывается 12 млн. т органических отходов, а также 1 млн. т азота; 360 тыс. т фосфора; 21 тыс. т цинка; 2,4 т хрома и 2,5 т всевозможных радиоактивных веществ. Из всех средиземноморских стран только Кипр имеет абсолютно чистое побережье, омываемое почти незагрязненными водами. Берега других стран загрязнены в значительной степени (особенно на севере Средиземноморья) либо же полностью отравлены и представляют во многих случаях непригодные или же опасные для жизни районы. Да и как могло быть иначе, если, например, итальянская фирма «Монтэдисон» в течение пяти лет сбрасывала в море между Генуей и Корсикой отходы из серной кислоты и тяжелых металлов, имея готовый патент на технологию обработки этих отходов. Но подобная обработка повысила бы на 10—20% себестоимость производства. Поэтому фирма терпеливо ждала, когда требование больше не загрязнять прибрежные воды будет предъявлено как ей, так и ее конкурентам.

Такова логика «свободного предпринимательства», имеющего право не считаться со здоровьем людей, если это связано с убытками. Поэтому-то Средиземноморье принимает в год 100 млн. туристов, а в то же время 17,5 млн. из 22 млн. жителей его 22 крупнейших городов страдают от нехватки очистных сооружений.

Разумеется, экологическая проблема — не главная для средиземноморцев. Она упомянута здесь просто как один из многих больших вопросов, в решении которых заинтересованы все народы региона. Но для решения

* Цит. по: «За рубежом», 1978, № 34(947), с. 18.

этих вопросов прежде всего необходимо обеспечить мир и безопасность в бассейне Средиземного моря. Сотрудничество народов этого бассейна будет невозможно без справедливого урегулирования тянувшегося уже несколько десятилетий ближневосточного кризиса, без удовлетворения законных национальных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного государства, без позитивного разрешения греко-турецкого конфликта и гарантии суверенитета и целостности Кипрской Республики. Некоторые события последних лет (крах фашизма в Португалии, Греции и Испании, позитивные сдвиги 1978 г. в Турции, связанные с приходом к власти Народно-республиканской партии, избрание президентом Кипра Спироса Киприану, выступающего за продолжение политического курса Макариоса) дают основания надеяться на возможность преодоления сопротивления империалистов справедливому урегулированию перечисленных выше проблем.

Средиземноморье, так нуждающееся в мире и справедливом решении еще многих международных конфликтов, извлекает уроки из собственной истории, столь богатой примерами как войн и разрушений, так и культурного, экономического и политического сближения. Именно поэтому все прогрессивные силы средиземноморских стран, все сторонники мира и созидания в этом регионе поддерживают честную и принципиальную политику Советского Союза, выступающего за разрядку международной напряженности, за обоснованное политическое решение ближневосточной и кипрской проблем, за мир и дружбу между народами, за их счастье и процветание.

«Мы хотим, — писал Л. И. Брежнев в Предисловии к своей книге „Мир — бесценное достояние народов“, изданной в Греции осенью 1978 г., — чтобы Средиземное море стало морем мира, добрососедства и сотрудничества. Мы понимаем, что добиться этого нелегко — чересчур много завязано здесь узлов напряженности, чересчур много перекрещивается противоречивых интересов государств.

Прямо скажу, мы глубоко заинтересованы в самом благоприятном развитии событий в этом районе мира. Почему? Потому, что ликвидация локальных очагов войны и напряженности — это одно из неперемennых

условий, ведущих к укреплению всеобщего мира. Потому, что через Средиземное море пролегают пути, связывающие южные порты нашей страны с Мировым океаном. В этом районе находятся подступы к нашим границам, на которых мы хотели бы, чтобы царило спокойствие» *.

Конкретные инициативы Советского Союза, направленные на укрепление разрядки в районе Средиземноморья, в частности предложение об одновременном выводе отсюда надводных и подводных кораблей СССР и США, несущих ядерное оружие, свидетельствуют о твердости и серьезности политики нашей страны, несущей мир и надежду народам всего мира, в том числе Средиземноморского региона. Это подтвердила и позиция СССР на созванном в феврале 1979 г. совещании экспертов по Средиземноморью в столице Мальты Лавалетте. В совещании участвовали представители 33 европейских государств, США и Канады, подписавших Заключительный акт общеевропейского совещания в Хельсинки. Советская делегация на совещании заявила, что СССР, «являющийся черноморской, и в этом смысле средиземноморской, державой, заинтересован в том, чтобы народы всех расположенных здесь стран могли в полной мере пользоваться благами разрядки и мирного сотрудничества» **.

* «Правда», 7.IX.1978.

** «Правда», 23.II.1979.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ВОСТОК В ЕВРОПЕ	6
СТАМБУЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	6
ЛЕГЕНДЫ И БУДНИ ОСТРОВА АФРОДИТЫ	20
НА МАЛЬТЕ	54
ОСТРОВА СРЕДИ ЗЕМЕЛЬ И НАРОДОВ	79
МИНОС И МИНАРЕТЫ	79
СИЦИЛИЙСКАЯ НАЦИЯ	94
ГОЛОВА МАВРА	119
ЕВРОПА ВБЛИЗИ ВОСТОКА	143
ВОРОТА В АФРИКУ	143
ГАВАНИ И ФЛАГИ	163
ПАМЯТЬ О СОСЕДЯХ	179
НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ	185

Роберт Григорьевич Ланда

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ГЛАЗАМИ ВОСТОКОВЕДА

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Т. А. Алаева*

ИБ № 13705

Сдано в набор 30/І 1979 г. Подписано к печати 6/VI 1979 г.
А-02821. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 6.
Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,36. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 4412. Зак. № 62. Цена 65 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 65 коп.